

ДОНБАССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

Альманах МІЗ

№2
2009

краматорск 2009

ДОНБАССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

Альманах МІЗ

ЖИВОЕ СЛОВО
(СОТРУДНИКИ И
ПРЕПОДАВАТЕЛИ ДГМА)

✿
ТАНЕЦ ДУШИ
(СТУДЕНТЫ И
ВЫПУСКНИКИ ДГМА)

✿
**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНО**
(ГОСТИ АЛЬМАНАХА)

✿
**ЖИВОПИСЬ
ГРАФИКА
ФОТО
МУЗЫКА**

краматорск 2009

Посвящается 10-летию газеты «Академия»

Редакционная коллегия:

А. Остафийчук, зам. главного редактора газеты «Академия»;

В. Кулеш, редактор газеты «Академия»;

В. Медведев, главный редактор газеты «Академия»;

А. Кибирев, руководитель литературного объединения «ГЛОРУМ»;

В. Романько, член Национального союза писателей Украины, председатель Донецкой областной организации Национального союза краеведов Украины;

И. Базилевский, член Национального союза художников Украины.

Альманах муз

Представлена літературна творчість викладачів, студентів, випускників ДДМА (КІІ) і гостей Альманаха. Відбито літературне життя Академії і міста в історичній ретроспективі.

Читачі можуть познайомитися з творами краєзнавців, прозаїків і поетів Краматорська, оцінити перші проби пера молодих авторів.

Призначений для широкого круга читачів.

А 57 Альманах муз : поезія, проза, фотографія, живопись, музика. – Краматорск : ДГМА, 2009. – 148 с.
ISBN 978-966-379-371-9

Представлено літературне творчество преподавателей, студентов, выпускников ДГМА (КИИ) и гостей Альманаха. Отражена литературная жизнь Академии и города в исторической ретроспективе.

Читатели могут познакомиться с произведениями краеведов, прозаиков и поэтов Краматорска, оценить первые пробы пера молодых авторов.

Предназначен для широкого круга читателей.

ББК 84
УДК 82-1/-9

ISBN 978-966-379-371-9

© ДГМА, 2009

Ректор Донбасской государственной машиностроительной академии проф. Федоринов В.А., выпускник КИИ 1972 года

Уважаемые читатели!

У вас в руках второй выпуск литературно-художественного журнала «Альманах муз» Донбасской государственной машиностроительной академии. Но в том, что журнал издан в одном из ведущих технических вузов Украины, уже нет ничего необычного.

Прежде всего, город Краматорск, в котором расположена Академия – город творцов с высоким интеллектуальным потенциалом. А ДГМА одновременно и кладезь талантливых людей: ученых, преподавателей, студентов, и находится в центре образовательной, культурной жизни города и региона. За 56 лет через Академию прошли около 33 тыс. молодых людей, ставших квалифицированными специалистами, успешными руководителями и учеными. Академия является важным звеном украинского машиностроения, одним из основных источников конкурентоспособных инженерных кадров машиностроительных

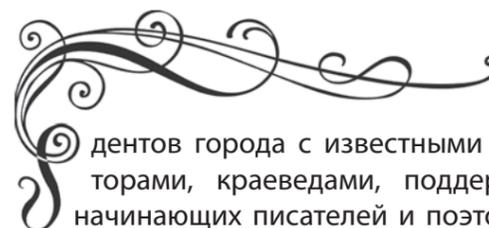
НЕ ИССЯКНЕТ РОДНИК ВДОХНОВЕНИЯ!

и металлургических специальностей для подавляющего большинства предприятий региона. На многих из них более половины специалистов с высшим образованием – выпускники ДГМА.

Академия активно участвует в международных образовательных программах, оказывает всестороннюю поддержку творческим людям, проявившим себя в науке и в других сферах деятельности. Уже много лет литературное объединение «ГЛОРИУМ», руководителем которого является Анатолий Кибирев, собирает под своим крылом поэтов и писателей вуза и города. Поэты ДГМА тесно сотрудничают с коллегами из Дружковки, Славянска, Донецка, Харькова, Киева. «ГЛОРИУМ» помогает молодым авторам обрести уверенность в своих силах, развить свой талант. В золотую книгу литературного движения ДГМА вписаны имена Ларисы Линёвой, поэтессы, преподавателя английского языка; Бориса Брусиловского, учёного ДГМА, профессора, доктора технических наук, изобретателя СССР, члена Союза писателей Израиля; Татьяны Лукьяновой, выпускницы нашего вуза, художника и литератора; выпускника Академии, ныне заведующего отделом Краматорского городского совета – Владимира Коцаренко, лауреата Литературной премии им. Виктора Шутова, и др.

За последние годы деятельности литературного объединения «ГЛОРИУМ» в издательстве Академии вышли в свет книги произведений Анатолия Кибирева, Алины Остафийчук, Игоря Шередеко, Сергея Шишкина и других авторов.

«ГЛОРИУМ» знакомит школьников и сту-

дентов города с известными литераторами, краеведами, поддерживает начинающих писателей и поэтов. В газете «Академия» их произведения публикуются в постоянной рубрике «Под сенью муз». Кстати, именно газета «Академия» на стыке веков поддержала процесс обновления культурной жизни вуза и города. На ее страницах были открыты литературная страница, постоянная рубрика «Культура».

В 2009 году газета «Академия» отмечает свой 10-летний юбилей. Создание газеты является ярким примером совместной

инициативы ректората и студентов Академии. За годы работы «Академия» сумела завоевать серьезный авторитет среди читателей и коллег. Многочисленные награды подтверждают ее высокий уровень. На счету у редакции множество дипломов и грамот Открытого фестиваля детских и молодежных СМИ Донбасса «Жми на RECOrd», в том числе – Гран-при (2002 год) и диплом за первое место в номинации «Пресса» (2009 год). Совсем недавно редакция была отмечена Золотой медалью и дипломом 1 степени в номинации «Научно-исследовательская работа» во Всеукраинском конкурсе СМИ «Вища школа-2008» и завоевала диплом победителя в номинации «Молодежные СМИ» в Международном фестивале юношеских СМИ «Волжские встречи-20» (Россия, 2009 год). Молодые журналисты, фотокорре-

спонденты, дизайнеры и верстальщики, работавшие в разные годы в газете «Академия», сегодня являются лучшими специалистами предприятий и организаций Украины, России, Израиля – Ярослав Шумейко, Елена Кремьянская, Алексей Таран, Марина Згривец, Елена Антончик, Виктория Лебединская, Сергей Овчаренко, Светлана Калининченко, Мария Цемах. Каждый из них внес большой вклад в становление и развитие газеты, сумел реализовать свои творческие способности после окончания вуза. На смену им пришли не менее талантливые

спонденты, дизайнеры и верстальщики, работавшие в разные годы в газете «Академия», сегодня являются лучшими специалистами предприятий и организаций Украины, России, Израиля – Ярослав Шумейко, Елена Кремьянская, Алексей Таран, Марина Згривец, Елена Антончик, Виктория Лебединская, Сергей Овчаренко, Светлана Калининченко, Мария Цемах. Каждый из них внес большой вклад в становление и развитие газеты, сумел реализовать свои творческие способности после окончания вуза. На смену им пришли не менее талантливые

На презентации первого номера Альманаха Муз

и перспективные ребята: Наталья Моренко, Евгения Тихонова, Виктория Евстигнеева, Алиса Кориневская, Алексей Романько, Никита Синельников, Михаил Бакузов, Станислав Якушев. Благодаря их работе студенты и преподаватели Академии узнают самые свежие новости науки и культуры, знакомятся с новыми талантами вуза и города.

Тем, кто постоянно читает нашу газету, хорошо известно, что кроме литературной жизни, Академия богата и другими направ-

лениями творческой деятельности. Студенческий клуб «Джерело», под руководством Анны Ковалевой, проводит тематические вечера, посвященные славянской письменности, украиноязычным поэтам и писателям, прививая любовь к национальному творчеству. Творческая гостиная под руководством Инны Медведевой постоянно знакомит Академию и горожан с творчеством интересных людей. Это работы художников, фотографов, мастеров прикладного искусства, работающих в нашем вузе и за его пределами. В Академии учатся талантливые музыканты, вокалисты, танцоры. Многие из них продолжают совершенствоваться в избранном виде творчества и после окончания вуза.

Поэтому, кроме уже устоявшихся раз-

делов («Сотрудники и преподаватели ДГМА», «Студенты и выпускники ДГМА», «Гости Альманаха»), второй выпуск Альманаха пополнился новыми разделами: «Живопись», «Фотография». В них представлены фотографии и картины студентов нашего вуза и гостей Альманаха, а в разделе «Музыкальное слово» вы сможете увидеть уже известные литературные произведения наших преподавателей, которые зазвучали по-новому под музыкальное оформление Виктора Дубинина.

Приглашаем вас окунуться в творческий мир «Альманаха муз» и познакомиться с талантами Академии, города и региона!

Владимир Федоринов

КОЛИ ДУША СПІВАЄ

У нелегкий час початку XXI століття прагнення людини оволодіти художнім словом – поетичним чи прозовим – заслуговує на особливу увагу. А якщо до художньої творчості звертається студентська молодь, випускники та викладачі вищого технічного закладу – інженери, економісти та програмісти – це говорить не тільки про широту інтересів цих людей, а й про їхню високу культуру, моральність та духовність.

Чимало років я маю тісні ділові стосунки з літературним об'єднанням «Глорум» (кер. – А.А.Кібіреєв), час від часу переглядаю вишівську газету «Академія», буваю на різноманітних

літературно-мистецьких заходах, що проходять у стінах Академії. Я впевнився у тому, що в цьому технічному закладі не тільки вчать розуміти креслення, формули та комп'ютерні технології, робити чудеса з металом, але й намагаються зробити все можливе, щоб інженери та програмісти перш за все були людьми всебічно розвиненими, могли розуміти та цінувати слово, а через слово відчувати тонкощі людської психології.

Приємно, що проблемою духовності студентства переймається безпосередньо ректор ДДМА професор В. А. Федорінов. В Академії діє Творча вітальня, регулярно проводяться виставки художників, фотохудожників, майстрів декоративно-прикладного мистецтва, працює літоб'єднання, видаються поетичні збірки викладачів, а в газеті «Академія» традиційно

ведеться сторінка «Под сенью муз». Треба додати, що ректор нещодавно презентував і свою авторську поетичну збірку.

Все краще, напрацьоване в царині художнього слова представниками Донбаської державної машинобудівної академії, у минулому році увійшло до першого номера «Альманаха муз». Вихід у світ цього видання не зали-

шився непоміченим – про цю подію розповіли міські та обласні засоби масової інформації.

І ось маємо другий номер «Альманаха муз». Як керівника обласної краєзнавчої організації, мене радує сам факт виходу у світ такого альманаха, що говорить про любов його авторів до рідного краю, до сво-

го міста й навчального закладу, до його історії і сьогодення. Ця любов підтверджується у багатьох творах, різноманітних за жанрами та тематикою. Автори «Альманаху» – люди різного віку: від студента-першокурсника до багатого на життєвий досвід професора.

Віритися, що видання «Альманах муз» займе своє особливе місце серед регіональних літературно-мистецьких видань. Навколо нього уже сьогодні групуються талановиті поети та прозаїки, публіцисти, музиканти та фотомайстри, причому не тільки представники Академії, а й інших навчальних закладів, мешканці різних міст Донеччини.

*Валерій Романько,
член Національної спілки
письменників України,*

голова Донецької обласної організації

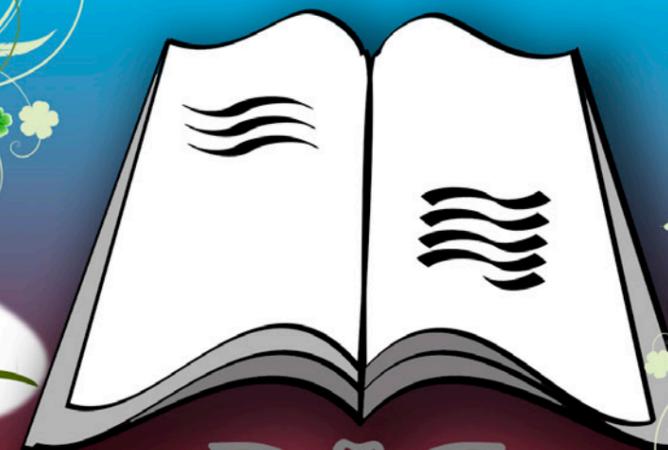

Валерій Романько на презентації першого номеру Альманаха Муз

ЖИВОЕ СЛОВО

**СОТРУДНИКИ
И ПРЕПОДАВАТЕЛИ
ДГМА**

АЛИНА ГАВРИКОВА

Преподаватель кафедры «Финансы». Будучи студенткой пятого курса ЭГФ, Алина работала в газете «Поиск», освещая рубрики: «Женский клуб», «Градоскоп». Первые шаги в сочинении стихов были еще в школе. Ее творческая зарисовка «Осенний джаз» в 2004 году уже публиковалась на страницах газеты «Академия».

Пробудись, мой малыш!

Жизнь открывает нам глаза,
Прозреть дает с глотком нектара,
Чтоб не расслабилась душа,
Не пригорюнилась дубрава.

Улыбкой славится Иуда,
А мрачный день – дождем с небес.
Чтоб человек не знал, откуда
Ждать оплеухи иль отвес.

Создатель мира, упиваясь
Своей гордыней, красотой,
Балансом наградил природу,
Дал человеку разум. Стой!

Но утомляет размышленья
О вечных истинных мирах.
А жизнь всегда и без сомненья –
Одно из самых высших благ!

Пробужденье! Побужденья травки,
солнца и цветов.
Вот и глазонки открыли трое маленьких жучков.
Плавничками рыбки робко делают уже зарядку,
Ну, а мама рано утром поливает с лейки грядку.
Ты откроешь свои глазки и посмотришь в облака.
«Может, я попала в сказку?» – ты подумаешь тогда.
Нет, мой солнечный ребенок,
ты сейчас в родном краю.
С мамой, папой ты с пеленок. Как же я тебя люблю!

Осенний джаз

Осенний джаз поет природа.
Порой меняется погода,
То мрачный день, то вдруг веселье
И непритворное похмелье.

Туманы, мягко опускаясь,
Ложатся тихо. Улыбаясь,
Деревья все в строю стоят,
Друг другу ветви теребят.

Красоты звуком поражают,
И ноты четко провожают –
Тепло и солнечную гладь.
Гордыню лета. Ей под стать!

Дожди синкопу отбивают
И в каплях нежно отражают
Листвы осеннюю прохладу.
И в этой музыке нет ладу?

Вся красота в необъяснимом,
В невероятном и строптивом,
Что не дает порой уснуть
И отрицает бранный путь.

Мне хочется пылать любовью чистой,
Гореть во мраке тихих грез.
Но чтоб она была настолько бескорыстной:
«Нет ни одного сомненья – все всерьез».

Я дорожу не теми, кто мне «стелит»
Дорогу в ад, безропотно дыша.
А теми, кто достойно постоять умеет
За слабого и самого себя.

Притворная идиллия мешает
Идти и завоевывать миры.
Но сердце, как в беспамятстве, бросает:
«Вы слышите? Я не хочу войны!»

Зимняя фреерия

Золотом горит на блюде
Пара желтых апельсинов.
Трубы дома напевают,
Заглушая клавесин.
Скромно зелень распушила
Елка в уголке светлицы
И с Зимой разболталась,
Как весной щебечут птицы.

Завивает кудри вьюга
Возле зеркала из льда.
Белоснежные деревья
Притаились у окна.
Наблюдают за девицей,
Улыбаясь ей украдкой,
А она хохочет громко.
Яблоко кусая сладко.

Из ларца достала серьги,
Примерять же их не стала,
В венском вальсе закружилась,
Музыка ее позвала...
Переливами играет
Платье чистотой сапфира,
Шаль прозрачная сияет,
Отражая звезды мира.

СЕРГЕЙ ГОЛОВКО

Доцент кафедры философии ДГМА, кандидат педагогических наук. Убежден, что вторая половина жизни всегда должна сопровождаться желанием поделиться накопленным опытом – опытом положительным и созидательным. Если с помощью литературы – то чувственно, емко и убедительно. Именно так хочется утверждать и утверждаться.

Гвоздь и Шуруп (басня)

Гвоздь большой, стальной, не робкий
Тихо спал на дне коробки.
Радикалом слыл всецело,
Лез в доску, лез в мрамор смело,
Лез повсюду напролом,
Был прямой, как дуrolом.
Был не склонен к лести сроду,
Исповедовал свободу, голову под молоток
Подставлял везде, где мог.
Если же дугой сгибался,
То неистово ругался,
Лез в коробку он опять,
Чтобы там ненужным спать.
В целлофановом пакете
Жил Шуруп при лунном свете.
Весь под никелем, винтом,
Голова была с крестом.
Крест – то признак интеллекта,

Мол, умен и без дефекта.
На рожон, как гвоздь, не лез,
Звался чинно – «саморез».
Знал он твердость в матерьяле,
Знал цену и личной стали,
Цену жизни точно знал,
Наш Шурупчик – либерал.
Для того, чтоб быть при деле,
Брал совет у пылкой Дрели,
И в просверленный проем
Шел легко, как на прием.
Посмотри, они похожи,
Но дела их подытожив,
Разницу найдем в одном:
Гвоздь не мыслит, что потом,
И в отличие от Шурупа,
Выглядит довольно глупо.

Дверь и Сквозняк (басня)

Дверь болталась на ветру
Вечером и поутру
Бестолковым игроком,
Дверь трепало Сквозняком.
От бессилья трели пела,
Дверь визжала и скрипела.
Обессилевшая Дверь
Злилась, словно в клетке зверь.
Вся красива и легка,

Но во власти дурака.
Безответственный, как ветер,
Он гуляет по планете.
Для таких, как Дверь, красавиц
Есть всегда Сквозняк – мерзавец.
Говоря без всяких врак,
В этом весь «гражданский брак».
Ей в беде помочь бы смог
Друг надежнейший – Замок.

Колодец

Памяти отца моего
Георгия Викторовича Головки
посвящаю

Я никогда не копал колодцев. Мало того, даже присутствовать при этом мне не приходилось. Но уважение и любовь к Колодцу как к источнику воды и жизни, основанные на какой-то таинственности, зародившейся еще в раннем детстве, когда приходилось, встав на цыпочки, заглядывать в колодец во дворе моего деда, сопровождают меня всю жизнь. Основательно укрепило мое положительное отношение к Колодцу еще тогда в детстве сказанное моей бабушкой, вносящей ведро чистой и холодной воды в дом:

– Хорошая у нас вода в колодце! Это твой дедушка с папой его копали.

Я не мог себе представить подробно всей технологии этого трудного дела, и от этого таинственность усиливалась, а безукоризненность авторитета дедушки и особенно отца безмерно возрастала. Без содрогания я не мог думать о том, как это мой папа, большой и сильный, на веревке спускался на двадцатиметровую глубину и работал там, куда мне даже заглянуть

страшно. Землю вытаскивал дедушка и тоже рисковал. Ведь могла оборваться тяжелая бадья, или упасть камень и... Дальше я уже не осмеливался думать и только невольно гордился смелостью отца, как своей. Это мой папа копал, и оттого вода в колодце такая вкусная.

Но колодец выкопан давно. Я уже втрое старше моего молодого отца. Его, как и деда, уже давно нет на этом свете. Колодец они копали до войны.

...В очередной раз решалась судьба войны. События разворачивались на Курско-Орловской дуге. В историю они вошли как коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. В июльских оборонительных боях 1943 года там, на дуге, принимал участие и наш герой – скромный парень Жора.

...Жора сидел на дне окопа. Полуденное солнце отвесно устремляло обжигающие лучи вниз, развеив само понятие тень как нечто невозможное и несуществующее. Каску, раскалившуюся до того, что к ней

больно было прикоснуться, Жора снял, как только немцы немного утихомирились, и положил рядом в пыль. Автомат тоже стоял рядом, прислоненный к пересохшей и потрескавшейся стенке окопа. Молодое лицо, недавно только освоившееся с хозяйничаньем на нем бритвы, было покрыто толстым слоем пыли, которую на висках пробороzdили высохшие струйки пота. Левее, полулежа на боку, притих Лешка, Жорин дружок. Вид у Лешки был не лучше, если не считать, что он был еще в каске. Забыв ее снять, он, наверное, мало выигрывал на этом солнцепеке прямого попадания. Еще дальше сидела небольшая группка бойцов во главе со взводным, младшим лейтенантом Карлиным, и о чем-то лениво переговаривалась. У бруствера, чуть согнувшись, стоял замкомвзвода Котов, и с остротой время от времени выглядывал в сторону противника. Сегодняшний день для взвода проходил относительно удачно. Немцы с утра не атаковали. Завязавшаяся было перестрелка через час утихла. Правда, мины, выпущенные немцами по нашим окопам «для порядка», разорвались не очень удачно. Два бойца были легко ранены, а Жору по плечу ударил большой кусок сухой глины. Жаловаться на все усиливающуюся боль было стыдно, да и бесполезно. Кроме ссадины, показать было нечего. Главное, что цел. Раненые тоже в тыл не ушли. С фронтовым старанием перевязанные, сидели вместе со всеми и радовались передышке. Словом, обстановка была сносная. Жить было можно. Но очень сильно хотелось пить. Налитая вчера во фляги вода была выпита еще утром, а посланный в тыл немолодой, лет сорока, рядовой Маркин, не нес не только воды, но и обеда. Хотя, честно говоря, есть и не хотелось. Жора уже давно определил интересную особенность человеческого организма – когда мучает жажда, меньше всего думается о еде. А здесь еще

эта жара и боль в плече... Хорошо немцам. Укрепились на окраине небольшой деревни. Небось, греются на солнышке да попивают что-нибудь, не торопясь. Сколько, интересно, до них? Метров восемьсот или, может, больше? Самое досадное, что еще утром, там, в лоцине, между позициями, на нейтралке, Жора видел колодец. Настоящий, с журавлем, и тропка от него идет вверх, к деревне.

Никто из сидящих о жажде еще не говорил. Хотя все, в этом Жора был уверен, о воде только и мечтали. Ладно, успокаивал он себя, придет Маркин, и все станет на свои места. Попьем водички, подкрепимся. Если бы только и трудностей, что эти. Надвинув пилотку на глаза и отложив ствол от себя противно пахнущий пороховой гарью автомат, Жора решил, что пока нет никаких команд, можно вздремнуть. Он был самый молодой во взводе.

Жорины отношения с Котовым были, прямо скажем, натянутыми. Котов по натуре – приспособленец (как определил для себя Жора), вел себя как настоящее промежуточное звено. Занимая нишу между рядовыми солдатами и начальством в лице младшего лейтенанта, он имел все возможности дать волю своей гниловатой сути, естественно, по отношению к подчиненным. Передовая со всем своим натурализмом и невозможностью скрыть психологическую сущность, проявляла достаточно быстро естество каждого. Актерство, присущее жизни в мирных условиях, быстро осыпалось, как мишура, обнажая подлинность всякого, кто попадал в этот смертельный котел.

Жора в свои восемнадцать, конечно, мало об этом думал, но сержанта не принял сразу, как и сержант его. Первым поводом для накала отношений послужила попытка Котова, буквально на второй день после появления Жоры во взводе заставить его по-

стирать портянки взводному. Сам процесс стирки был для Жоры не сложным, но унижительным. Его достоинство этого делать ему не позволяло. Если еще до войны над Жорой никто не верховодил, а тогда он был откровенно салагой, подростком, то теперь такого проделать над собой он точно не мог позволить. Физически во взводе он был, пожалуй, сильнее всех. Смело, без привязывания крутил «солнце» на турнике, а до того, как был призван в 1943 году в Красную Армию, полтора года вкалывал молотобойцем в деповской кузне в эвакуации в далеком Казахстане. Так что хорошо развитые мышцы рук, груди и живота были сразу же заметны всем желающим при первой же помывке. Именно это обстоятельство и предотвратило первый прямой конфликт Жоры с Котовым. Но взаимное озлобление нарастало, хотя проявлялось и не каждый день.

Следующая стычка с последующим докладом командиру взвода произошла по причине замены оружия. Первым фронтовым оружием, которое выдали Жоре перед отправкой на фронт, была трехлинейка с идеально отполированным сотнями ладоней прикладом и с хорошо заметной выбитой датой выпуска – 1905 год. Она за свою долгую жизнь постреляла-повидала, видимо, и первую мировую, и гражданскую, и, возможно, Хасан с Халхин-Голом, и финскую. А Жора даже по пролетающим Ю-88 стрелял из нее (был такой приказ командования: из всех видов стрелкового оружия стрелять по самолетам противника). Но когда в первом бою, увидев далеко цепь немцев, тщательно целясь, он стал впервые стрелять по живым людям, отчего его сильно трясло, то увидел странную вещь – автоматчик, в которого он стрелял, оставался цел, а буквально в нескольких

метрах перед стрелком поднимался фонтанчик песка. Немолодой сосед по окопу посоветовал «закинуть подале эту берданку», так как она не стреляла, а «плевалась» в немцев, не причиняя им ущерба.

Так, при первом же удобном случае, озлобленный своей бесполезной вооруженностью, да еще и записанной в книжку красноармейца, Жора, воровато озираясь, подобрал ППШ – автомат со слегка подмятым диском и небольшим сколом на прикладе. Злополучную трехлинейку, ухватив за ствол, раскрутил над головой и забросил в кусты. На вопрос Котова, где табельное оружие, отвечал просто – в бою разбило. Надо полагать, такое на фронте не редкость, но Котов возвел Жорин случай в ранг утери оружия в бою, что равнялось чуть ли не трусости и государственной измене. Выставил его перед строем, объявив для начала взыскание, пригрозил дисбатом. Младший лейтенант Карлин стоял в стороне и молчал, тем самым одобряя действия своего заместителя. Странное безразличие, инертность и даже пассивность по отношению к делам командирским и проблемам взводным солдаты возрастом постарше объясняли не особо эмоционально и даже как-то по-отечески. Мол, молод, по натуре не строг, да и опыта маловато. Мальчишка, после школы, попал на ускоренные курсы младших командиров, а здесь везде война, смерть – вот инициатива и умерла, не родившись.

Практически все командование взводом прибрал к рукам Котов, а взводный даже рад был этому, как избавлению. На передовой уцелеть долго было просто невозможно. Пополнение личного состава подразделений проводилось довольно часто. Во всяком случае, как только предоставлялась такая возможность или возникала необходимость перед проведением очередной операции. Так что молодых необстрелянных офицеров здесь было немало,

и многие из них забывали и о своей основной роли, и о патриотизме, когда начинали понимать всю малую значимость свою в этой мясорубке. Кроме того, немцы, великие психологи, активно использовали снайперов, цель перед которыми стояла следующая – истреблять не столько живую силу противника, сколько отстреливать офицеров любого ранга, вплоть до взводных. Всякий побывавший на фронте и хоть частично уцелевший там, мог похвастаться знанием подобного случая. Жора тоже это понимал умом, но сердцем не принимал, часто ершился, чем до зубного скрипа драконил сержанта Котова.

Тот, не отваживаясь на прямые меры физического воздействия, уже не раз ловил себя на мысли о немецкой пуле для Жорки. Она бы уж точно указала этому сопляку правильное место дислокации.

Давно вынашиваемый случай, удобный по своей аргументации, как казалось Котову, наконец, представился.

Жара продолжала изнурять окопных сидельцев. Всем уже давно, без объявления, было ясно, что Маркин засветло не вернется. Он не такой дурак, чтобы предлагать себя как мишень, да еще с двумя армейскими термосами. Как глупого зайца его подстрелили бы сразу на открытом месте. Хуже всего было раненым. Они распластались на дне окопа и крепились из последних сил, слегка постанывая. Только Котов иногда поднимался и, сгибаясь, пробирался по длинной траншее, негромко ругаясь. Видно было, что он что-то вынашивал, соображал и тоже мучился. Но никто не мог даже предположить, что задумал их замкомвзвода. Причиной мучений его была не массовая всеобщая жажда. Это был, как ему казалось, мировой повод избавиться от Жорки.

Наконец, что-то в себе переломив, он направился к ошалевшему от жары и все увеличивающейся боли в плече Жорке,

рывком достал из кармана штанов трофейный браунинг и, растягивая потрескавшиеся губы, прошипел:

– Ты пойдешь по воду...

– Куда? – совсем по-детски спросил Жорка.

– Колодец на нейтралке видел? – и чтобы не дать тому опомниться, быстро продолжил: – Возьмешь два котелка и иди.

Потом добавил, проявляя «командирскую заботу» и одновременно намекая на возможный исход:

– Оружие и документы оставь Лешке, – и, как бы оправдываясь в том, что посылает на верную смерть: – Видишь, раненые доходят...

Жора обомлел, понимая, что это приказ, невыполнение которого означало по законам военного времени – получить пулю прямо на месте. Неукоснительный аргумент был зажат в грязном кулаке Котова.

Все, подумал Жорка, но продолжал сидеть не шевелясь. Он даже онемел, застыл и оглох от такого поворота событий и очнулся только от грубого толчка. Это Котов в бешенстве воткнул ему в грудь ствол пистолета.

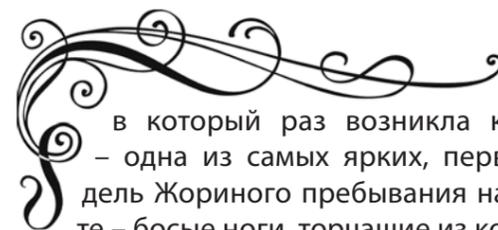
– Приказ понял? Выполняй! – продолжал Котов, выдохнув в лицо обреченного смрад прокуренного рта.

И вдруг Жоркой овладела злость. С резко изменившимся в сторону явной свирепости лицом, он совсем не по уставу произнес с некоторой растяжкой:

– Ладно, – и насколько смог спокойно, сжав руку с пистолетом, отвел ее в сторону от себя.

Несколько солдат, услышавших диалог, а затем увидевших эту сцену, молча наблюдали за происходящим, и ни один за Жорку не вступился.

Делать было нечего. Прямой отказ идти не предвещал никакой возможности уцелеть. Тем более что перед глазами уже

в который раз возникла картина – одна из самых ярких, первых недель Жориного пребывания на фронте – босые ноги, торчащие из коротких солдатских кальсон. Вот и вся памятная печать, оставшаяся у молодого солдата о расстреле дезертира перед строем. Жора догадывался, что сделано это было тогда отчасти в назидание остальным, отчасти во имя спасения Родины. Но страх со своим полчищем холодных муравьев по позвоночнику поселился навязчиво и надолго. Видимо, помня об этом, все свидетели Жоркиной трагедии сжались в комки и онемело окаменели.

На миг забыв об осторожности, Жора выровнялся во весь свой немалый рост, но тут же присел. Его во что бы то ни стало тянуло взглянуть на тот колодец на нейтральной полосе. Подумалось, сколько раз уже, ругаясь, опытные бойцы говорили о том, как неразумно мы копаем окопы. Фортификационная установка, полученная командирами еще во время учебы, сводилась к тому, что грунт при рытье окопов выбрасывался в сторону противника. Не без основания считалось, что куча земли перед бойцом дает ему дополнительный шанс уцелеть. Немцы всегда это делали с точностью до наоборот и ничуть не страдали от этого, и даже выигрывали за счет дополнительных мелких хитростей и прекрасного беспрепятственного обзора перед собой. Вот и сейчас, чтобы оценить ситуацию с походом к колодцу, там, в низинке, надо было высунуться чуть ли не до пояса. Стреляй снайпер – не хочу!

Сидя на корточках и прислонясь спиной к сухой стенке окопа, Жора из нагрудного кармана достал красноармейскую книжку, ту, где до сих пор была записана винтовка 1905 года выпуска, несколько писем – все, что связывало его с родными и прежней жизнью, но быстро приложил их к книжке,

чтобы не пробуждать в себе жалость и сострадание к себе же, и протянул их Лешке. С бруствера скатывались комочки глины, один из них попал за шиворот. Чтобы встряхнуть его, Жора снял и ремень. Тоже отдал его другу. Жестом показал, чтобы поближе к нему подбросили пару алюминиевых котелков. Пока так обыденно и даже неспешно собирался, немного пришел в себя и посмотрел на Котова. Тот сидел в стороне, уже без пистолета, и наблюдал за роковыми сборами подопечного. Во взгляде дикое озлобление уже улеглось, осталась настороженность, и, как показалось Жоре, проглядывало какое-то подобие сочувствия. Но когда они встретились взглядами, последнее исчезло моментально. Чем оно сменилось, Жоре определять было недосуг.

Он резко поднялся во весь рост и с зажатými в руке дужками котелков ловко взобрался на бруствер, пошел в сторону колодца. Идти вниз по пологому склону было на удивление легко. Не мешала даже жесткая трава. Вернее, она как-то не замечалась, но двигалось почему-то упруго, как навстречу сильному постоянному ветру. Сначала плечи по привычке поджались и ссутулились, а голова и шея пытались между ними спрятаться. Но шаг за шагом ощущение неотвратимой реальности возвратило парня в этот шальной мир противостояния жизни и смерти, и грудь медленно приобрела естественное положение. И как только она выровнялась, вдруг поразила страшная мысль-вопрос: куда угодит пуля? Если в сердце – хорошо, сразу все и закончится. А если нет? Жора даже ощутил жгучую боль, сначала в плече, на голове... Жуть! Снова стало страшно. Снова пошел «против ветра». Но было тихо, и никто не стрелял.

Спуск закончился, и начался относительно ровный участок – низинка. Здесь даже трава была зеленее. Это Жора отме-

тил помимо воли, сквозь страх. Реальное мироощущение брало верх. До колодца оставалось шагов тридцать, это даже успокаивало. В подсознании злополучный колодец рисовался как рубеж между «убьют» и «не убьют». А скорее как избавление. Жорин юношеский максимализм и сейчас его не покидал. Но чем ближе было к срубам, тем мысли о гибели становились прозрачнее. Может им, немцам, не до меня? Сидят себе, тоже изнывают от жары и ждут вечерней прохлады. Сейчас зачерпну и назад, правда, потом в спину могут пальнуть. Тоже обидно. Даже думать дальше не хочется.

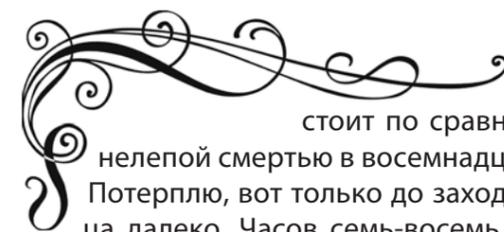
Подошел к колодцу. Сруб новый, сделан недавно из бревен нетолстых, плохо очищенных от коры. Земля рядом притоптана и заметно сырая – ночью пролили, кто-то воду брал. И мне ночью надо было... Колодезный журавель безмятежно торчал под сорок пять градусов, удерживаемый куском железнодорожного рельса на коротком конце. Веревка была плотно привязана к надрезу на конце жерди и заканчивалась хитроумным деревенским приспособлением, рожденным от бедности и, главное, чтобы не украли. Кусок проволоки-шестерки был несколькими витками похож на растянутую пружину, в которую круговыми движениями и продевалась дужка ведра. Чтобы упасть, ведру необходимо было самостоятельно сделать эти движения в обратном направлении. А под тяжестью воды это было практически невозможно.

Подойдя вплотную, Жора достал веревку и потянул за нее. Журавель скрипнул и легко наклонился. Опустившись на колени, он стал вертеть котелком, приспособив его к пружине. Это как-то не удавалось. Над срубом торчали его руки, вцепившиеся в веревку и котелок, голова в пилотке и грудь, навалившаяся клапанами карманов на край сруба. И вдруг... Жора отчетливо

услышал щелчок... Тот, кто был не новичком на фронте, такие звуки не перепутает ни с какими другими.

Пуля попала в бревно сруба буквально несколькими сантиметрами ниже груди. Отколовшаяся, но не отлетевшая щепка, почти перпендикулярно встала к Жорину подбородку. Не успев ничего сообразить, он рухнул на бок, отпустив веревку и бросив котелок в неглубокую воду колодца. Снайпер, видимо, не желая напрягаться и целить в голову, стрелял в грудь. А так как в достаточной тишине выстрела слышно не было, находился он где-то далеко. Это и спасло Жору, но надолго ли? Падая, он совсем не думал о срубе как об укрытии. Поэтому сейчас распластался в совершенно неудобном положении. Голова и плечи с одной, а ноги с другой стороны бревенчатого защитника стрелявшему были прекрасно видны. Замерев, лежа на спине, Жора даже веки плотно стиснул. Он ожидал выстрела, который его добьет, выстрела в голову. Но время шло, веки от напряжения стали мелко дрожать, а немец стрелять не спешил. Жора медленно открыл глаза и увидел небо... и солнце... жив и даже совершенно цел. Не верилось. И вдруг установка от возвращающегося сознания – не шевелись, ведь он думает, что попал, а лишним выстрелом ни один снайпер выдавать себя не станет. Может, спрятаться за сруб колодца? Нет, буду лежать мертвым – в мертвых не стреляют...

Солнце стояло в зените и пекло нещадно. Об избытке тепла и нехватке воды Жоре напомнили вдруг включившиеся внутренние индикаторы организма. Во всяком случае, последние полчаса от дисбаланса он не страдал – было явно не до этого. Ладонями обеих рук он воспринимал как благодать прохладу сырой земли, на которой лежал. Рядом, в полуметре, вода, но даже пошевелиться нельзя. Пытка... Но чего она

стоит по сравнению с нелепой смертью в восемнадцать лет. Потерплю, вот только до захода солнца далеко. Часов семь-восемь, а то и больше. Выдержку, вылежу, даже отдохну, лишь бы не уснуть. Во сне люди ворочаются бестолково, и я могу... на свою голову. Надо о чем-то хорошем подумать и время скоротать. Первое, что пришло в голову, так это мечта дурака о легком ранении. Попасть в госпиталь, отоспаться, отъесться, а потом пусть будет что будет. Тьфу! Глупо, видимо, этическая категория хорошего даже в таких обстоятельствах сводится к формуле «лучше, чем сейчас – это уже хорошо». Лучше подумать о другом. Если уцелею после войны, закончу школу, наверное, вечернюю, буду работать, а может, и в техникум железнодорожный пойду. Отец когда-то до войны рисовал ему такую перспективу. Теперь она вдруг вырисовалась совсем по-другому.

Множество еще рваных и незавершенных мыслей роилось в голове у солдата, лежащего в таком необычном, незавидном положении. Мыслей в голове, которая в любой момент могла быть пробита вопреки ее благим намерениям.

О Котове Жора не думал ни разу, пока лежал под срубом. Ни хорошо не думал, ни плохо.

Первая звезда была замечена примерно с ощущением первой вечерней прохлады. Жора так настроил себя на терпеливую неподвижность, что даже с наступлением не только первых, но и вторых и третьих сумерек все повторял – еще немного подожду... Сумеречная очередность определялась одним – все большим количеством появившихся звезд на небе. Именно это обстоятельство вселяло ширившуюся надежду на спасение. Оптимизма все прибавлялось, и вдруг он вспомнил, что до войны, дома, ему нравилась девчонка. Стройная,

русоволосая, с длинной до пояса косой, яркими голубыми глазами и чуть вздернутым кверху носом. Он проявлял к ней признаки внимания, а она их всячески игнорировала. Изощряясь в попытках заигрывания, он однажды так опозорился перед ней и ее подругами, что до сих пор было как-то не по себе. Забыв об осторожности, Жора запрыгнул на турник, стал раскачиваться с выходом на так называемое «солнце», то есть полный оборот вокруг перекладки. Буквально после первого или второго оборота руки соскользнули, и он под острым углом к поверхности земли полетел прочь от снаряда. Грохнулся невыносимо больно и свез все, что только мог свезти: колени, локти, живот, грудь, подбородок и, естественно, нос. Еле встал, в первую очередь беспокоясь об авторитете, а она, как достойная сельская барышня юных лет, приехавшая из украинской глубинки, встала, отбросила косу за спину и ушла. Решил, найду ее после войны и посмотрю, какая она теперь.

Ночь натягивала все плотнее свой черный чехол на землю, пока война не стала проделывать в нем светящиеся прорехи. Это немцы, пытаясь себя хоть как-то обезопасить, стали пускать вверх осветительные ракеты. Такое обстоятельство хоть и настрожило Жору, но особо не встревожило. В перипетиях с самым разным освещением, ему, уже бывалому (почти три месяца на фронте) солдату, быть приходилось. Да и до своих окопов буквально несколько сот метров.

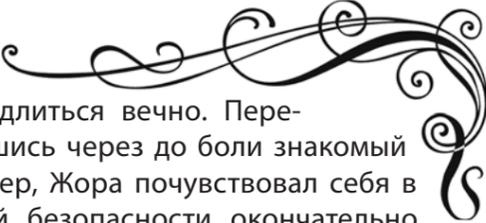
К этому времени он уже находился практически перпендикулярно своему старому положению. Голова касалась нижних бревен сруба как подушки, а ноги он свободно вытянул в сторону своей линии обороны. Расхрабрившись, он даже решил, что прежде, чем возвращаться, он сам вдоволь напьется из колодца, и своим принесет, вот мол сходил, но немного задержался...

Только где второй котелок? И вдруг Жора отчетливо услышал шум. Он еле слышно доносился откуда-то сбоку. Еще прислушался и потерялся в догадках – ползти по траве, а сбоку с одинаковой вероятностью могли приближаться и немцы, и наши. Точно немцы, подумал Жора, идут забрать документы у убитого, чтобы узнать, какая часть стоит перед ними. Времени размышлять уже не было, и он только и успел подумать, вот бы такой браунинг, как у Котова! Он бы им показал... И сам бы живым не дался. Интуитивно затаившись, Жора только слушал шорохи, исходящие от подползающих, да гулкие удары собственного сердца. Следующим ощущением стало грубое прикосновение к левому сапогу и попытка оттащить его от колодца. Жора из всех сил напрягся, выжидая момент, чтобы правой двинуть по голове тащившего. И в этот момент, совсем неожиданный, тихий, с присвистом шепот сказал:

– Здоровый был парнище! Ни по чем, сволочь, уморил такого мужика.

Шептали на чистейшем русском языке. Да это же Маркин! – узнал говорящего Жора, но слова проронить даже не смог, только как-то неловко задвигался, пытаясь сесть так, чтобы спиной прислониться к сруб. Пришедшие были просто ошеломлены. Чего угодно они ожидали от этой вылазки, только не видеть Жорку живым и невредимым. Маркин неистово ругался, видимо, касательно всех и вся, но все так же шепотом, только с надрывом. Остальные двое (один из них был Лешка) без стеснения щупали Жорку, как бы убеждаясь, что он действительно жив.

Через несколько минут, уже молча, вся четверка, один за другим, прикивая к земле, как только взлетала очередная ракета, ползли в сторону своих. Жорка полз вторым, за Маркиным, и ему казалось, что такой благодати и спокойствия он еще не испытывал никогда, и что теперь это

будет длиться вечно. Перевалившись через до боли знакомый бруствер, Жора почувствовал себя в полной безопасности окончательно. Кто-то из темноты протянул ему флягу. Залпом сделав несколько больших глотков, он почувствовал какую-то тяжесть в животе. Там дико заурчало, свело и отпустило. Жора присел на корточки, зажав пустой желудок как в тисках. Через минуту совсем полегчало. Подполз Лешка, сунул в руки друга котелок и провозгласил:

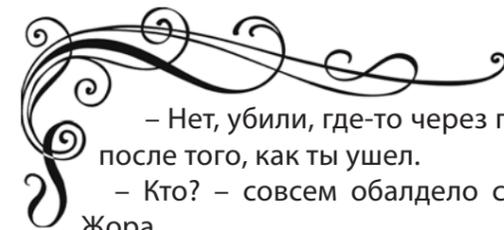
– Пшенка... С тушенкой, еще теплая, – и для убедительности добавил, – из термоса, Маркин недавно принес. Ешь, ты же почти сутки не жрамши.

После пережитого на нейтралке нехитрая забота друга окончательно растрогала Жорку, и он готов был разрыдаться, но помнил, что в мужской среде это не поощряется, а кроме того, на коленях в котелке остывала каша. Жора достал ложку из голенища, развернул тряпицу, в которую она была завернута, ею же протер свою кормилицу привычным движением, и стал есть. Каша и вправду была и теплой, и вкусной. Сидеть в напряженной позе было неловко. Жора сел прямо на дно окопа, вытянув ноги наискосок не очень широкой окопной щели. Последние движения делал чисто механически, выбирая удобную позу, потому что по-настоящему во время еды пришел аппетит. Вытянутые ноги уперлись во что-то мягкое, но неподатливое. Да мало ли кто там мог спать или оставить какой-то армейский скарб – чуть позже в оправдание мелькнет мысль у Жорки. А сейчас он с наслаждением ел кашу. Практически на ощупь переступая через Жорины ноги, Лешка еле слышно сказал:

– Ты, того, поосторожней, ногами-то... Здесь Котов... Под шинелкой.

Жора перестал жевать и спросил:

– Спит?

– Нет, убили, где-то через полчаса после того, как ты ушел.

– Кто? – совсем обалдело спросил Жора.

– Снайпер. Он высунулся над бруствером, высматривая тебя, тот и вlepил ему меж бровей. Скоро хоронить понесем. А ты спи. Маркин разрешил. Он теперь исполняющий обязанности замкомвзвода.

Жоре больше не елось. Он подобрал ноги, потом вообще перешел на место метрах в пяти от тупа. Что можно было думать о случившемся? Сожалеть, переживать, злорадствовать? На душе стало пусто-пусто.

К утру Котова похоронили, а Жорку воспринимали так же, как и до приключения с походом к колодцу. Жизнь на войне продолжалась...

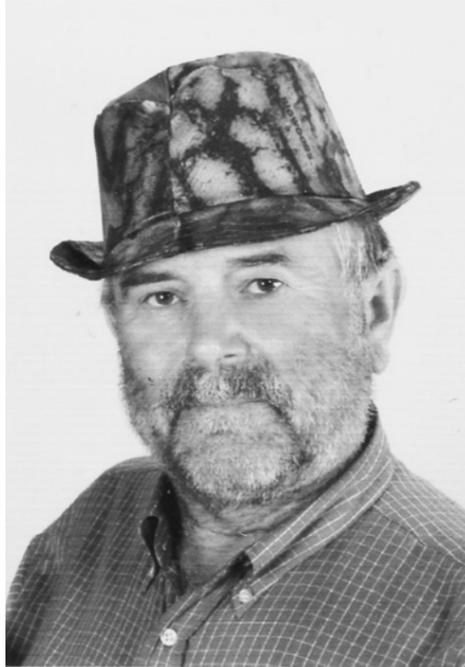
Отцовский колодец жив до сих пор. В нем по-прежнему вкуснейшая вода. Цел и

дедов дом возле колодца, правда, новые хозяева его крепко преобразили. Оказывается, желтая глина от рытья колодца шла на изготовление самана, из которого и был сложен дом. В этот самый дом полвека назад из родильного отделения больницы и принесли меня.

Случилось так, что и начал, и закончил свое повествование я личными местоимениями. Это может показаться, по крайней мере, нескромным, но это не совсем так. В рассказе нет выдумки, все точно так, как было услышано из уст отца, с годами пересмыслено и передано так, как смогло. Оказывается, когда пропустишь через себя даже небольшие частицы судьбы близкого человека, гораздо роднее и ближе становятся не только ушедшие, но и живущие.

А память мучительно стремится восстановить когда-то волнующие мальчишку рассказы о той страшной войне.

АНАТОЛИЙ КИБИРЕВ

Старший преподаватель кафедры МТО. Руководитель литературного клуба «ГЛОРУМ». Автор трех поэтических сборников стихов и песен: «Слово-песнь потомка Бояна» (1995 г.), «Каяла – река памяти» (1997 г.), «Слово-песня о битве-походе князя Игоря свет Святославича...» (2001 г.).

Стихи публиковались в Киеве, Донецке, а также в коллективных литературных сборниках Харькова, Святогорска, Славянска, в периодических изданиях Краматорска.

Квітонька серця

Вже осінь минула, й зима сивочола
Мої підсумовує грішні літа...
Та я із земного не маю нічого,
Лише з підвіконня, ні з того, ні з чого,
Глянь, квітка, як лебідь, у небо зліта!
То ж я поливав її майже півроку:
Зеленеє листя, і більш нічого...
Та ось, наче казка, розквітла нівроку,
Узимку, уже після Нового року
Червоная квітонька серця твого!
І тягнеться, наче живая, до Сонця,
І душу кохану свою розкрива,
І дивляться люди на моє віконце:
Мовляв, серед лютого в місті дива –
Гень, жевріє квітка якогось чухонця.
Нічого не мав і нічого не маю,
Хоч стажу вже більш ветерана труда,
Та, як і в дитинстві, тікаю до гаю
І там свою зіроньку-квітку кохаю,
Та й лину, як квітка, до неба-дива.
Бо тут, серед світу, нема в людях квіту,
А той, що і є, обриває юрба,
Та я сподіваюсь дожити до літа,

Де встане моя різнобарвна вся свита –
І кращого щастя для мене нема!
Аж там, серед квітів, тебе я зустрину,
І там стане квітом ковиль-сивина,
І я своїм серцем до тебе прилину,
Нехай вже не знайдем в коханні дитину,
Та нічку Купальську проведем без сна.
Там зорі живі і дерева живі,
Там ока чужого не видко, нема,
Нема непорочної Діви Марії –
Там наші язичницькі справдились мрії,
І править всю службу Природа сама!
Кохаються риби, кохаються птиці,
І квіти, і бджоли, і все, що живе!
Он глянь, як цілюються дикі горлиці,
Отак ми з тобою зійшлись на суніці,
І многія літа зозуля кує!
І думка моя ростина свої крила,
І ти коло мене – як квітка жива.
І нас на життя надихає Ярило,
І Мати-Природа для нас наярива
Від рясного квіту багаті жнива!

Апостол правды и науки

«І день іде, і ніч іде,
і голову схопивши в руки,
дивуюся, чому не йде
апостол правди і науки?»

Т. Г. Шевченко

Еще с языческих времён,
Когда душа не знала бога,
Был разум в небо устремлён,
И в Космос шла его дорога.

Пытливый ум и острый взгляд,
И страсть к разгадыванью тайны
Нашли законов целый ряд,
И планомерно, и случайно.

Душа бессмертия ждала,
И с помощью наук и веры,
Неотвратимо подошла
До пониманья Ноосферы.

Сильней, чем выигрыш джек-пота,
Людей на подвиг манят вновь
Наука, знания, работа,
Надежда, вера и любовь!

Но громом по звонкам мобильным
Иной стихии крепнут звуки:
Пред ней окажется бессильным
Апостол правды и науки.

І пройде день, і ніч пройде,
І не розвидниться ніколи,
Коли Америка гряде,
Як ті татари і монголи.

Голос Украины

Май пришёл без лозунгов и маршей,
без крикливых, без вождистских фраз,
без агонизирующей фальши...
И пришла рыбалка на Донбасс!
Это – и неполные недели,
сокращённый, но рабочий день...
А в семье давно уши не ели,
вот и ехать мужикам не лень.
Накануне всё перепроверив
и собрав положенные снасти,
мужики, прикрыв тихонько двери,
мчат туда, где встретят рыбу-счастье!
Где, презрев и кризис, и руину,
соловьи целуют Украину!

Одна-единственная жизнь

Я видел жизнь, единственную жизнь!
Я видел Солнце и под этим Солнцем,
И золотые видел витражи,
И взрывы бомб в заклеенном оконце.

Я видел Май, ликующий народ,
Отца с войны, живого, с орденами.
Я ждал и верил: он домой придет,
А знал о нем лишь по рассказам мамы.

Познал я труд в селениях глухих,
И спутник видел в небе полуночном,
Прочел и «Слова» заповедный стих,
И знаки формул в их значенье точном.

И радость встреч, и горесть разлук
На сердце кольца годовые нижут...
Приемлю все, не опуская рук –
Сильней люблю, сильнее ненавижу!

А счастье обойдет –
Я не в обиде:
Я видел жизнь,
А мог и не увидеть!

Благодарение природе Придонцовья

Нам ли медом не пахли цветы,
нам ли травы не кланялись в пояс?! –
Я напился Земной Красоты
и навек Красотой упокоюсь!

Нам ли не было неба милей,
нам ли не было воздуха слаще?! –
Мы вдыхали его, как елей,
в Придонцовых озоновых чашах!

Мне ли не была небылью Ты,
небывалой любовью и лаской?! –

Разбудила стихи и мечты
И реальностью сделала сказку!

Я не знаю, что там, впереди,
и живу как поэт и бессребник,
а умру – надо мной посади
наш сиренево-нежный бессмертник!

В Придонцовых лесах растворюсь,
в травостоях медвяных сокроюсь,
воспою Украинскую Русь
и ее красотой успокоюсь!

Критическая точка

Есть незримые силы в природе,
их тонка и затейлива вязь:
как магнитное поле в народе
возникает духовная связь.
Но ведь даже в железном магните
есть предельная точка Кюри:
если вы тот магнит накалите –
перестанет магнитить магнит.
А народ «закаляли» и били,
разрывали столетнюю связь,
и теперь наши души остыли,
и не тянет к содружеству нас.
Вроде вместе – но дикая сила,

раздробившая нам полюса,
радиацией нам расщепила
наши души: кто – «против»,
кто – «за».

Разорвала кольцо магнетизма,
расколола природный магнит,
и разбитой мечтой коммунизма.
поле боли в народе саднит.
И теперь я не знаю, что будет,
и душа не живет, не поет...
Неужели магнитные бури
размагнитили сердце мое?

Цветуки-букетуки

Цветы букетные, цветы печальные,
зачем вы срезаны среди бела дня,
зачем вы маните красотой отчаянной?
Сам праздник призрачный – не для меня!

Уже отрезаны ножом от прошлого,
вы навсегда ушли с лугов, полей,
так и засохнете среди быта пошлого,
быт не заставите быть веселей.

Одна без племени, уйдя без времени,
вы краской маните напрасно ведь,

у вас уж корня нет, и нету семени,
а завтра в мусоре вам плесневеть.

...Когда-то я охапками носил
головки в ноги той одной,
что отняла так много лет и сил,
а после посмеялась надо мной.

Не рву теперь букетов по лугам,
а словно в гости прихожу к цветам,
на их приветы сердцем улыбаюсь
и бесконечной жизни удивляюсь.

Враги на крови

Убили царя и Россию,
и вместо завета «Люби!»
жестокость и смерть замесили
и рушили храм на крови.
По стенам офортами Гойи
размазали кровь и мозги
и невыносимое горе
послали гонцом из Москвы.
Старинные дивные храмы,
ограбив, взрывали и жгли.
Иуды, кликуши и хамы
на холм Мавзолея взошли.

Под ними – кровавая жижа,
напрасная красная кровь,
и в ней оскверненными вижу
веру, надежду, любовь.
Отринув ученье Христово,
над столпотворением масс
под лозунгом глупым, но новым
икону повесили – Маркс.
Отчизна, воспрянь и извергни,
отверзни зеницы любви,
от лютой иудовой скверны
очисти свой храм на крови!

АНАТОЛИЙ ЛУЗАН

Родился 9 апреля 1941 года в Запорожье, где отец служил офицером Красной Армии. Но запорожским казаком пробыл недолго. В связи с началом войны мать с детьми, а нас у нее было трое, переехала на свою родину и родину отца – в Курскую область, где и прошли детство и юность. После окончания школы с серебряной медалью по комсомольской путевке строил Казахстанскую Магнитку, работал в шахте, инструктором райкома, горкома комсомола. С 1963 года живу в Украине. С 1966 года, после окончания философского

факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, работаю в вузе, где прошел путь от ассистента до доктора наук, профессора.

Поэзия – это увлечение молодости.

У памятника комиссару

Он встал, в атаку поднимая роты,
и так застыл, один среди полей,
но вижу я за ним ряды пехоты,
а не ряды красавцев-тополей.
Поднялся он в тот миг короткий, сжатый,
Спрессованный биением свинца,
И вслед за ним пошли вперед солдаты,
Хоть их дурманил запах чабреца.
Стою один в ночи у пьедестала,
Тьму разрывает свет прожекторов.
Машины мчатся, скорость не снижая,
и слышен мирный рокот тракторов.

Слушателю УТЖ

Когда затянут небо облака,
Тогда мы с вами сядем за науки.
Поскольку солнце светит, то пока
Оставим наши творческие муки.
Наука нас, конечно, подождет,
С ней ничего плохого не случится.
И благодарен будет нам народ –
За то, что меньше пачкали страницы.
А Киев! Киев дьявольски хорош!
Он, право, стоит, чтобы в нем забыться.
Ну где еще, когда так отдохнешь?
А повезет, то можешь и влюбиться...

Не надо прошлое будить.
Не надо звать его в сегодня.
Хотя не можем мы забыть,
Того, что было. В преисподней,
Поверь мне, легче будет нам
С тобою встретиться, чем в мире,
Где пели птицы по утрам
И солнце на глазах всходило,
И трепет молодой любви
Блуждал в движениях и взглядах.
Ты прошлое вспять не зови
Прошу тебя, не надо! Надо!..

Мы с тобой нашли друг друга
много лет назад.
Отшумели ливни, вьюги,
зной и листопад.
Было в жизни нашей много
радостей, невзгод.
И опять зовет дорога,
уж который год.
Я брожу осенним лесом,
шелестит листва.
Пусть немного я повеса,
но любовь жива.
Мне всегда немного грустно
от тебя вдали.
И курлычут безыскусно
в небе журавли.

Что это? Рок? А может быть, случайность?
Ведь в жизни все так тесно сплетено.
И смех, и боль, надежда и отчаянье,
Палитра бога, черта ремесло.
И кто укажет, где творенье бога,
А к чему черт старанье приложил?
Они вдвоем, у них одна дорога.
И бог без черта никогда не жил!

Хорошо, зарю схватив за гриву,
Оседлав, как молодую лошадь,
Проскакать над вечера разливом
И взглянуть в глаза идущей ночи.
Бархат темноты рукой потрогать,
Броситься в раскрытые объятия.
Не суди влюбленных слишком строго
и не шли им вслед свои проклятья
попусту. Никто их не услышит...

Мы могли не встретиться с тобою.
Мало ли проложено дорог,
Мало ли разведено судьбою
Тех, кто жизни радоваться мог.
Нам с тобой судьбу гневить не надо,
Благосклонна к нам она была.
И среди опадающего сада
Хоть на миг короткий нас свела.

АЛИНА ОСТАФИЙЧУК

Преподаватель кафедры «Менеджмент», заместитель главного редактора газеты «Академия». Лауреат Первого всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город Дружбы приглашает» (2008 г.). Автор четырех поэтических сборников. Стихи издаются в Киеве, Донецке, Запорожье, Одессе, Санкт-Петербурге.

Пишет с детства. «Поэзия – это воздух, – говорит Алина, – ею невозможно наддышаться...»

Поцелуй ветра

Закрой мне рот своим языком,
выскобли спесь наждаком кожи.
Колокол кадыка звонит – по ком?
Вырви его – и брось прохожим –
пусть затопчут. Набатом быть
тепло ль тебе, девица? Ляг поближе...
Клапан закрыть забыли. Рвы
ртов – молнии вспоротой и бесстыжей –
зазубрины. Солоно – лоно строк
заходится судорогой – бесплодной.
Залей в мои вены вишневый сок.
Сегодня от похоти слов – свободна!
Я немо-вменяема – рук твоих
послушница и страница.
Закрой же мне рот! Пусть оглохнет мир.
Серебряный пух приснится
под утро. И что там вокруг – война?
Все люди внезапно смертны?
А я вот целуюсь... И пьет до дна
солёные губы ветер...

Снежная пена-пластика.
Белых ресниц размах.
Небо к ладоням ластится,
бисером на губах
влага застыла. Шелковых
кружев узоры – шьет
звездный шаман на шторах.
Город – сугроба шов.
След от подошв растаял –
раной зияет. Но
нижет на землю замять
бусины облаков.
Станет светло и мягко
в пене домам лежать.
Пластика белой влаги,
словно моя душа,
приобретает форму.
Звуки скрывая, шелк
нежит мои ладони.
Тихо и хорошо...

Пианино

По лакированной крышке
старого пианино
цвета немойтой яшмы, карих уставших глаз
бродит рассвет неслышно.
Роза лежит уныло
С листьями из бумаги нотной. А где-то нас
ждут. И немного больно
клавишам черно-бело
жить. Им бы стать цветными. Радугой зазвучать...
Спит метроном. По воле
времени меркнет вера.
Бра на стене в хрустальных бликах слезится. Часть
струн ослабела насмерть.
Где-то по бальным залам
льется волна симфоний. Яшма свечей горит.
Мы виноваты разве
в том, что не всё сказали?
Крышка уже закрыта. Вместо браслета бинт
греет моё запястье.
Струны не строят. Роза
высохла безнадежно. Клавиш немых каре
как караул. Прощаться
вечно бывает поздно.
Бродит рассвет бесстрастно по гробовой плите...

Запах прелой листвы провоцирует мысли о вечном.
И срываясь на пошлость и женскую лирику, ты
сквозь ресницы акации смотришь,
как светится вечер
мишурой фонарей, как рисует на небе цветы
тот, кто все так нелепо, и так до безумия верно
сочинил, забавляясь щенячей твоей слепотой.
И ты делаешь шаг – удивленно взлетая на небо
вместе с пахнущей счастьем,
дрожащей от страсти листвой.
Твои волосы выются – и солнце незримое – плещет
из ладоней, зрачки отражают Любовь. Это сон,
это рай наяву. И не важно, что – глупо, что – вечно.
Наконец ты простила себя абсолютно за всё...

В скорлупе привычных строк
чувство мается – немое.
Безнадежно одинок
ты в толпе. И горлом горе
прорывается. Рука
удивительно – чужая
пишет буквы. Обыграть
невозможно. Жизнь без правил
пресекается. Уже?!
В скорлупе зародыш сохнет.
И осадок на душе
недосказанной любовью
остается. Помолчим,
и, не чокаясь, чекушку,
на двоих. Пустых причин
скорлупа разбита. Нужен
ты мне. Больше – ничего...
Четки строк рассыплет полночь.
Я хочу дышать тобой,
знать, что все приметы помнишь
плеч и губ, поймешь без слов,
что я жду. И к черту – время!
Я хочу твоё тепло
чувствовать клеймом на теле...

С листа свои стихи читаю,
не помню чьи-то имена.
Но знаю – встречи не случайны,
и верю – в мире не одна.
В созвездии Стрельца мерцает,
звенит от страсти – тетива.
И ночь – навывает. Снег и сахар
люблю без памяти. Больна
тобой в любое время года,
а по весне – еще острее.
Но знаю – выдержит аорта,
и верю – кто-то сможет спеть
на память всхлипы междустрочий
и многоточий звездных жуль.
И пусть порой неточен почерк.
Я ошибаюсь. Я живу...

ВЛАДИМИР ФЕДОРИНОВ

Трудовую деятельность В. А. Федоринов начал в 1966 году на Новокраматорском машиностроительном заводе электромонтером-ремонтником. В 1972 году закончил Краматорский индустриальный институт, а в 1976 году – дневное отделение аспирантуры при институте. После окончания аспирантуры остался работать в институте, где прошел путь от инженера-исследователя, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой до проректора по научной работе. С 2003 года по настоящее время – ректор ДГМА.

Первые пробы пера были в школьные годы. В литературном клубе «ВОЛНА» («Вольное общество начинающих литераторов авторов» ОШ №22) он учился писать, общался с начинающими поэтами, познавал мир классической и современной литературы. Стихотворения о Родине, природе, лирика отражали внутренний мир начинающего поэта.

С годами любовь к поэзии не прошла. Свои стихи Владимир Федоринов посвящал близким, друзьям, коллегам. Сегодня своим долгом он считает поддержку начинающих поэтов, прозаиков, художников, творческих людей. По его инициативе открыты Литературная гостиная, «Творча вітальня», издается литературный журнал «Альманах Муз», успешно работают литературное объединение «ГЛОРИЯ» и студенческий клуб.

Нам годы дарят жизнь и жалуют друзей,
Чего уж рассуждать – какой подарок ближе.
Всем жизнь сладка, но тем она светлей,
Чем более друзей, а боли тише.

Мы все стареем, обросли детьми,
Седеют волосы и скоро будут внуки,
Но люди так и не были б людьми
Однажды не подав друг другу руки.

Надежно все – пока рука в руке,
Ладонь к ладони дружеской и верной.
И солнце плавит иней на виске
И наша жизнь нам видится безмерной.

Все пройдет, а любовь остается...
Несуразных размолвок унылость
Только болью в сердцах отзовется –
Посели в нас, Всевышний, терпимость!

Милосердия нам не хватает,
Чуткость в душах порою не зреет.
Мы молчим, только сердце страдает,
Нам бы стать хоть немного добрее.

Своего не искать в раздраженьи,
Верить в мудрость... И доброй рукою
Пусть на нашем пути все каменья
Нежность цветом весенним укроет.

Мы все стареем словно невзначай,
Посмотришь: прядь седая, голос глуше.
Но не стареют, не черствеют души
И спать дает нам совесть по ночам.

Мы не пытались в жизни все урвать,
Нам от неё не так уж много надо:
Немного солнца и цветенье сада,
Да не болела б старенькая мать.

Ещё – немного преданных друзей,
Любовь и верность той, кто всех дороже,
Да не иметь судьи, чем совесть, строже
И видеть счастье собственных детей.

И так нужны ещё дороги нам,
Пускай в пыли, а лучше травы в росах,
Краюха хлеба и постель в покосах,
Шум городов и автострады гам.

Да и вот бы путь начертанный пройти
Не потеряв себя в глазах любимых,
И замков не настроив мнимых,
Оставить свет в конце того пути!

О, женщина!

О, женщина! Начало всех начал.
Мир сотворен не Богом, а тобою,
Ты жизни первый утренний причал,
Но ты её и унесешь с собою!

Не из ребра Адама ты –
то сказки для детей!
В тебе такой клубок противоречий,
Что никакой там бог, Адам или Авдей,
А бес нам услужил – и спорить нече!

То проще репы ты, а то сложна как мир,
В тебе переплелись вода и пламень,
Тепло и стужа, перец и зефир,
Любовь и ненависть,
лебяжий пух и камень.

О, женщина! Корзина алых роз,
Благоуханных трепетных бутонов,
Но нам вовек не избежать заноз,
Сердечных ран и молчаливых стонов.

Сегодня роза ты, а завтра – её шип!
Роса поутру, днем песок в глаза,
То как ручей журчишь,
то перейдешь на скрип,
То неба синь, а то в степи гроза.

Сложна ты, женщина!
Мы проще, без сомнений.
Нам не узнать тебя,
нам не грозит прозренья.
И пусть... В молитвах лбы
поьем и расшибем колени,
Чтоб избежать при жизни
твоего презренья.

ІГОР ШЕРЕДЕКО

Випускник Краматорського індустріального і Донецького політехнічного інститутів та Донецького національного університету. Викладач кафедр «Прикладна математика» та «Електромеханічні системи автоматизації в електромеханіці». Пише вірші з 2000 року. Автор двох поетичних збірників, член поетичного об'єднання «ГЛОРИЯ».

Жама Вітгузна

Сніги відступили в низини,
Їх втечу маскує туман.
На пагорбі з крейди і глини
Темніє високий паркан.
І вулиці там вже немає:
Крізь хаші – стежина у гай.
Гілками зі стріхи вітає
Загублений п'яний сарай.
Минуле – на долі багатті.
Не спить на льоху хитрий кіт,
І дівчина в білому платті
Не стріне мене у воріт,
Щоб міцно узявшись за руки
Летіти до обрію мрій!..
Кружляють там зграями круки,
Над маревом наших надій.
...В Канаді, у снах, серед ночі,
Ти бачиш сосну на горі,
Віконце спустошені очі
І ворона на димарі...
Та зле неминуче минає.
Життя прокидається знов –
І ластівка дзвінко вітає
Надію, Весну і Любов!

Ключ

День розчинився в сумі та чеканні
На твій дзвінок із Півночі на Схід.
Жадаю знов освідчитись в коханні,
Згадати наш південний родовід...
Зірки на хвилях, пляжі, ресторани,
І повний Місяць в сяйві-убранні –
А потім рік загоюються рани
І танцюватимемо танго уві сні.
Коли вночі загостряться сприйняття,
Циганських чар стає нестерпним тиск –
Підборів чую стук і шерех плаття,
І воля тане, як на свічці віск.
Ось твій об'єм, захищений у шторі,
І тінь густіє поруч на стіні,
Тепло долоні на плечі і зорі –
Кассіопея мріє у вікні...
Душа розп'ята знов на сьогодні,
Життєва стежка в'ється серед круч...
Не знаю, як з'явився у кишені
Замість мого, твій, з візерунком, ключ!

Ариана

Укхрайя* – Ариана,
Давня страна.
Я – в палатке у кургана,
Надо мной – Луна.
Тьма ночная – колдовская,
Переключка сов...
Ветер носит, рассыпая,
Перья облаков.
Тушит резким криком птица
Головни костра.
Серебром внизу змеится
Чешуя Днепра.
Заплясал в пещерах-сотах
Несказанный свет.
Письменам в древнейших гротах
Десять тысяч лет.
Освятити, Царица ночи,
Знаки праотцев,
Расскажи, о чем пророчит
Тайнопись жрецов!
Пусть торжественно и звонко
Веды зазвучат,
В бой победный амазонка
Поведет девчат,
Вознесут певцы слепые

В полночь у огня
Славу тех, кто смог впервые
Обуздать коня!
Сущность Космоса не в Вере,
Суть его – в Добре,
Не в молитвенной манере
И не в алтаре.
И за слово, и за дело
Карма суд вершит
И в заслуженное тело
Душу воплотит...
В циклах вечного движенья
Мировой закон.
На великие свершенья
Арий обречен.
Через горы, льды и чащи
К Инду шлях пробит.
Их от бед и неудачи
Свастика хранит...
Меркнет в дымке Ариана,
В облаках Луна.
Я – в палатке у кургана.
Вечность. Тишина.

* Земля курганов (санскрит)

Послук

Убегаю по лезвию бритвы
Из привычной – в чужую Реальность.
С ног сбивает пути виртуальность,
Не упасть помогают молитвы.
В Новом мире ласкающий ветер
Мягко стелет на жала солону;
Предстоит пилигриму босому
Пересечь поле битвы под вечер.
Победить не картежной колодой,
Видеть истину в маске паяца,
Вверх по радуге в небо подняться
За плененной богами Свободой!

Святогорск

Скалы и храма сопряженье,
Тоннеля внутрискальный винт,
Огни свечей, монахов пенье,
Воспоминаний лабиринт.
В горе, чистилище минуя,
Пройдя сквозь ужас тьмы веков,
Пробившись к Солнцу и ликуя,
Стоишь, превыше облаков.
В конце пещерного колодца,
Как бы рождаюсь каждый раз,
Следишь, как пульс Вселенной бьется,
А жизнь слепит – до боли глаз!

Ганек Душ

СТУДЕНТЫ
И ВЫПУСКНИКИ
АГМА

ЕЛЕНА АНТОНЧИК

Выпускница ДГМА, гр. ИТ-01-2.
В разное время работала верстальщиком, журналистом в газетах Краматорска, фотокорреспондентом киевских Интернет-изданий. Сегодня является главным специалистом Управления обеспечения деятельности министра труда и социальной политики Украины.

Литературой увлекалась с детства. Первые пробы пера состоялись в 16 лет. Ее эссе регулярно публиковались на страницах газеты «Академия».

«В театральном искусстве есть упражнения на развитие трех кругов внимания: необходимо слы-

шать зал, слышать партнера и слышать самого себя.

Вот и я мечтаю показать все это в своих рассказах, – говорит Елена, – Ведь так просто видеть мир, так необходимо чувствовать тех, кто рядом, и так сложно понять, что происходит внутри у тебя самого. Сложно, но попытаться стоит...»

Весная загадка

Тропинка вилась пестрой лентой... Зеленая утоптанная трава сменялась голой землей, затем красной глиной, белым солевым налетом, снова травой, но на этот раз выгоревшей желтой. Виан шел вперед, понимая, что давно уже не узнает дорогу. Конечно же, он заблудился, вот только все еще не хватало смелости признаться в этом самому себе. А больше признаваться-то было и некому. За последние полчаса мимо не прошло ни души. На ветках злые кукушки на вопрос о количестве оставшихся лет предательски замолкали. Оставалось только спросить тот же самый у дятла. Но это была слишком старая шутка.

Виан пытался ориентироваться по солнцу,

но небесное светило постоянно меняло свое положение, как будто хотело окончательно сбить с толку.

Вдруг за деревом, которое находилось на расстоянии около тридцати шагов, что-то шевельнулось. Потом еще раз. Виан остановился. Шорох стих. Из-за дерева показалась пара огромных глаз. Нет, это не было большое животное, просто на прекрасном точном личике эти глаза выглядели воистину огромными. Личико было девичьим. Помимо сводящих с ума глаз, на нем имелись остренький носик и красиво очерченные, слегка полноватые губы. Все это было обрамлено белыми прямыми волосами, из которых по бокам выглядывали... О, Боже, спаси и со-

храни! По бокам, сквозь волосы, выглядывали заостренные ушки. Перед Вианом была самая настоящая эльфиечка. Еще совсем юное создание любопытно хлопало глазками, пытаясь понять, что же оно перед собой видит.

Виан сделал шаг вперед. Эльфиечка опять спряталась за дерево. Юноша вернулся назад – незнакомка выглянула снова. Виан сделал еще шаг вперед, всем своим видом показывая, что не намерен кого-либо обижать. Незнакомое создание зачем-то хмыкнуло и тоже сделало шаг вперед. Юноша продолжил движение, но эльфиечка с места не двигалась. Продолжая хлопать огромными ресницами, незнакомка что-то прошептала. Виан не знал их языка, поэтому не мог понять, что это: вопрос, предостережение, а может, и вовсе какое-нибудь заклинание. Страх перед неизвестностью сделал ноги ватными, но юноша продолжал идти. Глаза эльфиечки все больше наполнялись тем же страхом, но она по-прежнему не шевелилась, только что-то шептала. Слова она произносила очень быстро, не делая пауз, чтобы собраться с мыслями. Больше всего это напоминало молитву: все слова давно известны и заучены – не надо придумывать что-то новое.

Когда расстояние между ними стало не более трех шагов, эльфиечка сделала шаг назад, готовясь убежать. Виан остановился. Незнакомка тоже замерла. Страх постепенно начал проходить, оставалась настороженность.

Виан положил руку на грудь, тем самым указывая на себя, и громко, отчетливо произнес вслух свое имя. Губы эльфиечки тронула легкая улыбка. Она повторила имя юноши, хихикнула и еще раз произнесла имя. Виан покраснел от смущения. Видимо, его имя казалось незнакомке очень смешным. В это время эльфиечка, указав на себя, произнесла: «Виана», и еще раз хихикнула. Юноша тоже улыбнулся. В голове мелькнул вопрос,

кого из них назвали чужим именем: человека эльфийским или наоборот?

Только сейчас, когда напряжение, наконец, спало, Виан оглядел незнакомку с ног до головы. Юное создание было прекрасно. По причине невыносимой жары на ней было совсем немного одежды: небольшая повязка прикрывала грудь, а вторая, чуть шире первой, была повязана на бедрах, имитируя юбку. Запястья были обвиты браслетами из разных трав, корой деревьев и даже обычными ленточками, которые девицы вплетали в косы.

Эльфиечка сделала шаг назад, взглядом приглашая его подойти. Виан сделал шаг навстречу. Обладательница самых прекрасных на свете глаз в знак одобрения кивнула головой. Юноша сделал еще шаг навстречу, потом еще и еще. Эльфиечка подождала, пока он подойдет, а потом резко отвернулась и побежала. Отдалившись шагов на тридцать, она вновь остановилась, дожидаясь, пока Виан ее догонит.

Такими перебежками они зашли в чащу. Деревья стояли на расстоянии шага одно от другого. В самой глубине чащи стоял небольшой шалашик, построенный между стоящими кругом деревьями. Проскользнув внутрь, Виана оставила занавеску открытой, тем самым приглашая юношу войти.

Хоть дневной свет внутрь и не проникал, на полу стояло несколько горящих свечей, и в шалашике было на удивление светло. Но свечи были не такими, какие обычно бывают у людей. Они были похожи на чаши из воска, а фитиль был выложен в виде спирали.

В середине шалаша был невысокий пенек, застеленный шкурой какого-то животного. Скорее всего, это было что-то вроде стула. Эльфиечка указала на него. Юноша присел. Виана надела ему на шею какой-то камень, потом, тихо нашептывая что-то, начала перебирать его волосы. Свечи источали успокаивающий аромат, полумрак создавал ощущение нереальности происходящего.

Эльфиечка открыла крохотный флакончик с ароматным маслом и пролила каплю себе на грудь. Юноша ни на мгновение не мог отвести глаз. Виана взяла его ладонь и приложила ее к груди, предлагая растереть масло. Он послушно проделывал все, что она просила. Виану казалось, что этот день – последний, что вместе с ее страстью оборвется и его жизнь. Может, она принесет его в жертву, может, просто убьет. Но, даже осознавая это, он соглашался со всем, не в силах противостоять ее ласкам, полумраку, аромату свечей и масла на ее теле...

Виан привстал на травяной постилке. Эльфиечка куда-то исчезла, но на улице еще было светло. Вернулась старая тревога. Неизвестно, чем вся эта история закончится. Быть может, именно в этот момент эльфийка покрывает ядом тонкий жертвенный нож? Или эльфы не приносят жертв? Смутные мысли пролетали одна за другой, сил пошевелиться не было. Юноша осмотрел шалаш. Это не могло быть жильем – слишком мало места. Так, пристанище для отдыха, для уединения, да бог его знает, для чего еще могло понадобиться эльфийке это сооружение.

Собравшись с последними силами, Виан вышел из шалаша. Вокруг было очень тихо. Эльфиечка, когда выходила, очень волновалась, и позволила себе оставить следы: прямая трава, пара оборванных листиков – все это четко указывало направление, в котором она убежала. Или она хотела, чтобы он отправился за ней?

Виан стал двигаться в том направлении, куда вели следы. Юноша все шел и шел, вдруг неожиданно справа от него прокричала птица. Виан вздрогнул, повернул голову и увидел не так далеко на дереве зеленую ленточку – одну из тех, что были у эльфийки на запястье. Следы по-прежнему вели вперед. Складывалось ощущение, что Виана нарочно хотела, чтобы он пошел неверным путем, но нечаянно оставила еще один след. Юно-

ша пошел в направлении ленточки.

Через некоторое время из лесу начали доноситься разные звуки. Было похоже на то, что Виан подходил к какому-то поселению. И чем ближе он подходил, тем становилось более понятно, что в поселении что-то происходит. Доносились шум, крики, чьи-то возгласы на непонятном языке.

Подойдя к поселению, юноша огляделся. По всему было видно, что Виана родом именно отсюда. Небольшие домики были украшены так же, как и шалаш эльфиечки. Голоса доносились откуда-то из центра, и юноша направился туда. Осторожно, стараясь остаться незамеченным, Виан подошел к поляне, которая, по-видимому, была чем-то вроде центральной площади, и спряталась за деревом.

Руки юноши похолодели: перед его глазами предстала ужаснейшая картина. В центре площади, на холме, вся в крови, стояла, закрыв глаза, Виана. Все жители поселения столпились вокруг нее. Каждый, кто мог подобраться к казни, делал на ее коже разрез ножом, вымазанным кровью животного. Кто был чуть дальше, бросал в нее комья грязи. Периодически высокий светловолосый эльф в длинном темно-зеленом плаще, по-видимому, палач, окатывал эльфиечку водой из большого кувшина. Одежда на ней была изорвана, браслетов на запястьях не было. Юноша не мог заставить себя даже пошевелиться – страх сковал руки, ноги и мысли, во рту пересохло, даже дышать было трудно.

Сверху прокричала огромная птица. В этот момент палач подошел к Виане сзади и положил руки ей на плечи. Эльфийка открыла глаза. Это было последнее, что она успела сделать перед тем, как острый тонкий нож перерезал ей горло.

Виан судорожно сглотнул и повернулся спиной к происходящему. На негнущихся ногах он пошел к тому месту, где свернул в направлении зеленой ленточки. Та дорога,

которую следами указала ему Виана, вела куда-то вглубь леса. Юноша пошел по ней, не задумываясь, что будет дальше. Перед глазами стояла картина казни. Когда уже окончательно стемнело, Виан поймал себя на мысли, что узнает местность. И действительно, совсем скоро он оказался в своей деревне...

– Дедушка Забар! Дедушка Забар! – не унималась ребятня. – Ну расскажи про умиленного Виана!

– Да что вам рассказывать? Вы уже много раз слышали эту историю. Давайте я вам лучше про принцессу Манун расскажу?

– Не хотим про Манун, хотим про Виана!

– Ну что с вами делать? – улыбнулся дед Забар. – Садитесь в кружочек, буду рассказывать.

И ребятня послушно уселась вокруг старого сказочника.

– Расскажу я вам сейчас про бродячего Виана, который лишился рассудка еще по молодости, когда встретил в лесу молодую красивую эльфийку, – начал дед Забар. – Только учтите, что вся эта история – чистая правда, поэтому никогда не убегайте в лес без спросу, как это сделал молодой Виан. Он хорошо знал лес, но в тот день, казалось, сама нечистая сила помutilа его рассудок. Он долго шел, не узнавая дороги, пока не услышал за деревом какой-то шорох...

Когда рассказ дошел до места, в котором молодой Виан вышел к центральной площади эльфийского поселения, к слушателям присоединился седовласый старик в сером плаще, с большим посохом.

– Виана стояла на холме, закрыв глаза, – продолжил он вместо деда Забара. – Она принимала это как наказание свыше. Она даже не пыталась сопротивляться, у нее уже не было сил кричать.

– А почему они с ней все это делали? – спросил мальчик лет двенадцати.

– Они считали ее грязной. Считали, что эльфийская кровь не должна смешиваться с человеческой. В наказание они смешивали ее с кровью животных и обливали водой, пытаясь очистить. Но очистить перед смертью, ибо такое не прощалось.

– А зачем тогда она соблазнила Виана? – спросил мальчишка постарше.

– Она была одинокой. Ее не принимали в родном селении – считали слегка странной, поэтому она проводила почти все время в лесу. Виана думала приворожить человека, заставить его взять ее в жены, уйти в мир людей. Но, видно, не такой была ее судьба. Она просто не хотела быть одна.

– А почему Виан не спас ее?

– Струсил. Тогда он был еще очень молод. Он боялся вмешаться, боялся, что его заметят.

– Но ведь можно было что-то сделать?

– Конечно, но тогда страх сковал его мысли и движения.

– А эльфийка знала, что ей не позволят уйти?

– Догадывалась. Она ведь оставила метки, чтобы Виан нашел дорогу домой.

– А зачем тогда она оставила ленточку?

– Может, просто зацепилась. А может, верила, что ее душу заберет то дерево.

– А ты и есть Виан, да? – произнес вслух очевидное мальчонка лет семи.

Старец молча кивнул головой в знак согласия и удалился в лес. Быть может, он пошел вновь искать эльфийское поселение, просто так, ни на что не надеясь. Сам себя он простить не мог, а той, у кого надо было просить прощения, давно уже не было в живых. Ребятишки разбежались, а дед Забар долго еще смотрел в ту сторону, куда ушел Виан, думая о чем-то своем. Потом залез в карман рубахи и достал оттуда маленькую тонкую зеленую ленточку, найденную когда-то глубоко в лесу на ветке засохшего дерева.

АЛИСА КОРИНЕВСКАЯ

Студентка группы АПП-08-2.

Родилась в Краматорске. С поэтическим миром познакомилась еще в раннем детстве, вместе с бабушкой, который читал ей свои стихи. А первым произведениям дала жизнь учительница русского языка, когда предложила ученикам написать сочинение в стихах. Так и появились первые строки. Со временем написание стихов превратилось в хобби. Активно занимается пением, рисованием, но стихи неизменно остаются зеркалом души и способом самовыражения.

Не волнуй мою грудь,
Дай спокойно дышать,
Без тебя я умру,
Если скажешь опять...
Все было лишь игра,
И мне не хочется...
Желаю лишь добра,
Любви-пророчицы.
Я знаю, не забыл,
Ты помнишь всю меня...
Но нет уж больше сил,
И это не стезя...
Мне грустно все понять,
Лишиться слов твоих...
Не нужно объяснять,
Кто любит из двоих.
Теперь я поняла –
Ты никогда не верил,
Ты просто поиграл,
И лишь победы мерил...

Где-то бродит счастье наше.
Где-то, кажется, весна.
У кого-то мысли пляшут
В чарах красного вина.

Ты, конечно, смотришь вдаль.
Ты не знаешь больше грез.
Мне бы часть себя отдал
И не знал бы моих слез...

Пальцы тонкие лежат,
Рядом острые цветы.
Ты боишься умножать
Наши маски и листы.

Розы мягкие шипы
Сердце обнимают вновь.
Крики снова слышишь ты,
Но они от новых слов...

Вечер сменяется днем.
Все обжигает огнем.
И сердце волнуется вдруг,
Ожидает сказочных мук.
Бешено бьется внутри
Белая птица любви.
Крыльями машет она,
Вырваться хочет туда,
Где нет тревожных писем,
Где есть какой-то смысл.
Где будут ждать и верить,
Всегда открыты двери.
Та птица кличет из груди:
«Лети, скорей лети, иди,
Ну, делай снова что-нибудь!
Не позволяй себе заснуть.
Не дай засохнуть сердцу!
Открой туда ты дверцу!
И дай ворваться сказке!
Пусть солнечная ласка
Согреет хрупкий лед тоски,
Убьет седые волоски.
Пусть снова будешь молодым.
Забудешь жизни снег и дым».

Огненное солнце, красные тучи –
Горячие блики на пальцах.
Нас теперь ничего не разлучит –
Я вышью судьбу нам на пальцах.

Как крестик ложится на крест,
Так лягут слова обещаний.
Мы не займем каких-то мест,
Нам не узнать чужих терзаний.

Все начертали нам судьбой,
Идем по заданной тропе.
Теперь легко молчать с тобой,
Бежать за руку по траве.

Дотронусь к солнечным губам,
Взъерошу искрами огонь.
Ты на краю души. Ты там!
Струну молчания лишь тронь!

Она безмолвно запоет,
Коснется лучших наших дней,
Все чувства наши обойдет,
Мы молча следуем за ней.

Я солнце поворачиваю вспять,
Я возвращаю добрые года.
Нельзя теперь нам что-то поменять
И луч не греет, не течет вода.

Теперь есть только настоящее.
Есть наши красные, как кровь, цветы,
Есть звезды синие манящие,
Теперь есть только я и только ты.

ВЛАДИМИР КОЦАРЕНКО

Родился в 1957 году в Краматорске. Выпускник Краматорского индустриального института (1979). Работает начальником отдела по вопросам внутренней политики Краматорского городского совета. Двадцать три года занимается исследованием истории родного города. Автор более 350 краеведческих публикаций на страницах городских и областных газет, в сборниках материалов Всеукраинской (2005) и областных научных конференций, «Энциклопедії сучасної України», альманахе «Рідний край», сборниках «Летопись Донбасса» и

«Альманах Муз», в журналах «Былое», «Бахмутський часопис», «Новый Свет», «Филокартия» (Россия) и др. Соавтор краеведческих сборников «Малоизвестные страницы истории города Краматорска» (1998) и «Страницы истории города Краматорска» (2008). Автор книг «Краматорск: забытые страницы истории» (1999), «Краматорская быль» (2002). Соавтор герба и флага г. Краматорска (2008). Член Национального Союза краеведов Украины. Член Национального Союза журналистов Украины. Лауреат литературной премии им. В. Шутова Донецкого областного фонда культуры (1990). Почетный краевед Донетчины (2008).

Она ответила Берии:

«У нас все в порядке. Все в анализе!»

В самом центре Краматорска, в доме рядом с площадью им. Ленина, живет Валентина Васильевна Рябова – ветеран НКМЗ, а в прошлом – начальник одной из заводских лабораторий. Эта женщина по праву принадлежит к славной когорте трудолюбивых, ответственных, но скромных горожан, чей труд наполнил название «Краматорск» реальным смыслом, придав ему широкую известность, значимость и солидность.

Год назад у Валентины Васильевны умер

муж, и с тех пор в ее жизни появились две навязчивые спутницы – грусть и печаль. Каждое утро они караулят ее у входа в комнату Льва Львовича, где мало чего изменилось после ухода хозяина: и мебель, предметы, которыми он пользовался, по-прежнему остаются на своих местах.

Как и жена, Лев Рябов был инженером-технарем, трудился на НКМЗ. Но после работы его жена садилась за баранку и с удовольствием управляла автомобилем, а он

всю жизнь... коллекционировал художественные открытки. Собранный им коллекция, пожалуй, не имеет равных в нашем городе: в ней насчитывается около 27 тысяч экземпляров. Для ее хранения в свое время на заводе был заказан и изготовлен специальный шкаф. Теперь коллекция тоскливо коротает время со спутницами хозяйки. Пока она никем не востребована и не изучена, хотя вполне может занять достойное место среди рекордов Краматорска.

Смотреть художественные открытки – скучное занятие. Интереснее было бы полистать альбом с почтовыми карточками, запечатлевшими виды заводов, станций и поселков Донбасса до 1917 года. Впрочем, результаты многолетних стараний краматорского коллекционера могли бы заинтриговать кого угодно. Неудивительно, что его собрание должно было стать поводом для нашей встречи. Но вышло так, что в дом на проспекте Мира меня привело совсем другое – фраза, произнесенная Валентиной Васильевной в момент нашего знакомства по телефону. Рассказывая о своей трудовой биографии, она просто и даже буднично сообщила: «Однажды мне пришлось разговаривать даже с Берией – он звонил на завод».

Лаврентий Берия звонил в Краматорск. Что интересовало в нашем городе человека, чье имя с трепетом произносили миллионы?

...В конце 40-х – начале 50-х гг. по инициативе И.Сталина в СССР развернулось строительство Волго-Донского судоходного канала. Это был грандиозный проект. И не случайно его называли великой стройкой коммунизма. «Сталинская» энциклопедия приводит впечатляющую цифру: «Для постройки Волго-Донского судоходного канала необходимо было выполнить 52 млн. м³ земляных работ». Важную роль в решении этой непростой задачи призваны были сы-

грать землеройные чудо-богатыри – шагающие экскаваторы, созданные машиностроителями НКМЗ.

Событие, о котором пойдет речь, произошло весной 1950 года. Тогда экскаваторы новокраматорцев приступили к работе на «Волгодоне». В конструкции этих машин в качестве подшипников трения были предусмотрены вкладыши, для изготовления которых конструкторы заложили обычную латунь. Это была досадная и непростительная ошибка. Впоследствии она для многих обернулась массой неприятностей. При работе под нагрузкой вкладыши разогревались до сумасшедшей температуры и начинали плавиться. Одна за другой машины выходили из строя, беспомощно замирая на месте. Этого бы не случилось, если бы для изготовления злополучных втулок использовали оловянистую бронзу.

Всесоюзная стройка оказалась на грани срыва. На завод поступила команда: срочно устранить неполадки, заменив втулки на более жаропрочные. Москва не терпела промедления. Поэтому на участке цветного литья в чугуно-литейном цехе текущие заказы отошли на второй план, и закипела работа по отливке заготовок для вкладышей. Складывалось впечатление, что без них дальнейшее продвижение к коммунизму было невозможно. В то время мастером на этом участке трудилась Валентина Рябова. Несмотря на молодой возраст, она была единственным специалистом на заводе по литью «цветнины». Вся ответственность за исполнение важного государственного заказа, по сути, легла тогда на ее хрупкие плечи.

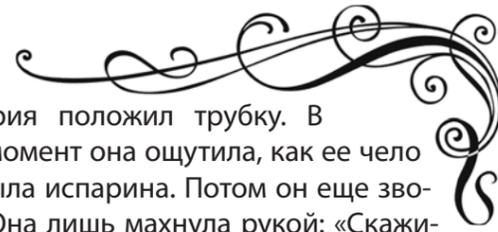
Изготовление вкладышей директор завода Иван Катеринич контролировал лично. Работа велась в напряженном ритме. По словам Валентины Васильевны, спешка была такой, что еще не остывшие заготовки однажды погрузили в деревянный кузов автомобиля. По пути в соседний цех кузов вспыхнул, и машину вмиг охватило пламя.

А еще обстановку накалял самолет. Готовый в любую минуту взмыть в небо, он ожидал на аэродроме «стратегические» детали. На втулки, которые отливали под контролем Валентины Рябовой, все надеялись, словно на живую воду. Благодаря им предстояло оживить землеройных богатырей и отстоять профессиональную честь трудового коллектива предприятия.

В один из тех напряженных дней в диспетчерской завода вдруг затрезвонил телефон правительственной связи. Московская телефонистка буквально пропела в трубку: «Включаю кабинет Лаврентия Павловича Берии!» Заместитель председателя Совнаркома СССР снял трубку и попросил соединить его с Катериничем. Директора на месте не оказалось. Тогда он спросил, кто может доложить ему о причине задержки важного заказа. Уточнил, что его интересует судьба бронзовых вкладышей. Очевидно, диспетчер растерялся и, не придумав ничего лучшего, решил соединить грозного кремлевского властелина с непосредственным исполнителем. Когда в чугунно-литейном раздался звонок, начальник цеха тоже отсутствовал. Запыхавшись, секретарь прибежала на участок и с тревогой в голосе выпалила: «Рябова! Тебя к телефону! Берия на проводе!»

Молодая женщина не успела даже как следует разволноваться. Их разговор был коротким и деловым:

- Рябова слушает!
- Кто такая?
- Мастер участка цветного литья.
- Что у вас там?
- У нас все в порядке. Все в анализе!
- Когда отдадите вкладыши?
- Как обработают, так и отдадим. У нас нет олова!
- Сколько надо олова?
- Нам нужно три тонны!
- Будет.

Берия положил трубку. В этот момент она ощутила, как ее чело покрыла испарина. Потом он еще звонил. Она лишь махнула рукой: «Скажите, нет меня». Молодая была – не знала, что рискует. Мою реплику по этому поводу Валентина Васильевна парировала: «Зачем он мне нужен был». Молодого мастера уважали на заводе. Валентина жила тогда на улице Марата. Случалось, Катеринич посылал за ней свой автомобиль и подвозил домой. Директору было по пути. Но причина заключалась в другом. Иван Трофимович обладал прекрасным качеством – он умел ценить и беречь хорошие кадры.

Во время «втулочной» эпопеи Валентина Рябова отравилась парами расплавленного свинца. Директор разрешил ей взять отпуск и поправить здоровье на родине – в деревне. Однако спустя четыре дня ее вызвали обратно на завод. Сменщица была не специалистом. Металл оказался «не в анализе», и начальство забило тревогу. Директор не раздумывал: «Вызывайте Рябову!» Деваться было некуда, она возвратилась в Краматорск и вышла на работу. Обстановка все еще оставалась накаленной до предела. В кабинете для нее поставили диван, и она неотлучно находилась в цехе даже в ночную смену. В ту пору ей было всего лишь 25 лет!

Новокраматорцы справились с поставленной задачей. Валентина Рябова не подвела многотысячный коллектив, и доверие к марке «НКМЗ» не было утрачено. Волго-Донской судоходный канал, в конце концов, был успешно построен. Многие потом еще свершилось в той великой стране, славу которой ковали необыкновенные и, вместе с тем, скромные труженики. Все это давно уже в прошлом – и сама эта история, и тот не забытый разговор.

...Все в порядке, Лаврентий Павлович. Все в анализе!

ЕЛЕНА КРЕМЯНСКАЯ

Родилась 11 июня 1979 г. в Краматорске. Выпускница ДГМА 2001 года по специальности «Финансы и кредит». Во время учебы входила в состав редколлегии газеты «Академия». В настоящее время возглавляет отдел оценки и организации рынка земель в управлении Госкомзема в городе Краматорске Донецкой области.

Писать начала еще в школе. Предлагаемый читателю рассказ – это часть серии, состоящей из нескольких рассказов, сюжеты взаимно пересекаются, объединяет их мистическое влияние, прямое либо косвенное, королевской крови.

Солнце село около получаса назад. Его пламенные отблески на западном горизонте еще пытались поджечь по-ночному синее небо, но с востока уже выкатилась огромная медно-красная луна, горячая, только что выкованная Фагиром-Кузнецом. Притихший ветерок ласково баюкал засыпающий лес. Временами в чаще еще слышались запоздалые звуки дневной суеты, торопливые и робкие, будто напуганные мрачной тенью вступающей в законные права Ночи. Еще немного – и все погрузится в торжественное безмолвие, которое вскоре нарушат соловьиные трели, знаменующие начало другой, ночной жизни.

Валисса удобно устроилась на вершине огромного валуна, расположенного вблизи малозаметной на каменистом склоне тропинки. Где был конец этой стежки, девушку мало занимало, а вот начало она брала у входа в пещеру, в которой, судя по запаху, обитала семья троллей. Ради младшего чле-

на этого семейства чистокровная представительница Сумеречного Воинства и провела несколько вечерних часов на валуне.

В пещере загрохотало – отваливали камень, загоравший вход, а вскоре на фоне ночной синевы проступили безобразные очертания головы одного из чудовищ – она осторожно высунулась наружу, повертелась, глядя по сторонам, и двинулась вперед, увлекая за собой огромное уродливое тело. Следом за ним вышли еще два – одно такое же огромное, другое – гораздо меньше. Впрочем, тролльчонка тут же вернула назад в пещеру, наказав не высовывать оттуда носа.

Подождав, пока стихнут тяжелые шаги родителей, Валисса бесшумно скользнула вниз и приблизилась к пещере. Выманить из норы тупоголового тролльского отпрыска не составило труда, миг – и острые, как иглы, зубы девушки-вампира вонзились в артерию на шее чудовища. Она жадно

прильнула к двум крошечным ранкам – это была первая еда за много дней, после того, как младшая дочь графа Левиаллина покинула родной дом. Обезволенная, терзаемая ужасом плоть трепетала в ее цепких объятиях, жизнь покидала эту оболочку вместе с медленно вытекающими густыми алыми струйками.

Едва утолив первый голод, Валисса сняла с пояса маленькую флягу, наполнила ее остатками крови и, наконец, отпустила мертвое тело, бесформенной грудой рухнувшее к ее ногам. Этой фляжки ей должно хватить надолго – подарок самого короля, добытый им в одном из походов. Секрет посуды был в том, что внутри она была гораздо больше, чем снаружи, при желании туда можно влить целое озеро, правда, нести будет тяжело.

Она посидела еще несколько минут, привалившись спиной к медленно остывающим камням у края тропки. В ее тело помалу возвращалась жизнь, теплыми волнами разливаясь по венам, достигая самых крохотных сосудов, самых потаенных жил. Валисса с трудом сдерживала крик блаженства, она знала, что тролли услышат его и поймут, что случилось в их логове. Они вернутся на исходе ночи, нужно к этому времени оттащить подальше труп и положить его на восточном склоне в вересковых зарослях, чтобы первые лучи восходящего солнца обратили его в камень – девушка совсем не собиралась одарить это мерзостное существо вечной жизнью Немертвых.

Выполнив задуманное, она поспешила прочь, вглубь леса, туда, где стояла хижина отшельника Годрика.

Годрик не был вампиром. Ни один народ в этих краях не мог назвать его своим. Никто не знал, откуда и когда он появился. Его хижина стояла в лесу, точно на границе между землями Сумеречного Воинства и владениями Трех Королев. О его возрасте тоже никто не мог ничего сказать. Валисса

знала только, что он был стариком, еще когда ее прапрабабушка была ребенком.

Девушка посмотрела на луну, остывшую и побелевшую, прикрытую черным ажуром сплетшихся веток, и подумала, что в Нирдгарде сейчас, должно быть, кипит жизнь, но сколь долго она будет кипеть, теперь зависит только от нее, Валиссы.

Нирдгард – Черный город, назывался так не только потому, что весь, до последнего сарая, был выстроен из черного мрамора и гранита. Жизнь в нем просыпалась после захода солнца, потому что большую часть его населения составляли Немертвые. Валисса презрительно усмехнулась, припомнив байки, которыми пугают друг друга крестьяне, путешествуя по ночным дорогам: мол, вампиры боятся солнца, которое их якобы испепеляет, а от рассвета до заката спят в гробах. Чушь, у ее народа действительно есть особенности, они вынуждены подчиняться законам, установленным Создателями, как и все. Чистокровные Сумеречные воины избегают яркого света, но лишь из-за повышенной чувствительности глаз и кожи, которые приспособлены для ночной жизни, только и всего. Но народная молва часто украшает совершенно обыденные вещи романтическими деталями, или, говоря проще – лгут от страха, у которого, как известно, глаза велики.

К счастью, теперь был не день, и потому, обладая прекрасным ночным зрением, Валисса быстро продвигалась вглубь леса. Время от времени тишину нарушали вскрики ночных птиц, шелест листьев и хруст веток под лапами хищников и их жертв, но ни один из обитателей Темного леса не приблизился к тропке, еще хранящей отпечатки легких шагов вампира.

Скоро деревья стали редеть, сменяясь кустарником и папоротниками, а на пути все чаще стали попадаться камни, чем дальше,

тем крупнее. Еще через некоторое время чуткий слух вампирки уловил звук текущей воды. Это означало, что она уже почти у цели. Небольшая, стекающая с горы Стеклоанной речушка, называемая Форелькой, и была пограничем земель народа Валиссы. Она замедлила шаги и осторожно, раздвигая ветки руками, стараясь не производить ни малейшего шума, стала пробираться к берегу. Уже у самого края зарослей она остановилась. У воды, на камне, опершись на узловатую палку, в вершину которой был вставлен большой зеленый самоцвет, мягко фосфоресцирующий во тьме, сидел старец. Роста он был небольшого, имел длинные седые космы и бороду. Валисса еще несколько секунд помедлила, стараясь как можно внимательнее рассмотреть отшельника, ибо это был именно он, даже попыталась прочесть его мысли, как вдруг Годрик повернулся в ее сторону и низким глубоким голосом, никак не вязавшимся с его стариковским обликом, проговорил:

– Чего ты ищешь в этих кустах, Валисса, дочь Левиаллина, лейтенант королевской гвардии Сумеречного Воинства?

Краска стыда залила, насколько это возможно, бледные щеки вампира. Валисса вышла из своего укрытия, изящно поклонилась и произнесла:

– Приветствую тебя, всемудрейший Годрик, мой народ взывает к тебе моими устами...

– Знаю, – перебил ее старик, – все знаю, я ждал тебя еще засветло.

Он пристально посмотрел ей в глаза, потом на ее флягу, красноречиво оттягивающую поясок, покачал головой, и, поднявшись, жестом приказал следовать за ним.

Идти пришлось недолго. Миновав небольшую можжевелевую рощицу, они вышли к подножию Стеклоанной. Здесь Форелька образовывала небольшой водопад,

сбрасывающий веселые струйки в круглое, как блюдце, озерцо. Прямо в центре его стоял высокий гранитный столб, на вершине которого и была выстроена хижина отшельника.

– Сюда, – старец жестом указал на маленькую лодчонку, покачивавшуюся у самого берега вопреки воле воды, норовящей увлечь ее по течению.

В самой хижине, попасть в которую можно было лишь по узкой деревянной лестнице, обвивающей столб, все было просто и удобно. Стол, две лавицы и лежанка, очаг и полки, уставленные посудой, припасами, а также разного рода склянками и горшочками, хранящими неведомые снадобья. Под потолком во множестве были развешаны пучки сохнувших растений, бусы из ягод и кореньев, распространяющих тонкий, ни с чем не сравнимый аромат.

Годрик вынул из-за пояса трубку, не спеша набил ее какими-то травами и принялся раскуривать.

– Вернуть твою пропажу возможно, – проговорил старец, выпуская под потолок облачко дыма, – смотри.

Он достал из горшка хрустальный шарик размером с яблоко и с размаху швырнул его в стену. Шарик разлетелся вдребезги, а следом за его осколками, подобно тающему льду, расступилась, исчезла стена хижины. Сначала в отверстии не было ничего, только дымные клубы, наподобие тех, что лениво вытекали из трубки Годрика, но вдруг мгла поредела, а в глубине ее проступила фигура. Она медленно шла по направлению к отверстию, наконец, приблизилась настолько, что стало видно лицо.

– Найдешь ее, – сказал Годрик.

Видение тут же исчезло, а старик выколотил из трубки пепел и протянул его Валиссе.

– Поднимешься к короне Стеклоанной и половину бросишь по ветру. Вторую половину береги как зеницу ока.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Валисса, все так же молча, поклонилась и покинула хижину.

Маленькая усталая малолитражка бодренько загудела, прибавляя газу, как лошадь после долгого путешествия, почуявшая родную конюшню. Еще пять минут, и она будет дома. Вдруг тишину ночных улиц прорезал скрежет тормозов, звук удара, потом визг резкого старта, и из-за поворота на всех парах вылетел здоровенный черный джип со следами ДТП на капоте. Не снижая скорости, он обогнул испуганную малолитражку и скрылся из виду.

«Вот подонки, нанюхаются дури на папенькины баксы и людей гробят», – думала Алена, хозяйка малолитражки, направляясь к месту происшествия. Повернув за угол, она едва не споткнулась – на дороге лежала молодая девушка, она была без сознания, пульс едва прощупывался, на лбу большая ссадина. Алена достала мобильник с намерением вызвать скорую, как вдруг жертва открыла глаза и схватила ее за запястье.

«Не надо, со мной все в порядке», – прозвучал в мозгу приятный голос. Выронив мобильник, Алена медленно поднялась и отступила на шаг. Тем временем пострадавшая стала приводить себя в порядок.

– У меня там машина, вам лучше поехать в больницу, – пролепетала Алена.

Незнакомка посмотрела на нее как-то загадочно, что ли, и улыбнулась, продолжая заниматься собой. Она сняла и тряхнула длинное черное не то пальто, не то плащ, сшитый из мягкой, красиво драпирующейся ткани, похожей на бархат, под ним же оказался черный атласный костюм, состоящий из облегающих брюк и некоторого подобия короткого изящного камзола с прорезями, шнуровками, кружевами и оборочками, в распахнутом вороте которого виднелось белоснежное жабо. У левого бедра девушки

висела длинная шпага.

– Ну, вот и все, – проговорила незнакомка, надевая пальто, – со мной все в порядке.

Она тряхнула светлыми, почти совершенно белыми с перламутровым отливом локонами и снова дружелюбно улыбнулась.

Алена облегченно вздохнула: «Показалось, с перепугу, наверное», – а вслух сказала:

– У меня машина, если хотите, я подвезу вас, вам куда?

– К вам, – коротко ответила незнакомка и решительно направилась к машине.

– То есть как?.. – опешила Алена.

Она собиралась еще что-то сказать, но в голове снова прозвучал голос: «Не надо удивляться, ты ведь знала, что это случится, ведь правда?»

«Что это?» – Алена тупо смотрела вслед незнакомке. Та деловито открыла дверцу и уселась на переднем сидении.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? – вслух спросила она.

– Вполне, а вот вам не мешало бы чего-нибудь выпить, – девушка отвязала от пояса маленькую фляжку и протянула Алене. – Хотите?

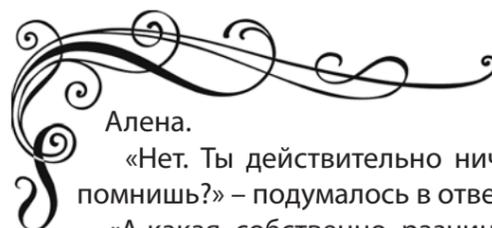
– Я за рулем, – автоматически ответила она.

– А я с удовольствием, – незнакомка открыла пробку и сделала несколько больших глотков.

Когда она повесила свою флягу на место и снова подняла глаза на Алену, та отшатнулась – на нее смотрела пара горящих, как у кошки, глаз, нечеловечески жесткое, хищное выражение лица вызвало дрожь в коленях. Ссадина, уродовавшая красивый бледный лоб незнакомки, бесследно исчезла.

«Надо спешить», – снова прозвучало в голове.

«Я схожу с ума?» – мысленно спросила

Алена.

«Нет. Ты действительно ничего не помнишь?» – подумалось в ответ.

«А какая, собственно, разница, я так устала и хочу спать...» – это отвечало уже тело Алены. Руки и ноги продолжали автоматически выполнять привычные движения, малолитражка бодренько неслась пустыми темными улицами и вскоре остановилась у родного подъезда. Из машины вышли две женщины, одна из них – высокая, очень красивая, вся в черном, с белыми волосами вела под руку другую, темноволосую, нетвердо стоящую на ногах, готовую вот-вот потерять сознание.

Утром следующего дня Алена открыла глаза, потянулась, отметила в себе нечто необычное, а именно – она спала одетой на диване в гостиной. Ничего, что могло бы быть причиной подобного, она за собой вчера не помнила. Девушка села, снова потянулась и потеряла глаза. За спиной раздался голос:

– Доброе утро.

Алена оглянулась – в дальнем, наименее освещенном утренним солнцем углу, опершись о стену, стояла вчерашняя потерпевшая. Утреннее благодущие как рукой сняло – так это был не сон! Алена растерянно уставилась на гостью, позабыв ответить на ее приветствие.

– Доброе утро, – повторила та, – как спалось?

– Доброе, благодарю, превосходно.

– Прости, мне пришлось тебя вчера немного усыпить, время было позднее, для серьезной беседы не самое подходящее.

– Послушайте... – начала, было Алена, но ласковая, странноватая улыбка незнакомки заставила ее умолкнуть.

– А дело, собственно, вот в чем, – проговорила она, но замолчала, глядя в про-

странство, собираясь с мыслями, потом сделала несколько шагов, не покидая неосвещенного сектора, и продолжила: – Для начала я хочу, чтобы ты усвоила три ключевых обстоятельства, – она сделала паузу, пристально глядя на Алену, а затем отчеканила:

– Я не из этого мира, я не человек, я вампир.

Она быстро пересекла комнату, избегая прямых солнечных лучей, и встала перед зеркалом.

– Вот тебе доказательство, – Алена со своего места ясно могла видеть, что огромное, в человеческий рост, старинное зеркало отражает мебель, стены, торшер, ее саму, а гостью – нет.

Колени предательски дрогнули, ладони вспотели, в ушах зашумело. Волна ужаса накрыла с головой то, что еще пару минут назад носило имя Алены Волоховой и что еще пыталось спастись, хватаясь за обломки скепсиса. Но, увы, как коварные рифы, возникли в памяти подробности вчерашнего происшествия – как быстро незнакомка оправилась от аварии, как исчезла ссадина, и тот странный голос и ее улыбка. И она не отражается в зеркале. И избегает солнца. А еще она пила из фляги...

Алена рефлекторно схватилась за шею.

– Нет, не бойся, с тобой все в порядке, – засмеялась вампирка, обнажив, наконец, ряд белых зубов, украшенных двумя изящными клыками, – а во фляжке – кровь тролля. Я вчера его убила, дома, – уточнила она и сделала глоток.

Час спустя миниатюрная серебристая малолитражка несла по улицам города двух девиц – одну очень светлую блондинку, всю в черном и в темных очках, и другую – миловидную брюнетку.

– В вашем мире очень страшно, – произнесла блондинка, – у вас головы драконов

летают сами по себе, без тел. Одна такая вчера на меня напала.

– Это была не голова дракона, а просто джип. А вот за рулем был, вероятно, какой-нибудь дракон, – ответила ей брюнетка.

– Нет, – возразила блондинка, – пахло троллем.

– Пожалуй ты права, это был тролль.

– Мой город тоже очень большой и красивый, – снова заговорила блондинка, – он весь выстроен из черного камня и утопает в сиреневом цвету. В сумеречные часы остывающие от закатного солнца бутоны так щедро отдают свой аромат, что он слышен на несколько миль. А этот мерзкий выродок поставил под угрозу существование города. Айлеонна, мы должны его найти, иначе я не смогу вернуться в Нирдгард. Да и возвращаться будет некуда. Годрик отправил меня к тебе, он сказал, что ты поможешь.

– Мы найдем его, Валисса, – уверенно ответила брюнетка, – а почему именно ко мне, и почему ты сама не можешь?

– Вампир не может зайти в дом, если его не позовут, вряд ли вор, кем бы он ни был, меня позовет. Значит, нужен кто-то, кто войдет передо мной. А почему именно ты...

В этот момент на встречную полосу вылетел джип. Это был тот самый джип, на капоте еще красовалась вмятина от удара, в салоне гремела музыка, из окон торчали руки и ноги пассажиров, количество которых явно превышало норму. Джип резко, на полной скорости обогнул машину Алены, чудом ее не задев, и помчался дальше по встречке. Еще некоторое время были слышны отдаленные возмущенные сигналы клаксонов и визг тормозов.

– И носит же земля таких скотов. Ты видела? Это же тот самый джип. – Алена выключила двигатель.

– Видела, – ответила Валисса и загадочно улыбнулась.

Они вышли из машины и дальше пошли

пешком.

– У меня есть один хороший друг, – заговорила Алена, – он собирает всякие древности, антиквариат, документы, так вот, однажды ему рассказали такую историю. Один венгерский рыцарь, кажется, в XIII веке или что-то около того, спас в своих владениях некое существо – уродливого карлика, преследуемого четырьмя черными всадниками, исчадиями ада, просто, так описано в повествовании.

– Эти четыре исчадия ада были моими родственниками, – заметила Валисса.

– Так вот, спас он этого уродца, а тот в благодарность подарил ему драгоценный фолиант – книгу, обтянутую черным бархатом, с инкрустациями из самоцветов и слоновой кости...

– Слоновой, – презрительно фыркнула Валисса, – это настоящий рог Левиафана.

– ...Молвив при этом, – продолжила Алена, – что овладевший тайнами этой книги будет бессмертным. К сожалению или к счастью, рыцарь грамотой не владел и прочитать ничего не смог. Скоро он поссорился с другим рыцарем и его взяли в плен, а в числе скарга, выданного за него в качестве выкупа, была и эта книга.

– А что с тем карликом? – перебила Валисса.

– Не знаю, про него дальше ничего не говорят. Так вот, пленил этого рыцаря литовский рыцарь, сам читать, понятно, тоже не умел, но жена его была родом из здешних мест, грамотная и многомудрая. Та смекнула, в чем суть, и стала книгу изучать, но вместо того, чтоб стать бессмертной, истаяла как свечка, перед кончиной заповедав супругу передать щедрое пожертвование в Святые горы, в монастырь, дабы молились за ее душу. Рыцарь жену любил, поэтому волю ее исполнил неукоснительно. В числе пожертвований, как ты понимаешь, была и наша рукопись. Далее, монастырь в семнад-

цатом году разграблен был и разрушен, книга пропала надолго, но потом случайно нашел ее местный мужик, который копал глину на тех горах, и за бесценок продал ее в местную антикварную лавку. Хозяин же назначил за нее такую цену, что никто не отваживается ее приобрести уже много лет, тем более что она представляет ценность скорее как ювелирное изделие, нежели как предмет искусства или истории, потому что ни к одной из известных письменностей не относится, и прочесть ее не представляется возможным. Вот эта лавочка.

Девушки отворили дверь и вошли. Внутри маленького полутемного помещения никого не было, пахло пылью, старой бумагой и еще чем-то неуловимым, как пахнет только в библиотеках и музеях. Со стен смотрели портреты неизвестных людей кисти неизвестных художников, пыльные пейзажи и натюрморты, на полках двух старинных купеческих буфетов были выставлены чашки севрского фарфора и статуэтки фарфора советского. Венчали это великолепие несколько икон в серебряных окладах и бронзовые часы. Скользя беглым взглядом по выставке, Валисса перемахнула через прилавок, туда, где в уголке, подальше от рук и взглядов, за стеклом под замком и, наверняка, сигнализацией, была выставлена книга.

Вампирка опустилась перед святыней на одно колено и что-то тихо проговорила. Потом поднялась и осторожно коснулась стекла, оно задрожало как вода, впустило ее ладонь внутрь сейфа и выпустило ее так же обратно, уже вместе с книгой.

– Ну вот, – произнесла она, зловеще ухмыляясь, – пропажу я вернула. Теперь надо наказать вора.

Она спрятала книгу в одолженный у Алены рюкзак, затем взяла из буфета одну из статуэток и запустила ее в стену. Осколки

брызнули во все стороны, ударяясь о металлические, стеклянные предметы и просто о стены и пол, подняли невероятный шум, на который из подсобки, отгороженной от торгового зала тяжелыми красными портьерами, выскочил хозяин – маленький щуплый человечек с большой головой и длинным носом. Неопрятные, с проседью пряди волос падали на сморщенное, как печеное яблоко, лицо, позволяя разглядеть только маленькие черные, сверкающие злобой глаза.

– Что здесь происходит! – заверещал он, но осекся, едва Валисса повернулась к нему лицом и сняла темные очки.

– Здравствуй, Галарих, давно не виделась.

Можно было бы сказать, что последние краски сбежали с лица того, кого называли Галарихом, не будь оно и без того серым. Злоба в глазах сменилась ужасом. Мгновение он стоял, будто громом пораженный, но потом резко развернулся и опрометью бросился назад в подсобку. Валисса нагнала его в два прыжка, повалила на землю и приставила к горлу острие шпаги.

– Позволь представить тебе, госпожа Айлеонна, Галариха, гоблина по рождению, в прошлом уважаемого купца, а теперь презренного вора, убийцу и изгоя.

Галарих взвыл, корчась на полу.

– Это тот самый карлик, которого выручил венгерский рыцарь. Тогда он со страху отдал своему спасителю книгу, боясь, что она привлечет к нему новую погоню. Но он всегда был рядом, шел за нею след в след. Жена рыцаря литовского умерла оттого, что не может смертный выдержать силу этой книги, если книга сильнее – она возьмет жизнь того, кто ее читает. Этого карлик ни рыцарю, ни той женщине не сказал. А тебя не удивляет, что ведунья-язычница заповедала волшебную книгу христианскому монастырю? – Валисса пнула лежащее у ее ног существо. – Галарих, а ты часом во Хри-

ста не уверовал, а?

Гоблин взвыл еще жалобнее, но внезапно он перестал корчиться, привстал на локтях и сам прынул на острие шпаги, однако Валисса разгадала его маневр и приставила клинок к месту, не способному повлиять на жизнеспособность – в пах. Галарих, у которого злоба взяла верх над страхом смерти, гаденько рассмеялся и прошипел:

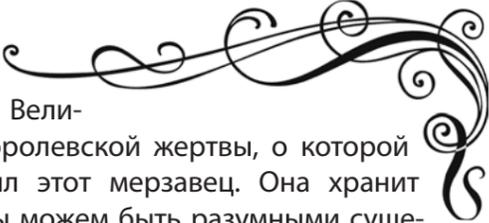
– Рано радуешься, Валисса, дочь Левиаллина, лейтенант королевской гвардии Сумеречного Воинства, рано радуешься. Твой народ проклят, и ты ничего с этим не сделаешь. Завтра день летнего солнцестояния, и, если до захода солнца ты не вернешь книгу на место, падет защита Великой королевской жертвы с ваших домов, и все ваши благородные воины превратятся в алчущих крови, гонимых голодом убийц. На вас станут охотиться как на зверей, уничтожать, выжигая каленым железом саму память о вас, а свое дело я сделал. Я принес в этот мир ростки ваших тайных знаний, которые, вот странно-то, люди сумели применить во зло. Рано или поздно, Завеса рухнет, и два мира сольются, а может, и все три, кто знает, и тогда уже мечи решат, кому жить, а кому нет, кто будет рабом, а кто господином!

Валисса прервала этот монолог ударом ботфорта в челюсть гоблина, тот замолчал, отплевываясь, а вампирка достала из кармана веревку и платок.

– Надо связать эту тварь, – проговорила она, запихивая платок в рот бывшему хозяину антикварной лавки.

– Валисса, то, что он тут говорил, это правда? – спросила Алена.

– К сожалению, да. Мой народ создан для войны. Война была между богами. Одни боги создали нас, другие – прокляли. Мы – неуязвимые воины, идеальные убийцы, но теперь, чтобы жить, нам нужна кровь. Король Даннар, первый наш властелин, принес в жертву свою жизнь – он написал эту книгу собственной кровью, вложив в нее

силу Великой королевской жертвы, о которой говорил этот мерзавец. Она хранит нас, мы можем быть разумными существами, мы употребляем лишь немного крови низших существ или осужденных преступников, у нас мир со всеми расами. Был до сих пор. Если я завтра не успею, то случится то, что он сказал. Наши боги не смогут нас защитить.

Девушки вышли из лавки, предварительно упаковав гоблина в фирменный оберточный материал его магазинчика. Со стороны это выглядело так, будто они счастливо обзавелись каким-нибудь старинным хламом и грузят его в багажник.

– Теперь, – сказала Валисса, когда с погрузкой было покончено, – мне нужно в какое-нибудь безлюдное, очень высокое место.

– Гора Белуха подойдет? – спросила Алена. – Это высоко и достаточно безлюдно.

– Вполне, ты поезжай, а у меня осталось еще одно дело, встретимся на месте

Уже смеркалось, когда на фоне темно-голубого предвечернего неба обрисовался черный силуэт Валиссы, фляга на ее поясе заметно потяжелела.

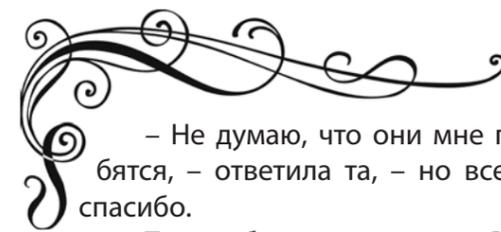
– Наконец-то, я уже начала беспокоиться, – Алена сделала несколько шагов ей навстречу.

– Я в порядке, не стоило, – и немного помолчав, добавила: – Просто удивительно, как ты живешь в этом мире...

Они вытащили тюк с гоблином и положили его на землю.

Валисса смотрела на панораму вечернего города, уже зажигающего огни и просыпающегося для другой, ночной жизни.

– Спасибо тебе, Айлеонна, – проговорила она, на свой манер произнося имя Алены, – моя рука и шпага всегда в твоём распоряжении.

– Не думаю, что они мне понадобятся, – ответила та, – но все равно спасибо.

– Понадобятся, – заверила Валисса, улыбнувшись, своей фирменной улыбкой. – Я знаю о тебе многое, но могу сказать только то, что ты знаешь, но не помнишь – ты здесь тоже чужая, ты Та, Которую Давно Ждали.

Вампирка бросила по ветру горстку чего-то, воздух заискрился и задвигался. Прежде чем Алена успела что-либо сказать, Валисса взвалила на плечо свою добычу и шагнула со скалы.

Алена вдруг вспомнила – давным-давно, вокзал, цыганка: «Ты та, которую давно ждали, ты освободишь солнце».

Алена Волохова еще немного полюбо-

валась панорамой вечернего города, который продолжал жить своей жизнью, безразличный и полный самых ужасных тайн, причудливо сплетающий жизни населяющих его людей. Одной тайной сегодня стало меньше, но вместо нее родились другие.

Утром следующего дня все снова шло своим чередом, степенно и размеренно, как будто не было этих странных суток. Лишь на одной из окраин, на восточном склоне оврага, местные жители нашли брошенный джип. Дверцы его были открыты, спереди зияла сквозная пробоина, от капота до самого днища, сделанная чем-то узким и обоюдоострым, рядом лежала груда камней, по форме напоминающая силуэт человека. Его хозяин исчез, как говорили, бесследно.

ОЛЕГ ЛАТЫШ

Родился в 1953 г. Выпускник КИИ 1976 г., гр. ЛП71-1. Работал на Дружковском машиностроительном заводе, Макеевском металлургическом комбинате. В настоящее время – пенсионер.

Первые стихотворения написаны в школе, в начальных классах. Печататься начал с 2003 г. Стихотворения публиковались в газетах Дружковки, Макеевки, Краматорска.

Женщине

Очарование Твоё от Евы,
Магнит Вселенной от Лилит.
Приняв сама – «от Жизни» веру,
Ты задаёшь нам в жизни ритм.

Осень

Кануло в Лету ушедшее лето,
В прошлом остался ночной звездопад.
Хрупким теплом хризантемы согреты,
Тих, одинок засыпающий сад.

Рвут в брызги машины безжалостно лужи,
Осеннее небо сеется в дождь.
Капли на ветках цепочкой жемчужин,
Гонят из сердца уныние прочь.

Незрима движеньем, объятая стужей,
Зыбко дрожит, замерзая река.
Завтра снежинки вьюгой закружат.
Сказкой пленив, воцарится зима.

Степь

От зажатости этажной
В степь раздольную сбегу.
Груз забот настырно-важных
Расшвыряю на ходу.

Свежей мыслью смою разом
Хлам магнитящих проблем.
Заискрятся рифмы-фразы,
Окунусь в их сладкий плен.

Перехватят взор мой птицы –
Подтускнел он от сует.
Юркий ветер веселится –
То он есть..., то его нет.

Трав настой бодрит покоем,
Зазывает горизонт.
В юность дверь я приоткрою –
Сброшу многолетний сон.

Магадан

К 50-летию студенческих
строительных отрядов

1
Пройдя науками огранку,
Спихнувши¹ сессии барьер,
Мы в стройотрядовские рамки
Зажали лета интерьер...

2
Из Домодедова, с задержкой,
Взлетал бродяга старый Ил,
Звучала песня-гимн «Надежда»,
Восток неведомый манил.

Дремал отряд в уюте кресел,
Светлел воздушный океан,
Летели в ведомый из песен,
Рассказов, слухов Магадан.

Прошла заправка в Красноярске,
Сгущая гул гребли винты,
А средь тайги зелёной краски
Чуть серебрилась нить реки.

Встречая в Соколе² у трапа,
Резвились чудо-комары...
Слабело солнце. В час заката
Шагнули наземь Колымы.

А утром небо Магадана
Грустило, сеялось слезой –
Нам место сказов и «тумана
Открыло образ свой земной.

Успешен, деловит был город,
Стирало время боль-исток.
Пришёлся кстати лета холод
Для жарких, денежных работ.

Работали на стройке ЦАПа³
Крошили землю-мерзлоту,

Стучал отбойник, а лопата
Покубно меряла мечту
Барак унылой Макаронки⁴
Дарил после трудов уют
Там светлым вечером негромко
Звучал гитар домашний звук.

Блаженство неги выходного
Вкушали каждый на свой лад:
Кому-то сон, чуток хмельного,
Кому футбол иль шахмат мат.

На День строителя поездка
К Охотским, хладым берегам...
С объятий моря рвались резко –
«Не Сочи с Ялтой» были там.

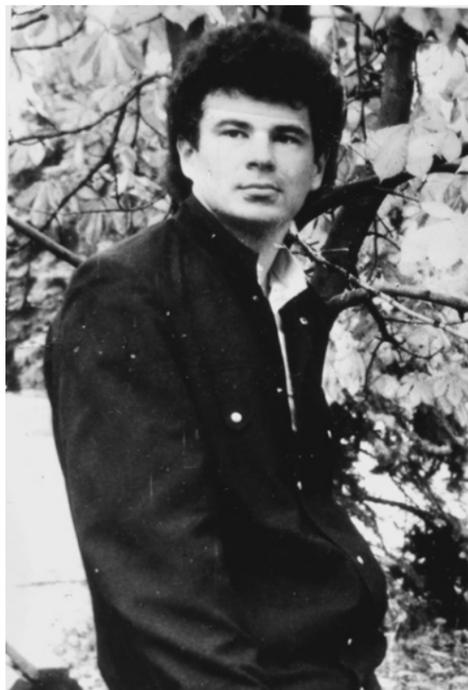
Дождями уходило лето,
Мозолистый делён актив.
Мы расставались с краем света
Чуть с грустью, ...на подъёме сил.

На материк (был вновь задержан)
Взлетал трудяга старый ИЛ,
В характерах, отнюдь не нежных,
Фонтан эмоций мощный бил.

3
Часы же вольницы – дороги
Несущую в пенаты рать,
Взрываясь смехом, смакуя крохи
Мы долго будем вспоминать.

P.S.
Не славлю, братцы, никого,
Констатирую лишь факт –
Тот, кто задумал ССО⁵
Был Патриот и не дурак!

1 - Спихнуть сессию – успешно сдать экзаменационную сессию (студенческий сленг);
2 - Сокол – аэропорт г. Магадана;
3 - ЦАП – цех алюминиевых панелей (аббревиатура);
4 - Макаронка – район г. Магадана;
5 - ССО – студенческий строительный отряд.

ОЛЕГ МАКСИМЕНКО

Закінчив ДДМА. Працює на заводі ТІСО. Перший вірш був надрукований в 1988 році в газеті «Краматорський металург». Друкувався в міських, а також в обласних газетах, журналі «Брідщина». Співавтор поетичних збірок «Донецькі полини», «Шидловські вогні», «Поезії Слов'янщини». Автор поетичних збірок «Вклоняюся рідній землі», «Степные рассветы». Автор краєзнавчої книжки «Крізь млу до світла». За працю на ниві краєзнавства ім'я Олега Максименка ввійшло до довідника «Краєзнавці Донеччини». В книзі Н. Лапушкіної

«Українське письменство Краматорська» охарактеризована творчість Олега Максименка. Про книжки поета писала «Літературна Україна». Зараз готується до друку авторська збірка поезій «Співи степу».

Шидловські зорі

Шидловські зорі
Шепочуть мені
Про бави на Торі,
У росах в імлі.
Про килим на луках
І співи троянд,
Про дзумкіт у лузах
І гомін краян.
Про верби Ганівки
І вітер степів,
Про ґанок домівки
І поля засів.
Про ясу у хорі
І подих стерні
Шидловські зорі
Шепочуть мені.

Ти моя Україно ясна,
І Славута, і Лавра твоя –
Найсвятіші у світі слова,
Батьківщино ти вільна моя!
Від Дінця до Карпат простяглись
Мальовничі козацькі степи.
І на вірність тобі присяглись
Старовинні фортеці міцні.
І зоря пломеніє з рамен,
А з очей синьооких твоїх
Бурштинові джерела здавен
Виграють на бандурах гучних.
Ти моя Україно ясна,
І Славута, і Лавра твоя –
Найсвятіші у світі слова,
Батьківщино ти вільна моя!

Дінець виграє на бандурі
І човен по струнах пливе,
У хащах дуби по статурі
Гуртуються в коло живе.
А Гори Святії, мов килим,
З небес подарований Богом.
Навіки залишиться білим
Вкраїни казковим острогом.

У балтах сповитих серпанком
Відлуння заграви співа.
А вересень сивим світанком
Пііта думки колиса.

У килимі з пожухлого зела
Я поезії штерни знайду
І з серпанком жовтневим миттєво
Вже блукати у пісню піду.

О схили Місхору в блакиті
Серпанком пісенним сповиті,
А літо вже казку в повітрі
Шепоче у вересня миті.
І хвиля південна із ночі
Останню зірку гойдає.
Русалка – ці карії очі,
Місхор вже тебе зустрічає.

1 – Намашка – хрещена мати

Бавиться вітер казковий
З листячком осені міста,
Бруком чура загадковий
Мчить у серпанок з намиста.
Досвіт у Крамі на Торі
Блудить по вулицях бачно,
Віршем малюючи зорі,
Фарби ласкаючи вдячно.

Намашка¹ – наснага пііта бучна
У дзумкоті віршів перстневих співа
Про вивід у храмі рядка сповна
І стежку поезій безхисну здавна.

Україно – ти моя сивина.
У Європу, мов жебрачка біжиш,
І приваблює тебе дивина,
Незалежності собор там зміцниш?!

Я скупаю вірші в полинах
І зігрію вітрами степів.
А ще й ноти знайду в чебрецях,
Щоб поезій відчути мотив.

І храми полинуть до світла,
Коли я прокинусь далеко
Від ньєнки Вкраїни, самітно
Під клекіт вранішній лелеки.
А спогади в серці мажором
Порадують вельми миттєво
За землю з Софійським собором,
Що квітнем співає вишнево.

ВАЛЕРИЯ МИЛЕВА

Студентка МК ДГМА, 2007 г., гр. ЛП-21.
Родилась в 1992 г. в Краматорске. Училась в
СОШ № 16, окончила 9 классов. Является корре-
спондентом газеты «Академия».

Писать стихи начала с одиннадцати лет. Еще с
раннего детства увлекалась литературой, особен-
но поэзией. Больше предпочтению отдает лири-
ческим стихотворениям, которые трогают душу.
Любит одиночество и мрачную погоду, в такие
времена муза ее посещает чаще всего.

Неопределенное чувство,
Когда в душе твоей пусто.
Когда невидящий взгляд
Даже глупости рад.
Когда не о ком думать,
Когда в сердце безлюдно,
Когда тучи нахмурят,
И солнце угрюмо.
Когда пасмурно в окнах,
И шепчутся росы,
Когда слезы на звездах,
И сплошные вопросы.

Когда трудно идти
По осколкам надежды,
Когда трудность в пути –
Босиком, все, как прежде.
Когда все против вас,
И поют грустно птицы,
И гроза вновь сейчас
Разорвет на частицы.
И не дрогнет рука.
Прикосновение лезвий.
Предо мною река
И ощущение черствости.

Бессонница

Бессонницы ночной кошмар
Безмолвно надевает шаль.
Души умолкнувший пожар
Безумную затмит печаль,
А полуночный небосвод
Свое безоблачное пенье
На столь беззвездный горизонт
Шлет чувствам в сказочном томленьи.
Бессонной пеленой покоя
И сумрачным дыша забвеньем,
Пьянящей вечностью заповя
Таю твою прикосновение.

Я стану

Поглощают чувства раны –
Голубые океаны.
Волны боли к сердцу мчатся –
В брызги разлетятся.

А в море бьются больно волны,
Зажмурюсь быстро и отпряну...
Я слышу плач скалы и стоны –
Морскою пеной, знаю, стану...

Божевілля

Наметом срібним вкриті –
Мертві квіти.
Холодним променем зігріті
У бурхливим ритмі.
А навкруги біло-чорним
Кольором розлите,
Мов хижачий вільний стогін
Божевіллям сліпе.
Північний вітер крижаний
У паморочному вальсі
Танок веде і виє співи –
Перебуває в трансі.
Холодна ніч, кошмарна ніч,
Немов покинута хатина.
А тепла піч... де тепла піч?
Вже мерзла згублена рослина.
О, теплий вогник бідолашний,
Жахливий сон безглуздя впливу,
Як паморок минув вчорашній,
Отруєну ковтаю слину.
Прокляття смак, прокляту зиму,
Пуста кишеня. О, халепа...
Яка ганьба, бо я гну спину,
У відповідь кидаюсь в пінну!..

Мов божевільний, відчайдушний,
Незрозумілий, як бездушний,
У прірву з висоти дивлюся,
Сяйвом місячним зірвуся,
І там лише мене зустріне –
Божевілля!..

АНТОН МИХАЙЛЕНКО

Выпускник ДГМА. Учился в гр. ОМД01-2, закончил специализацию «Журналистика», активно работал в газете «Академия» и ТСО ДГМА.

«Поступив в ДГМА (КИИ) в 2001 году, – говорит Антон, – я и не догадывался, что судьба преподнесла мне один из самых дорогих подарков в жизни. Ведь что может быть дороже понимания, с которым ко мне отнеслись преподаватели. Что может быть дороже знаний, которые я получил, сидя на студенческой скамье. И, наконец, что может быть дороже, пусть не первой, пусть не самой романтической, но зато самой настоящей любви, которую можно пронести через годы».

Стихи и рассказы Антон пишет давно, публиковался в студенческих изданиях и в сети Интернет.

Надежда

Если бы стены могли говорить, то поведали нам многое. Но они молчат. Молчат о любви и ненависти. Молчат о предательстве и верности. И уж точно никогда не скажут о воровстве и щедрости. Стены только могут защитить нас от непогоды. И всё так же молча.

Они всего лишь молчаливые свидетели наших деяний. Нам же остаётся уповать только на то, что сильные мира сего не будут такими же глухими каменными изваяниями, когда нам потребуется защита. И посерьезнее, чем от непогоды.

– Сестрички, миленькие, поменяйте капельницу, а то эта уже заканчивается, – слышался голос из палаты номер четыре.

Это как раз та палата, которая выходит прямоком на пост, где круглосуточно нахо-

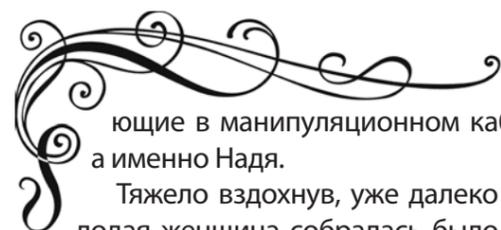
дились медсёстры. Так, на всякий случай. А вдруг что-то да произойдёт.

В ответ было только красноречивое молчание, периодически прерываемое восклицаниями одной из медсестёр. И оно бы продолжалось ещё очень длительное время, если бы из палаты не вышла женщина.

– Сестрички, кто может сменить капельницу? – вопрос повис в воздухе.

Сёстры продолжали рассматривать журнал назначений.

Не выдержав, женщина преодолела три метра, отделявших её от стола, и всё так же учтиво переспросила сестёр. На что был получен незамедлительно ответ, что, мол, это не входит в их обязанности. Для уколов и всего прочего существуют девушки, работа-

ющие в манипуляционном кабинете, а именно Надя.

Тяжело вздохнув, уже далеко не молодая женщина собралась было искать медсестру из манипуляционного. А как её найти, если на четырнадцать палат всего две медсестры. А капельница уже почти закончилась, ещё чуть-чуть – и нужно будет доставать новую систему. А самое главное – делать новую дырку в теле её мужа.

Тревожные мысли оборвала влетевшая в палату Надя со штативом. Она за пять секунд поменяла капельницу и направилась к выходу, попутно выслушивая сетования от больных на нерадивых сестёр с поста.

– Всё они прекрасно могут сделать. Каждая медсестра проходит через манипуляционный кабинет. А им, хм, – казалось, Надя сейчас покраснеет от стыда, – ...я б сказала, что входит в их обязанности. – Закончив свою мысль, поспешно скрылась за дверным косяком сестра.

В палате номер семь её уже ждали с распростёртыми объятиями.

– Интересное сочетание лекарственных препаратов. Какой основной критерий их подбора? Цена? – высказался Иван Васильевич.

– Давайте посмотрим, – взяла в руки список лекарственных препаратов Надя.

После непродолжительного времени список вернулся пациенту.

– Действительно, странный. Особенно вот эти два. В аптеке вам ничего не говорили?

– Сказали, что вот эти два препарата несовместимы.

– Так чего вы сидите? Идите к лечащему врачу и передайте слово в слово то, что вам сказали в аптеке.

Опустив голову, пациент поплёлся в ординаторскую, в надежде, что его лечащий врач на месте. «И что теперь я буду делать, если она мне назначит новое лекарство, а это отменит. На него почти все мои деньги ушли. И

что теперь делать?»

– Виктория Александровна, – обратился Иван Васильевич к лечащему врачу, – вы мне прописали сегодня вот такие препараты, – показал список лекарств, выписанных на листочек, – из которых вот эти два препарата не совместимы. Так мне сказали в аптеке.

– Хм. Дайте подумать. Возможно. Тогда, чтобы не рисковать, заменим вот этот на другой. Сейчас я вам напишу название аналога.

Виктория Александровна села за стол и размашистыми движениями написала название нового препарата, который следовало купить.

– Вот, пожалуйста. Купить вы его сможете в нашей аптеке на первом этаже.

– Виктория Александровна, а как быть с этим препаратом? Я его уже купил.

– Я сейчас позвоню в аптеку, и они вам его поменяют.

– Спасибо. Я был бы вам очень признателен.

И с заметно приподнятым настроением Иван Васильевич вернулся в палату за тем злосчастным несовместимым лекарством.

Через десять минут он уже лежал под капельницей и смотрел, как пузырьки воздуха поднимаются вверх в бутылке с раствором.

– Наденька, извините, что отвлекаю, но позвольте спросить. Почему вы увидели, что эти лекарства несовместимы, а врач нет? Казалось бы, это она уж наверняка должна была бы знать.

– Ответ простой: врачи теоретики, а мы – практики. У нас есть возможность наблюдать за пациентами постоянно, у них такой возможности нет. Да и есть, на мой взгляд, ещё одна немаловажная причина, по которой происходит такое. Связь врачей с первым этажом.

Немного подумав над её словами, Иван Васильевич снова вернулся к прежнему занятию – наблюдению за пузырьками.

Капельница сменялась уколами в ягодичу, те, в свою очередь, сменялись внутривенны-

ми, приближая к концу рабочий день Нади. И только тогда она смогла себе позволить приесть и перекусить.

В то время как продолжалась трапеза, Надя думала о своих больных. Особенно о Ване. Ей казалось, что именно ему больше всех не повезло в жизни. Такой молодой, а уже столько испытал. И ещё неизвестно, сколько испытаний выпадет на его долю. «Я бы хотела всем помочь, но это не в моих силах. Хочу, но не могу. Ну почему я такая слабая? Почему?»

Её размышления были прерваны вошедшей в манипуляционный кабинет старшей медсестрой:

– Я зашла предупредить, что сегодня привозят тяжелого больного. И поместят в восьмую палату. Хотела просто предупредить. Ведь палата закреплена за тобой.

– Кого тогда из восьмёрки и куда переведут?

– Скорее всего, Ваню переведут в одиннадцатую. Он единственный, кто в той палате хоть как-то может передвигаться.

Солнце пряталось за горизонт, оставляя

Оттенки старого

Уже давно рассвело, но солнышко только только стало выплывать из-за горизонта, даря жителям и гостям города бесплатный свет и тепло. Во всём ощущался приход нового дня. В мыслях, одежде, поведении, самочувствии. Всё было новым, но с оттенком старого. Вроде та же жена, но что-то в ней новое, что-то изменилось. Но что? Трудно сказать. Вроде тот же бутерброд с чаем, но тоже не такой. Вроде тот же автобус, но и здесь сюрпризы. А о работе и говорить не приходится. Все вроде то же, но не так.

Точно так, я уверен в этом, дела обстояли почти у всех жителей нашего городка. Не стала исключением и Мария Ивановна, шагающая по коридору городской поликлиники.

– Спасибо вам большое, что уделили не-

после себя алое зарево, распространившееся на половину небосклона. Перистые облака, словно стыдливые барышни, покраснели от желания слиться с окружающим миром. И только кучевые облака, величавые гиганты, оставались невозмутимо белыми. Природа отходила ко сну, и только стрижи, не зная усталости, показывали различные фигуры высшего пилотажа.

– Дождь, наверное, будет, – уходя, сказала старшая медсестра.

«Что ж, испытаний не пришлось Ване долго ждать. Только привык к одним апартаментам, пожалуйста в другие. Что ж, будем надеяться, что всё у него будет хорошо».

Упаковав свой запоздалый обед, Надя направилась к выходу, и только краем уха услышала, как санитарки ссорятся из-за того, кто будет присматривать за новым больным. Ведь не каждому хочется возиться с уткой и делать другие вещи, о которых лучше не упоминать.

сколько минут своего драгоценного времени. Как буду в ваших краях, обязательно зайду, – высокий и худощавый мужчина выскочил из кабинета, нужного нашей героине, и помчался прочь.

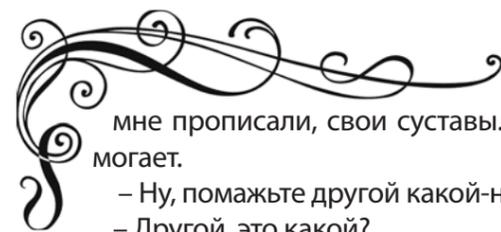
– Обязательно заходите, и не забывайте, что я сладенькое люблю, – улыбаясь, почти прокричала в след убежавшему мужчине врач.

– СЛЕДУЮЩИЙ, – прогрохотало из того же кабинета. Марии Ивановне данная интонация показалась больше смахивающей на приказ, нежели на предложение.

– Здравствуйте, – в кабинет вошла Мария Ивановна.

– Здравствуйте. С чем к нам пожаловали?

– Да всё с тем же. Я мазала мазью, что вы

мне прописали, свои суставы. Не помогает.

– Ну, помажьте другой какой-нибудь.

– Другой, это какой?

– Ну, не знаю. Вообще вам нужно больше лежать.

– Не могу. Болит.

– Ну что мне с вами делать. Мажьте мазью.

– Какой?

– Той, какой вы мазали. Вам же от неё не хуже.

– Хуже. Мысль о том, что я выкинула немалые деньги на ветер, мне делает только хуже. Так что делать?

– Другой мазью помазать.

– Какой?

– Ну, вы же телевизор смотрите. Вот и купите себе, что там рекламируют.

– Нет, если бы оно стоило копейки, тогда бы ладно. Купила одну. Помазала. Не помогает. Выкинула. Купила бы следующую мазь. А так не могу. Так что вы мне посоветуете?

– Ну, не знаю, – задумалась врач. Она облокотилась о спинку стула, не спеша перебирая пальцами рекламный проспект, который присылают всем медикам. – Вот вам ещё одна мазь. Поможет ли, точно не знаю. Но попробуйте.

Выйдя из кабинета врача, Марья Ивановна вздохнула с облегчением. Как гора с плеч свалилась. Что называется то, да не то. Вроде в белом халате, да не врач. И вообще, что это было?

Оборвав её раздумья, к ней обратился молодой человек.

– Здравствуйте. Не подскажите, врач принимает? Мне только подпись поставить в обходном листе, – для убедительности ткнул пальцем в бумажку.

И здесь она поняла, что стоит перед дверью, перегородив проход.

– Да-да, пожалуйста, проходите, – Мария

Ивановна отошла в сторонку.

Молодой человек, поблагодарив её, растворился в дверном проёме.

Так что же это было. Может, я сплю и вижу дурной сон? Если это так, то пора проснуться. Мне этот сон вообще не нравится.

– У вас нет ко мне жалоб? – раздалось в кабинете врача.

– Нет, я абсолютно здоров.

– Совсем-совсем? Даже непроходимости кишечника нет? – казалось бы, ещё секунду и врач зарыдает.

– Нет. Я здоров. У меня нет к вам никаких жалоб на своё здоровье, – непоколебимо стоял на своём парень.

– А может, в прошлом году открывалась какая-то язва? Или, в конце концов, аритмия возрастная когда-то была?

– Ничего такого у меня не было. Я абсолютно здоров, – парень стоял на своём.

Мария Ивановна слушала и не могла поверить собственным ушам. Так, этот сон слишком затянулся. Пора просыпаться. Взглянув на номер кабинета последний раз, чтобы больше сюда ни-ни, Мария Ивановна развернулась и зашагала прочь.

Она шла со слезами на глазах. Ей было стыдно. Стыдно не за то, что стала невольным свидетелем разговора между парнем и врачом. Хотя и за это тоже. А стыдно за то, что этот сон, эта её ночная фантазия, дискриминирует работников такого святого направления, как медицина. А в том, что это сон, она была уверена. Суставы ведь не болят. А в том, что они больные, месяц назад её заверили и убедили врачи именно этой поликлиники.

Тем временем солнышко уже поднялось так высоко, что в бесплатном свете и тепле недостатка не было. Люди согласны были даже приплачивать ему, только бы отопление немного поубавили. Но это, к сожалению или к счастью, невозможно. Как невозможно остановить приход нового дня, который обязательно будет с оттенком старого.

МАРГАРИТА ТРЕНКИНА

Родилась 6 мая 1992 года. После окончания 9 класса Сергеевской ОСШ поступила в МК ДГМА города Краматорска. Сейчас студентка специальностей «Литейное производство» и «Делопроизводство» 2 курса.

С раннего детства увлеклась рисованием, за годы школьной учебы участвовала и побеждала в районных и городских художественных конкурсах. Поэтическая Муза проснулась еще в 8 лет, но серьезным увлечением поэзия стала с 15 лет. Маргарита является корреспондентом газеты «Академия», в которой печатаются ее стихи. Ведет рубрику «Молодежные течения». Еще увлекается танцами, фотографией, изучением английского языка и тонкоматериального мира, философии, физиогномики. Любит удивлять и радовать близких. Во всем любит подчеркивать свою индивидуальность. Считает, что в жизни важно успеть, не опоздать...

Козака доля

Дрімало ще сонечко,
Покинув козак дім свій.
Чекає його долечка –
смерть в стороні чужій...
Іде він в дорогу це,
З коханою прощатись,
В хвилини останні
До сліз цілуватись...

Серденько тріпочеться,
Бо любов полонила...
І жити – так хочеться!
Та доля – могила...
Нема чого вдіяти,
Не бачити волі...

Не будь йому косарем
У своєму полі...

Так прикро майбутнє
в кайданах губити,
Та й важко прийдеться
близьких хоронити...
Але він готовий
всі муки зтерпіти!
Щоб потім звільнитись –
Й з коханою жити.
Щоб матір доглянути
стареньку і кволу.
Щоб у церкві в розкаянні
упасти додолу...

Три заветных слова

Солнца лучик,
огонек небесный!
Он такой прекрасный,
нежный и чудесный!
Я глаза открою –
я в твоих объятьях!
И прижмусь так крепко,
поцелую сладко...

И запахло утро
вешнею травой...
Ну а я все так же
быть хочу с тобою...
Уходить так трудно
от тебя мне снова,
С уст твоих
услышав
три заветных слова...

Я надеюсь на чудо...
Помоги мне, о Боже!
Я надеяться буду...

Мое сердце тревожат
Непокорные мысли,
Что как тучи повисли...

Мы – студенты!

Студенты – нет дружной народа!
И веселей, задорней нет!
Нас наградила всем природа,
Мы – будущего яркий свет!

Жизнь у студента непростая,
Везде успеть: зачет, экзамен...
Беспечность детства далека,
Мы добываем знанье.

Наступит время, и диплом
Вручат с почетом в руки.
Сейчас мы – группа, а потом –
Дни и года разлуки...

Давай гордиться – МЫ СТУДЕНТЫ!
И цель ясна, и светел путь.
Настанет время для момента,
Когда захочешь все вернуть...

Ну, а пока – пора учиться!
И жизнь пора познать.
Ведь время не стоит, а мчится –
Опаздывать нельзя!

От них спрятаться негде,
Тяжело так и мрачно.
Все не будет как прежде,
Отвернулась удача...

Собираюсь в дорогу,
От себя убегаю...
Здесь врачи не помогут,
Здесь причина другая...

АНАСТАСИЯ ШАТСКАЯ

Родилась в 1983 году, в Краматорске. В 2001 году поступила в Машиностроительный колледж ДГМА. Закончив колледж с красным дипломом, продолжила обучение на кафедре «Финансы» ДГМА.

Ее жизнелюбие и открытый нрав вовлекали Анастасию в бурный водоворот внеклассной жизни колледжа и Академии. Стихотворения публиковались в газетах «Школьный Вестник», «Поиск», «Академия».

Первые рифмованные мысли можно отнести к 13 годам. «Это тот возраст, когда обостряются все чувства, эмоции, формируется отношение к окружающему миру, – говорит Анастасия. – Мы начинаем искать смысл и понимание жизни. Я не была исключением».

По кругу

Осень, осень, все идет как надо,
Осень, осень, ждем мы листопада.
Осень, солнце, листья золотые.
Мы когда-то были молодые.

Осень, осень, так пришла внезапно,
Осень, осень, чуточку прохладно.
Осень, дождик, танцы до заката,
В жизни были радость и утрата.

Осень, осень, первая пороша,
Осень, осень, непосильна ноша.
Осень, годы пролетели наши,
Вот уже и внуки стали старше.

Осень, осень, ты теряешь друга,
Осень, осень, жизнь идет по кругу.
Осень, солнце, листья золотые.
Мы когда-то были молодые!

О любви

Мы по звездам узнаем друг друга,
А навстречу два шага пути,
Разгулялась беспечная вьюга,
Как в пустыне оазис найти?!

Мы приют свой найдем во Вселенной,
А любви и не видно следа,
Где же вы были, счастья мгновенья,
Просто бриз вас украл у меня...

Мой ты чудный и ласковый принц,
Образ твой я увижу во сне,
Покоритель невинных сердец,
Он не знает, как нравится мне.

Все, что было, бесследно исчезнет
Среди шумного моря ветров.
И тогда корабль твой чудесный,
В моей гавани пристань найдет!

Ужасня... що воно таке?!

Я не розумію, скільки треба
Мені всього на цій землі.
Подарував би хтось шматочок неба –
Мереживо з ранкової зорі.

Ріка життя – минуце щастя,
В долині мрій її істок.
Рука малечі відведе напасті,
Твоя сім'я – твій затишний куток.

Як пташка потребує волі,
Бажання наші без кінця.
Людина мріє про щасливу долю:
Її не буде – кам'яні серця.

Слова, слова...
На світі їх багато,
Але при цьому все одно:
Не вір тому,
хто говорить завзято,
Що не буває щастя
від і до!

Ты придешь сегодня, знаю...

Ты придешь сегодня, знаю,
Приласкаешь, назовешь своей,
Проходи, мы выпьем чаю,
Я вольна и ты ничей.
Солнце село, и погасли свечи,
Стало в комнате темно,
Обними скорей за плечи,
Мне уютно, хорошо...

Испанская роза

Мне однажды нагадала
Девушка одна любовь.
Пусть проказница не знает,
Как встревожила мне кровь.

День ото дня бегут минуты,
Не знаю счета я годам.
Испанский берег в две секунды
Меня привел к ее ногам.

Танцуешь ты, как королева,
И нет милей твоих очей.
Толпою ходят кавалеры
За маяком чужих огней.

Все так будет, как и прежде,
В эту ночь приду опять,
К той единственной «надежде»,
Что Испанской Розой звать...

**ЖИЗНЬ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ
БЕСКОНЕЧНО**

ГОСТИ АЛЬМАНАХА

ТАМАРА ДЯТЛИКОВА

Живёт в Краматорске. Член Краматорского литературного объединения им. Н. А. Рыбалко. Автор пяти персональных поэтических сборников: «Снежность», «Ожидание», «И послышится звон...», «Жовтогарячий сад», «Осенняя молитва».

Дипломант областного литературного конкурса им. Н. А. Рыбалко в 2004 году.

В 2008 году внесена в антологию «УКРАИНА. РУССКАЯ ПОЭЗИЯ. XX ВЕК»

Растопились снега...

Растопились снега
под мотив запоздалой капели,
Согревается взгляд
под неярким апрельским теплом.
И в ослепшую высь
не взлетают ночные метели,
Утомлённо ветра
разбрелись за погасшим окном.
Я шагну за порог
после самой тяжёлой болезни,
Когда тлела душа
на костре искореженных слов,
Не рождались стихи,
замирали на выдохе песни,
Но я выжить смогла,
стиснув зубы на слове «ЛЮБОВЬ».

Оттепель

Осевшие снега
истоптаны до боли,
Как будто
беззащитная душа.
Сосулек стройный ряд,
наплакавшийся вволю,
Под вечер хрупко замер,
чуть дыша...
Такою же
кристальною мечтою,
Как древним
заклинанием, спасусь,
Что ты придешь,
без камня за душою.
Я жду...
я не сорвусь, не разобьюсь...

Осенняя истома...

Горделиво клёны увядают
Среди нотных станов паутин,
Не скупясь, прохожих одевают
В кружева оранжевых гардин.
Видно, осень в золоте венчальном
Каждый год приходит неспроста,
От наветов злых и дум печальных
Нас спасает эта красота.

Всё задымилось... Перемешались
Былые запахи и цвета.
Порою солнце проглянет малость –
Вокруг осенняя суета.
Горит листва, как стихов страницы,
Пылает хрупкая красота.
И даже ветер сейчас не злится,
А литургию поёт с листа.

Сгорает листва... сгорает...
Лениво в лицо дымит.
Дымок на ветру растает,
Слегка на губах горчит.
Поставлены в церкви свечи
Былому «за упокой».
Но всё же – ещё не вечер...
И грезится образ твой.

Осенняя молитва

Что так горько внутри? Да, конечно, листва задымилась...
Значит, осень опять затевает прощальный пожар.
Как сияла вчера! А сегодня во что превратилась
Неземная краса, излучавшая трепетный жар.
Что напомнила мне эта дымка белесой струёю? –
И дрожащий костёр затуманился едкой слезой...
Это было со мной. Я горела в огне. И не скрою,
Что ночами молюсь, чтобы так не случилось с тобой...

Ода ветрам

Может быть, я вправду ветрена...
Озорные ветра люблю.
Коль нахлынет тоска, немедленно
Лаской ветреной утолю.
Распахну пальто без стыдливости,
Пусть несётся воронье «кар»,
Но доверюсь ветреной милости,
Унимающей пыл да жар.
Снова осень мечты раскрасила,
Наважденья добавив снам,
Я чужую молву-напраслину
На расправу отдам ветрам.
Буду с ними в проулках прятаться
Да романсы петь по углам.
А они будут в пояс кланяться
И ложиться к моим ногам.

И случилось же так...
Мы как будто совсем не знакомы,
На мгновенье сошлись,
зябко ёжась, а взгляды – в упор.
Запылала листва
и упала к ногам невесомо,
Словно старая шаль,
кем-то брошена в дымный костер.
Беззащитность свою
я прикрыла холодной улыбкой,
Жажду пылких речей
беспризорным доверю ветрам,
Буду слушать опять
одинокую гордую скрипку
Облетевшей вербы,
что поёт за окном по ночам.

ЕЛЕНА КИСЛОВСКАЯ

Родилась в Краматорске. Закончила филологический факультет Донецкого университета. Живу и работаю в Дружковке. Член национального Союза журналистов Украины, Межрегионального Союза писателей Украины. Руководитель городского литературного объединения «Поэтические витражи» – первичной организации Всеукраинского национального культурно-просветительского общества «Русское собрание». Публиковалась в городских, областных и всеукраинских газетах и журналах, сборниках «Неизвестная Дружковка» (Дружковка), всеукраинском альма-

нахе «Провинция» (№№ 3, 4, 6, 9 – Запорожье), международном журнале «Ренессанс» (Киев), всеукраинском сборнике «XX век, запомни нас такими» (Киев), литературном альманахе «Каштановый дом» (Киев), альманахе «Свой вариант» (Луганск), изданиях «Русского собрания», всеукраинской газете «Отражение» (Донецк), антологии «Песни Южной Руси», всеукраинском альманахе «Ковчег» (Житомир).

Поэзия для меня сродни графике: сочетает лаконичность и предельную выразительность. Радуюсь, если мои стихи, соприкоснувшись с чьей-то судьбой, становятся ее частью, подсказывают выход из тупиковых ситуаций, делают людей чище, светлее. Для этого и пишу.

Невыдуманная история

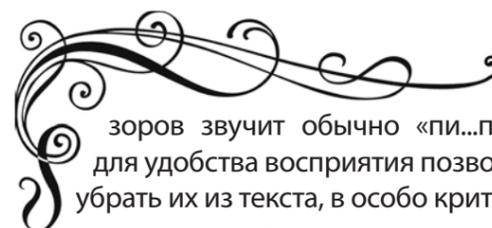
Мусор, Роза и Любовь

Зарисовка с натуры

Раннее утро вставало над городом во всей своей красе: освеженное ночной прохладой, яркое и солнечное.

На заднем дворе одного из городских учреждений в мусорных баках рылись двое: он и она – неопределенного возраста, в поношенных вещичках, явно с чужого плеча, помятые и всклокоченные, с испитыми одут-

ловатыми лицами. Содержимое его бака, по всей видимости, оказалось более ценным, и она, косясь в его сторону, стала постепенно «заводиться», реагируя на появление очередной вещи новым всплеском эмоций. Поскольку ее монолог, не считая кратких его реплик, был щедро «расцвечен» теми выражениями, вместо которых с экранов телеви-

зоров звучит обычно «пи...пи...пи...», для удобства восприятия позволю себе убрать их из текста, в особо критических местах заменив скромным многоточием.

Итак, работа по сортировке содержимого мусорного бака продолжается. Он извлекает из него треснувшую чашку в ярко-красный горошек. Она комментирует:

– ...Ты б эту чашку на голову себе надел! Какого ... позвал вчера Люську с Валеркой? Выжрали целую бутылку, а что с собой принесли? Фигу с маслом! Вкалываю каждый день как проклятая, а твои друзья сжирают все в один присест, еще и хамят! Ты почему, ..., промолчал, когда Валерка ко мне приставать начал? Молчишь? Дерьмо ты, вот ты кто!

На свет появляется голубой пакет для мусора, в котором угадываются остатки еды.

– Дай сюда! – она вырывает пакет из его рук и прячет в свою затаканную клетчатую сумку, с какой обычно путешествуют «челноки». – Я тебе не доверяю: переработаешь в одиночку, а потом совершь, что у тебя все отняли. Помнишь, как Лешка Косой мне полшоколадки подарил, а ты, паразит, из-за нее мне чуть зуб не выбил, а потом все той же Люське отдал. И что тебе в ней нравится? Дура, сволочь и хамка! Как ее только Валерка терпит?

Одну за другой он вытаскивает несколько пустых бутылок из-под «Боржоми».

– Говорила мне мама не связываться с тобой! Нет, блин! Какого ... я не уехала на Север? Все у меня было бы – и квартира, и машина, и отдых на море. Так, блин, и подохну в этой вонючей дыре, где некому даже кран отремонтировать.

Невнятное бормотание в ответ.

– Ты, еще, гад, меня упрекать смеешь, что

я не убираю? А кто на прошлой неделе полы мыл? А кто почти новые простыни из сэконд-хенда принес? Ты ж их, ..., ..., Люське на день рождения подарил. Какой такой может быть день рождения? Она, шалава, сама уже не помнит, когда ее выродили и сколько ей лет вообще. Что, я ревную? Кого? Тебя? К ней? Ну ты, блин, спятил! Да на ... ты мне сдался! Да на ... она мне сдалась! Да пошел ты ...!

Страстный монолог прерывается. Она ловит ртом воздух: перед ней вдруг появляется чуть увядшая, но сохранившая следы былой прелести пунцовая роза на длинном стебле,

тонкий аромат которой не смогли перебить даже все оттенки запахов, рождающихся в мусорном баке.

– Это ... мне? – с запинкой произносит она и, уткнув нос в пунцовые лепестки, всхлипывает. – Да ... с ней, с той Люськой! Все равно мне, кроме тебя, никто не нужен. Давай сдадим бутылки, купим вина и посидим в молодом парке. Помнишь, где мы с тобой познакомились? Ты меня тогда своей курткой от дождя укрыл...

Обнявшись, забыв на время о размолвке, он и она направляются к ближайшему пункту сдачи стеклотары, а у нее в руке алеет подаренная роза.

ВІКТОРІЯ МЕЛЬНИК

Народилася у 1969 році, у зеленому маленькому містечку Дружківка Донецької області. Але дитинство пройшло на Кубані, у козацькій станиці. Тому не мала змоги вивчати рідну мову у загальноосвітній школі. Довелося освоювати її самотужки, читаючи твори великих українських літераторів. З п'ятирічного віку складає вірші. Наразі мешкає у місті Краматорськ. За професією – медсестра. Член літературного об'єднання «Поетичні вітражі» м. Дружківка.

У 2002 році Вікторія стала лауреатом Недержавної Міжнародної Україно-німецької

премії імені Олеса Гончара за роман «Я покохаю тебе завтра...». У тому ж році він був опублікований невеличким накладом (70 екземплярів). Вірші регулярно публікуються у місцевих, регіональних, всеукраїнських газетах і збірках.

У 2008 році завершено роман-містерію «Якби моя матуся встали...».

Долг

*И прости (...) должникам нашим.
Евангелие от Матфея, 6 гл., 12 ст.*

Однажды Машенька пошла в лес одна и заблудилась. Долго ходила она по лесу, пока не набрела на избушку. А в избушке той жили три медведя...

Ощущение вины было хроническим.

Павлуша сидел на самом краешке стула, но всё равно ему казалось, что он занимает слишком много места. Она сердится, а значит, Павлуша опять что-то сделал не так.

Она – не та востроглазая девчушка со смешными косичками, которая неслась ему навстречу, раскинув руки-крылья.

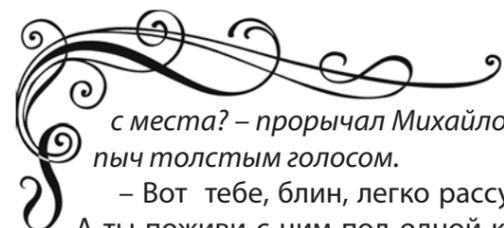
Она – чужая тётка в старом халате, с сальными волосами и пронзительным голосом.

Павлуша наблюдает за ней сквозь приоткрытые двери. Она ходит из угла в угол, то появляясь в дверном проёме, то исчезая. Тётка разговаривает с кем-то – с кем-то невидимым, одной рукой держась за ухо, другой – нервно жестикулируя. Павлуше боязно. Потому что непонятно...

«Мама, мамочка. Ну где же ты?»

– Михаил? Михаил на работе. Мишенька к друзьям пошёл... Этот? Этот меня скоро в могилу сведёт... Что делает? А ничего не делает. Целыми днями на стуле сидит и воет...

– Кто сидел на моём стуле и сдвинул его

с места? – прорычал Михайло Потапыч толстым голосом.

– Вот тебе, блин, легко рассуждать. А ты поживи с ним под одной крышей – ещё не так взвоешь! Да его проще убить, чем прокормить. Жрёт, блин, как не в себя. Одного хлеба буханку в день проглатывает. А жадный до еды! Ужас! Спешит, запихивается, давится, крошки во все стороны летят! Тьху, мерзость!

– Кто хлебал из моей чашки?! – сердито зарычала Настасья Петровна.

Павлуша тихонько поскуливает, словно побитый кутёнок.

«Мамочка, когда же ты придёшь?»

– А вчера что вымочил! Причём в буквальном смысле этого слова. В штаны напрудил, представляешь? И я, блин, сильно подозреваю, что это нарочно! Чтобы меня вывести из равновесия.

И вовсе не нарочно! Большой мальчик сказал, энергично жуя жвачку: «Ты это... из комнаты не высовывайся, блин. У меня гости, блин. Панял, блин?»

Павлуша «панял» и не высовывался. Только вот терпеть дольше не смог...

– Ой, о чём ты говоришь? Какие там у него деньги? Разве это деньги? Это ж слёзы! Мы всей толпой живём фактически на одну Мишкину зарплату. Я же не работаю... Потому что боюсь этого самого оставлять: не дай Бог пожар устроит, или потоп... Мишенька? Да, конечно: Мишенька – мальчик большой и запросы у него немаленькие. Но скажи на милость, куда он пойдёт? Грузчиком на рынок? Разве для этого он академию заканчивал?.. Ну ладно. Мне пора этого спать укладывать. Спокойной ночи.

«Мама, мамочка...»

– Ну, чего голосишь? Чего голосишь? Тебя что – бьют? Режут? Что тебе, блин, жить мешает? Достал уже! Раздевайся и – шагом марш в кровать. Живо!

– Кто лежал в моей постели и... до сих

пор в ней лежит?! – завизжал Мишутка.

Сонно тикают ходики. На кухне монотонно капает вода из плохо завинченного крана. Павлуша смотрит в окошко на жёлтую луну и терпеливо ждёт. Мама обязательно придёт. Не может не прийти.

Небо в окошке побледнело, как высохшая акварель, а мамы всё нет.

«Пойду ей навстречу», – решил Павлуша и выбрался из постели. Оделся впопыхах, крадучись, прошёл в прихожую. Тихо щёлкнул замок на входных дверях.

– Ай-ай-ай! Держи её! Хватай!

Мишутка хотел было укутить Машеньку, но она выскочила в окошко и убежала...

...Павлуша сидит на покрытой изморозью скамейке. Ждёт. Мама всегда возвращается с работы через этот скверик.

«Шапку забыл надеть. Мама заругает».

Мама, конечно, огорчится из-за того, что он ушёл, не спросив. А после обязательно пожалеет его, приголубит, поцелует в лысую макушку.

Павлуша сильно озяб. Пар шёл изо рта. Ноги в комнатных тапочках задеревенели. Пальцы на руках перестали слушаться.

Потом вдруг стало тепло, светло и радостно. Будто посреди зимы внезапно наступило лето. Как в сказке про двенадцать месяцев. Исподволь на мягких лапках подкрадывалась дрёма.

«Павлу-у-ша, мальчик мой ненаглядный», – донеслось издалека.

«Мама! Ты пришла за мной!» – счастливо улынулся Павлуша сквозь сон...

И вот дремучая чаща отступила, и Машенька наконец-то нашла дорогу домой.

– ...Отмучилась? Да нет, это я отмучилась. Ты, блин, имеешь хотя бы малейшее представление, что такое болезнь Альцгеймера? Это когда мозги усыхают до размера сушёной сливы. Заляпанные рубахи и мокрые штанишки – только лишь цветочки. И мне страшно даже представить, какими могли быть ягоды. Поэтому, слава Богу, что

так. К тому же, *он* совсем не страдал. Просто уснул... Конечно, родителей не выбирают. И, сказать по правде, в сущности, *он* был не таким уж плохим человеком. Ты знаешь, в детстве я *его* любила даже больше матери. *Он* мне сказки читал. Помнишь, есть такая – «Три медведя»? *Он* читал её в лицах, разными голосами. Это было так забавно!.. Я, может быть, где-то даже признательна *ему* и всё такое. Когда на заводе три года зарплату не давали, хрен бы мы выжили, если б не *он*... Но моя совесть чиста: докормила

до смерти, похоронила по-людски, поминки отгрохала по высшему разряду. В общем, до конца выполнила свой дочерний долг...

И с чувством до конца выполненного дочернего долга *она* принялась обживать освободившиеся квадратные метры, совсем не испытывая дискомфорта от образовавшейся пустоты...

Песочные часы

*...не во власти идущего давать направление стопам своим...
(Книга пророка Иеремии 10:23)*

Крохотная точка среди бескрайней пустыни. Человек. Он воздевает руки к Небесам и вопиет:

*– D'ou' venons-nous?! Que sommens-nous?!
Ou' allons-nous?!¹*

Небеса безмолвствуют. Ведь Человеку вовсе не нужны ответы.

Он всё для себя уже решил. Внушающая ужас песчаная равнина – пусть будет всего лишь безлюдным пляжем. Где-то там, слева, за чертой горизонта катит свои волны величавый океан. Справа должна простираться прохладная сельва.

Стоит Человеку повернуть налево – и он выйдет туда, где, качаясь на синих до рези в глазах волнах, его уже ждёт белоснежный лайнер. Корабль – это шанс Человека попасть в страну Неограниченных Возможностей. Там – индустриальный рай. Там – все блага цивилизации.

Если Человек изберёт иной путь и повернёт направо, он найдёт покой в маленькой хижине на берегу хрустально-чистого

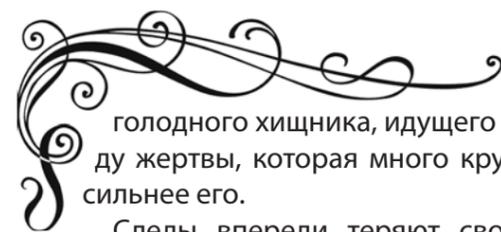
ручья под сенью тропических растений. В этом простом жилище живёт и ждёт Человека она, Та Самая...

Солнце печёт всё жарче, идти становится всё труднее.

Человек продолжает идти прямо, не решаясь повернуть. Трудно сделать выбор. Особенно если в глубине души ты прекрасно понимаешь, что выбор уже сделан. Сделан гораздо раньше, ещё в начале пути, когда, отказавшись от помощи Небес, Человек предпочёл поверить в иллюзию, созданную собственным воображением. Ведь легче всего поверить в то, во что хочется верить, чем признать существование Того, Кто Выше.

Вдруг впереди Человек увидел следы – энергичные, целеустремлённые, следы Лидера. Сердце Человека исполнилось радости. Вот Тот, Кто Поведёт!

В безудержном порыве догнать, догнать во что бы то ни стало, Человек концентрирует остатки своих сил. Его обуревают азарт

голодного хищника, идущего по следу жертвы, которая много крупнее и сильнее его.

Следы впереди теряют свою чёткость, свою уверенность. Человек, следуя им, идёт всё медленнее, ...медленнее. И, наконец, останавливается, устав закрывать глаза на очевидное...

Круг замкнулся.

Внезапно твёрдая почва уходит из-под ног, и Человек летит, летит, летит в бездну.

Один миг – всё кончено.

Натруженные ладони закрывают лицо. Крупные капли просачиваются сквозь узловатые пальцы. Тот, Кто Выше, оплакивает смерть человека. Но, более того, Он оплакивает его жизнь. Такую короткую. Такую

бесцельную.

Потом усталая жилистая рука переворачивает хрупкую колбу мироздания. В нижней части колбы по-прежнему песчинки Времени тонкой струйкой перетекают в Вечность. В верхней части – бесконечная песчаная равнина Пространства. Крохотной точкой среди бескрайней пустыни – новый Человек.

Глаза, излучающие Вселенскую мудрость, прикованы к нему. Тот, Кто Выше, с любовью и надеждой ждёт: не воззовет ли? не обратится ли? не попросит ли помощи?

Человек опускается на колени и, подняв руки к небесам, вопрошает:

*– D'ou' venons-nous?! Que sommens-nous?! Ou' allons-nous?!
Небеса безмолвствуют...*

¹ – «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идём?». Название знаменитой картины известного французского художника Поля Гогена.

МАРИЯ РУДЕНКО

Родилась 8 февраля 1978 года в Краматорске. Закончила ОШ № 22 в 1994 году. В этом же году поступила в Краматорский экономико-гуманитарный институт на специальность «Преподаватель иностранных языков и зарубежной литературы».

Работает учителем. Переводит стихотворения с английского. Увлекается океанологией. Стихи пишет с 10 лет. Печаталась в 2001 году в сборнике Европейского Университета «Поріднилися бізнес і поезія». Пишет сказки.

Август

В прозрачном воздухе – как тайна,
Повисли сотни паутинок...
Катилось солнце за поляну,
Смеркалось лето без ботинок.

Истоптаны подошвы мая,
Июнь, июль – босые ноги...
И август, по полям петляя,
Соединил крестом дороги.

В подсолнухах запрячу лица,
События и встречи лета.
Заохает в лесу ночная птица,
Птенцов крылатых растеряла где-то...

О, август! Ты для спелости природы тесен,
В тебе сгустилась вся палитра грёз.
И сколько про тебя ещё не спето песен,
И сколько не пролито предосенних слёз...

Ах, если б можно не молчать
И не грустить на расстоянья.
И на перрон – не провожать.
А в церковь – не на покаянье.

И чтобы всем – по семь дорог,
И ту, что многого не просит,
И чтоб отец не занемог,
И чтобы в срок – весной грозы.

И дай нам Бог испить ту страсть,
Что накопили мы годами!
И дай нам Бог смеяться всласть
Над тем, над чем мы плачем сами.

Лунные зайцы (терапевтическая сказка)

В маленьких травяных домиках, на берегу самого живописного в Тэйлширском лесу озера обитало около сотни лунных зайчишек. Их так величали из-за серебристой шкурки, казавшейся перламутровой при дневном свете. Они очень гордились своей особенностью, резко отличавшей их от простых серых зайцев. Самые важные из лунных топорщили свои усы-щёточки и поглаживали многозначительно безупречно чистую шубку. Это вовсе не раздражало обычных лесных жителей, так как не выходило за рамки приличия. У лунных зайцев была особая тайна, светом которой искрился весь Тэйлширский лес.

Каждой ночью с двенадцатым уханьем часового филина начиналось волшебство. Взявшись за лапки, лунные зайчишки окружали озеро, поднимали вверх свои звёздно-серые глаза и ждали явления Луны. Она, позволяя себе являться с опозданием, в обрамлении взъерошенных облаков. От зайца к зайцу переходил её печальный пронизательный взгляд. И шкурки одна за другой начинали излучать мягкий серебристый свет. И дело было вот в чём – Луна дарила зайчишкам сны. Добрые, волшебные, цветные сны. Обычные звери понятия не имели о том, что можно спать и видеть чудесные яркие сны. Лунные же зайцы, получая каждую ночь от Луны подарок, с трепетом отправлялись в постель. И каждый раз это было сродни ритуалу. А днём, они усердно трудились в поле, одни – поливали и пропалывали упитанную морковь, другие – собирали цвет клевера и пели при этом весёлые песни. На изумрудной лужайке дети играли в салки, дразня водящего звоном голубых колокольчиков.

Но не так всё было безоблачно, как вам могло показаться. Даже такая крошечная,

с хвостиком, страна не являлась исключением из далеко не сказочных правил. Луна строго-настрога запретила пушистым рассказывать свои сны, делиться хорошим. Непослушание влекло за собой самое страшное для них наказание – исключение из рядов «лунных», лишение серебристой шкурки и полное изгнание из страны. А главное – больше никаких снов. Зайчишки боялись, а потому помалкивали.

В одном из таких травяных домиков по вечерам долго не гас свет. В одно и то же время папа Заяц укладывал свою непоседливую дочку Заиньку в свежестланную клевером постельку. Всегда он рассказывал ей на ночь сказки, какие только знал и помнил. Чаще всего на самой середине повествования засыпал, закрывая глаза отливающимися серебром, ушами. Заинька тихонько хихикала, заслоня ротик мягкой лапкой. И только после этого погружалась в лунный сон сама. Папа Заяц, конечно, спохватывался, начинал спросонья что-то бормотать. Но видя, что Заинька сладко посапывает, он сонно улыбался и, грохоча домашними тапками, брел к себе в кровать.

Но однажды вечером, когда папа Заяц собрался было рассказать дочке очередную сказку, он понял, что больше не знает ни одной. Он быстро перебирал в голове все истории, которые знал, но тщетно. Всё это уже давно было рассказано. Заинька вопросительно смотрела на него, хлопая большими пушистыми ресницами. Она уж было собралась заплакать, но папа Заяц спохватился, тяжело вздохнул и, начал рассказывать одну из самых восхитительных историй, которую Заинька когда-либо слышала. Голос старого Зайца почему-то дрожал, но с каждым словом он говорил

всё смелее и смелее.

– Слушай милая... Мудрейшие из ушастых утверждают, что где-то в далёком море (я даже понятия не имею, как оно выглядит), есть удивительное место – гавань, приютившая в сердце себя самые прекрасные и быстроходные парусники. Они стоят смиренно друг напротив друга, тем самым образуя на воде коридор, ведущий в неизвестность. Морская вода кажется абсолютно безучастной во власти гордого кораблемолчания. Высокие, как наши сосны, мачты всегда стоят с поднятыми парусами.словно ждут команды об отплытии. Ветер вольно гуляет, путаясь в парусах и лаская блестящие на солнце палубы.

– Немногие туда доходят. При этих словах Заяц вздохнул ещё тяжелее. – А если это кому-то удастся, то он никогда уже не сможет вернуться назад. Сладкий плен... Уставшие ноги путника, наконец нашедшего дорогу к гавани, касаются воды у начала загадочного коридора и напрочь забывают обратный путь к его концу.

Но главное – не парусники с их мачтами и даже не магия моря, главное то, к чему ведёт водный путь. То, от чего невозможно отвести взгляд. То, к чему безвозвратно стремится душа. То, откуда нет дороги назад – лиловый в форме солнца шар, нависший над горизонтом. В принципе, го-

ризонта там как такового нет. Есть только живое и всевидящее Око. Оно молча зовёт. Говорят, чем ближе к нему подбираешься, тем спокойнее и счастливее становится у тебя внутри. Идёшь, и уже не замечаешь, как расступаются перед тобой корабли, как замирает под твоими ногами вода и как в ушах у тебя

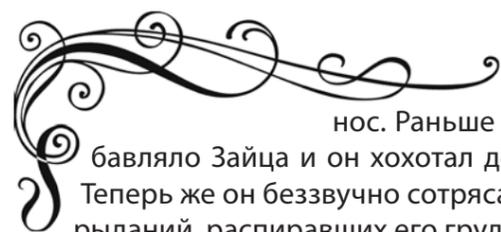
звучит волынка. Наверное, это и есть счастье, к которому так все стремятся... Ты идёшь на Зов Моря! Услышу ли я его теперь? Последние слова папа Заяц произнёс едва слышно, хотя мог бы и не стараться – Заинька уже давно и крепко спала. Тень тревоги закралась старому Заяцу в глаза, и он так и остался сидеть возле маленькой, пахнущей клевером и солнцем кровати. Заинька сквозь сон почувствовала, как ей на нос плюхнулась слезинка. Одна, потом другая,

третья... Она легонько тронула папу лапкой.

– Папочка тебе грустно? Почему ты не спишь? Спи, вдруг тебе приснится море!

Папа Заяц взглянул на неё полным слёз и боли взглядом, но ничего не ответил.

– Пап, пап, ну пап! Мне же можно сказать, мне уже почти пять лет, я – твоя маленькая взрослая Зая-я... – на звуке «я», Заинька многозначительно выпятила вперед нижнюю губу и попыталась ею достать

нос. Раньше это забавляло Зайца и он хохотал до слёз. Теперь же он беззвучно сотрясался от рыданий, распиравших его грудь. Взяв себя в руки, он начал говорить.

– Ах, Заинька, Заинька... Ничего-то от тебя не скроешь. Каждый вечер ты слушала замечательные сказки, наполненные светом и любовью. Ты не могла без них заснуть и требовала ещё и ещё. Я уже стар, и потому нет больше сил придумывать новые.

Да и вспомнить я уже ничего не могу. Ты всё знаешь теперь. И мне пришлось... Точнее я... – тут голос папы Зайца перешел на шепот. Уши его дрожали, и Заинька вдруг заметила, что они абсолютно серые. Обычные!

«Травочки лесные! – подумала она, – что же это делается?» А Заяц тем временем продолжал всё сереть и седеть.

– Я, Заинька, – сказал он осипшим голосом, – рассказал тебе сегодня свой сон! Это самый лучший сон из тех, что дарила мне Луна. Ты так сладко спала... И ты – лучшее, что у меня когда-либо было в жизни! Ты, моё солнышко, моя половинка! Теперь Луна наказала меня и я стал обычным полевым русаком. Так-то...

– Это что же, теперь ты должен покинуть лунных братьев и сестёр?

– Да, малышка... – еле выдохнул Заяц.

– Пап, пап, я с тобой! Как же я буду без тебя? Пропаду, испорчусь – нет! Ты сам сказал, я твоя половинка!

– Что ты, что ты! Ты должна жить здесь, среди красоты и чудес. Зачем тебе серость

и обыденность чужой жизни? Я теперь пойду посмотрю, что делается за пределами нашей страны. Мы же даже не знаем, что там за тем вот зелёным бугром?!

– Нет, папулечка, куда ты один не пойдёшь! И я никогда одна не останусь. Слушай, мне сейчас приснилось, что мы...

– Тише, милая, нельзя! Замолчи сейчас же!

– ...что мы с тобой сидим на высоком холме и наблюдаем закат над морем! – на едином дыхании выпалила Заинька.

– ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА! – с надрывом в голосе прокричал старый Заяц так, что этот крик разнёсся на всю Тейлширскую долину. Сочувствие и боль проникли в каждую лунную семью, но никто не посмел открыть дверь и помахать вслед изгоям. Все боялись потерять своё равновесие и счастье.

Луна пристально следила за хаткой старого Зайца, в которой в ту ночь света больше не зажигали. Было очень тихо.

Просыпалось утро. Строго на восход солнца уверенно двигались две серые фигурки. Заяц шел широкими уверенными шагами, неся за плечами крошечный рюкзачок с морковкой.

А за ним, чуть подпрыгивая, семенила Заинька, закусив во рту цветок клевера.

Они отправились искать холм или море, а, может, и то, и другое – но вместе! Хвост – в хвост, душа – в душу!

И можете быть совершенно уверены в том, что им всё также продолжали сниться цветные, яркие сны. А вот почему – этого я уже вам сказать не могу, подумайте немного сами!

Запоминайте их

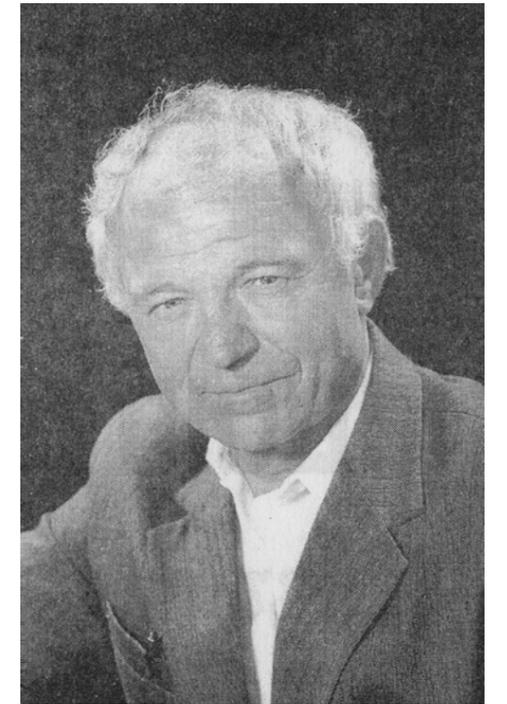
И будет так,
 неотвратимо будет...
На сцену выйдет
 в орденах старик –
Последний на планете фронтовик.
И перед ним в порыве
Встанут люди:
Не кто-нибудь пред ними –
 фронтовик!
И голосом спокойным и усталым
Солдат бывалый поведет рассказ,
Как землю эту
 вырвал у металла,
Как наше солнце
 сохранил для нас.
И будут парни очень удивляться,
Девчонки будут горестно вздыхать:
Как это можно умереть в семнадцать,
Как можно в годик маму потерять...
И он уйдет,
 свидетель битвы грозной,
С букетом роз и маков полевых...
Запоминайте их,
 пока не поздно,
Пока они живут среди живых.

У поэтов нету выходных,
У поэтов перерывов нету,
И вмещается в груди у них
Стомеридианная планета.
Вся планета:
 с тишиной берез,
С полыханьем хризантем и гроз –
У поэтов нету перерывов.
Мимо чьих-то радостей и бед
Не проходит их живое слово,
И ложится на стихи рассвет –
У поэтов нету выходного.
Их следы –
 у дрогнувшей реки
И в горячем баррикадном крае,
И порой, не дописав строки,
На ходу поэты умирают.
Но живет их окрыленный стих,
И взлетает песня, как ракета...
У поэтов нету выходных,
У поэтов перерывов нету.

АНАТОЛІЙ ТАРАН

В 1954-му році закінчив вісім класів Гусарівської середньої школи, а в 1956-му – двадцять третю будівельну школу в м. Слов'янськ. Працював на шахтах Донбасу, на будівництві. Згодом, в шахті – машиністом електровоза.

З 1961-го року мешкає в Краматорську. Останнє місце працевлаштування – завод ім. Куйбишева, де довгий час працював газоелектрозварником у прокатному цеху.

Від початку його свідомого життя, поетика була і залишається другим життям. В 1998-му році надрукував свою першу збірку віршів «Бути Людиною». Друга збірка, «Дорога до себе», була надрукована в 2001-му. «На рівні серця» – надрукована в 2005-му році.

В 2003-му році на обласному конкурсі на кращий поетичний твір отримав перше місце в номінації «До вершин поетичної майстерності, до тебе, Україно!». В честь 80-ї річниці з дня народження поета-фронтовика Г. Кривди нагороджений дипломом першого ступеня Донецькою організацією національної спілки письменників України, Донецьким обласним центром культури «Сучасник» – Дипломом секретаріату Донецької обласної організації Національної спілки журналістів України, грамотою – секретаріатом Донецького обкому СДПУ(0).

В 2008-му році Донецькою обласною держадміністрацією, Донецькою обласною радою України з культури і туризму, Дебальцівською міською радою, Літературним центром ім. Володимира Сосюри на обласному конкурсі «Срібні Дзвони», присвяченому поету-лірику ХХ-го століття В. Сосюрі, нагороджений Дипломом лауреата I-го ступеня у номінації «Поети». Має символічні нагороди у вигляді медалей і нагрудних знаків, такі, як ювілейна медаль «Двадцять років Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941-45 років», «Ветеран праці» – 1989 р., «Захисник Вітчизни» – 2008 р. «Лауреат літературної премії» – 2008 р.

У конкурсі до 140-ліття Краматорську в номінації «Лучшее стихотворение о городе» одержав друге місце.

Мої колодязі

Копаю ґрунт.
Не вперш і не всоте.
Є руки
І лопата по нозі.
Мета одна:
Землі цілющі соти
Звести в одне,
В мої колодязі.
Бо крім землі
Коштовностей не знаю.
Вагоміше немає скарбу,
Ні!..
Живу на ній
І хатою – не з краю.
Земля не поруч мене,
При мені!
Іду по ній,
Дивуюся природі,
Завдячую
Колодязній воді,
Красі земній,
Годині і негоді...
Протистою
І лиху, і біді.
Копаю ґрунт і день,
І два, і третій...
Вода й земля
В спорідненій вазі.
Коли води
Не стане на планеті
Її дадуть
Мої колодязі.

Але

Неначе і тіло не тіло.
З моєї легкої руки,
Як пір'ячко, літо злетіло,
А літо за літом – роки...

Якась засторога надворі...
По тілу – то спека, то лід.
Як довго дивлюсь я на зорі,
На захід дивлюсь і на схід.
І влітку, і, в міру, зимою,
Гамую терпіння, і де?
Немов би моє, не зі мною,
Дівча на побачення йде.

Болисть не до діла, до діла,
Поранення – в дих!.. Ножове...
І як би душа не боліла,
Воно, моє тіло, – живе!
Набуте, нажатє, нажите.
Надбання моє не малє.
Давно потолочено жито:
Віджите, відбутє... Але...

І тіло неначе не тіло.
А літо за літом – роки!
З моєї легкої руки,
Як пір'ячко, літо злетіло.

Гуси летять

Гуси летять. Переліт.
Знаю прикмету: Чуєте?
– Неба зеніт
В гаморі лету.

Кожному – доля і світ,
Всюдно, ні в чому...
Гуси летять. Переліт
В небі нічному.

Зверху небесся, згори,
Десь позаочі.
Чуєте чує: «Кур-рли!»,
З обсягу ночі.

Гуси звітують здаля
В наші сумління:
– Згубою стала земля,
Небо – спасіння...

Думкою тішуся: десь,
В душі спокуси,
Світ перевернеться. Весь!
Виживуть – гуси.

Коли весна

Вона неначе
Бавить дуга у грою.
Ось-ось настане
Божа Благодать.
Грядє весна.
Весна не за горою,
В моє життя –
Рукою їй подать.
Вона в собі
Погасить заметілі.
Життя – «ребром»,
У неї не закон.
Я жив колись
І, звісно,
В іншій тілі,
Переживу
І цей «армагедон».
Це вічна гра.
Залишуся – собою.
Настане мить
Котитися униз і свисне «Рак»
В сузір'ї,
Над горою,
В моє життя,
Спираючись на «Віз».
Там, де весна...
Ось-ось вона настане.
Звести я прагну
Істину на жарт
Скажу: халва,
Та солодко не стане,
Коли «халва» – роки,
За шістдесят.

АНДРЕЙ ШТАЛЬ

Родился в 1974 году. Учился жить. Живу. Местом своей космической дислокации считаю Краматорск. Являюсь профессиональным добывателем информации. Вхожу в состав Национального союза журналистов Украины. Занимаюсь также музыкой и перформансами.

Вселенский пылесос

Ты можешь быть счастливым без причины,
Ты можешь быть несчастным, но прости,
Вселенская стиральная машина
Стирает все, что встретит на пути.

Будь ты хоть гений, хоть герой, хоть варвар,
У всех анналов есть один финал –
Тебя сотрут, как стерли динозавров,
Тобой однажды подотрут аннал.

Вселенная, пропахшая бензином,
Не примет от тебя сигналы SOS.
Тебя сотрет стиральная машина
И засосет Вселенский пылесос.

Зря

Где-то рядом убогий и Бог.
Где-то рядом убить и убыть.
Так, с золою граничит залог.
Раз ЗОЛА, ТО за что мне платить?

Все, что делаю, делаю зря.
У незрячих – другие пути.
Можно много чего вытворять,
Чтоб в позоре прозренья найти.

Дай мне, Господи, чувство дорог,
Дай возможность дерзить и дерзать.
Если НЕБО в прочтенье – НЕ БОГ,
Дай мне чаще к земле припадать.

Троянский конь

Мальчиш-Кибальчиш улыбнулся врагам,
Плохиш надкусил бутерброд.
Однажды мечты превращаются в хлам,
В коня у троянских ворот.

Как хочется верить, что это Пегас.
Ямщик, не гони лошадей!
Но сусло тогда превращается в квас,
Когда в него бросишь дрожжей.

Джордано спокойно взошел на костер,
Чтоб видеть астральный финал.
Жаль, в небо ведущий тебя коридор
Однажды окажется мал.

Истории клячу загнали давно.
Мы скоро уйдем без следа...
Однажды вода превратится в вино,
Зачем нам такая вода?

Ты можешь подкову в руках разогнуть,
Но даже став сильных сильней,
Не факт, что ты сможешь пройти этот путь
Верхом на Троянском коне.

Дворянские аллеи (Мальчик сыт)

Ступая на дворянские аллеи
В каком-нибудь поместье родовом,
Мы часто, глядя в прошлое, робеем,
И грезим об утраченном былом.

Ах, как они возвышенно вздыхали!
Мы вспоминаем целые тома,
Которые когда-то написали
Мифически далекому Дюма.

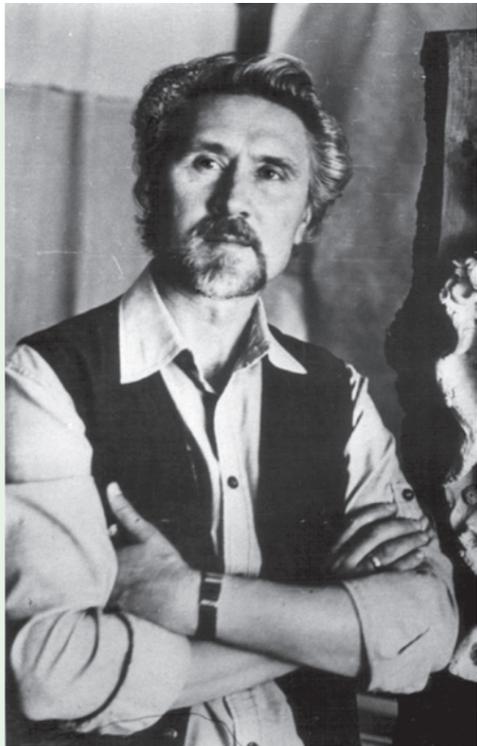
Борьба за честь, дуэли и интриги,
И светский раут, и дворянский бал.
О чем-то все же умолчали книги,
Дюма о чем-то скромно промолчал.

Кормите нас дворянскою моралью,
Мол, раньше, что ни граф был, то – пиит.
А мне совсем не светски и не бально,
Простите, мальчик сыт. По горло сыт.

Я вынес с задней парты средней школы
Не только блеск далеких галерей,
Но и костры Игнатия Лойолы,
Которые не гаснут и теперь.

И я сознанием чувствую иное –
В далеком прошлом тоже есть изъян –
По улицам разлитые помои
И вши под париками у дворян.

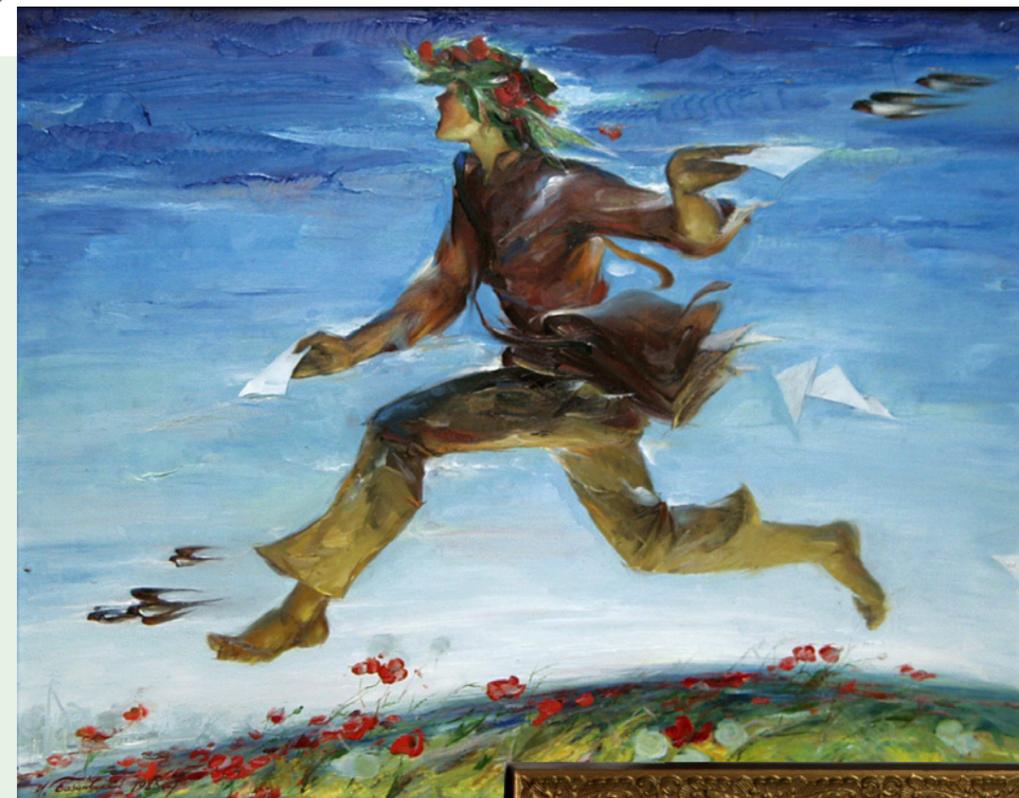
ИВАН БАЗИЛЕВСКИЙ

Родился в с. Луговое Крымской области. Любовь к рисованию помнит с раннего детства. После получения профессионального художественного образования, с 1956 г. начал активную творческую деятельность. Принял участие в 85 художественных выставках разного ранга, из них 12 персональных и две зарубежные: в Германии и Египте. Имя художника внесено во «Всеобщий словарь художников», выпускаемый издательством VEB E. A. Seemann (Лейпциг, Германия), который включает в себя статьи о живописцах, графиках, скульптурах, архитекторах и представителях прикладного искусства всех эпох и культурных областей, а также в «Энциклопедию Современной Украины». Многие работы автора находятся в частных коллекциях Китая, Кореи, Вьетнама, Японии, Польши, Германии, Аргентины, Канады, США, Египта, Израиля, Италии, Испании. С 1971 г. – Член Национального Союза художников Украины. Живет и работает в Краматорске.

Куражит мной превратностью судьба:
То дарит осень раннею весной.
То, вдруг, завьюжит лютая зима...
От холодов, уставший, я порою
Как альбатрос сушу свои крыла
Упругим ветром над твоей волною

Зимние кружева. Седнев
Худ. И. Базилевский

Вестники. 9 мая 1945
Худ. И. Базилевский

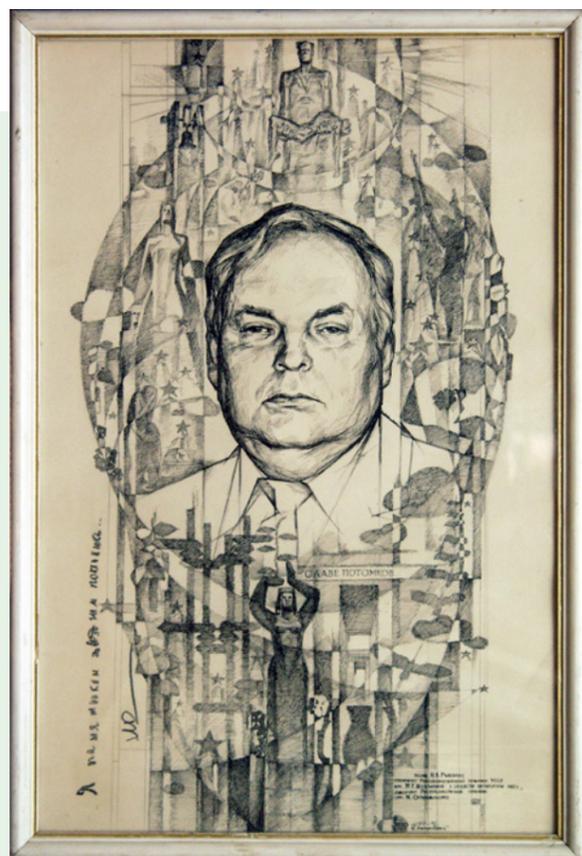
Я уверен, что только искусство нас знакомит и приближает к тому, что невозможно объяснить однозначно, – оно основа основ нашей духовности, оно как энергия в материальном мире.

Искусство всегда и во все времена будет стоять на вершине духовности человека, даруя ему жизнь, полную возвышенной радости.

Дождь прошел
Худ. И. Базилевский

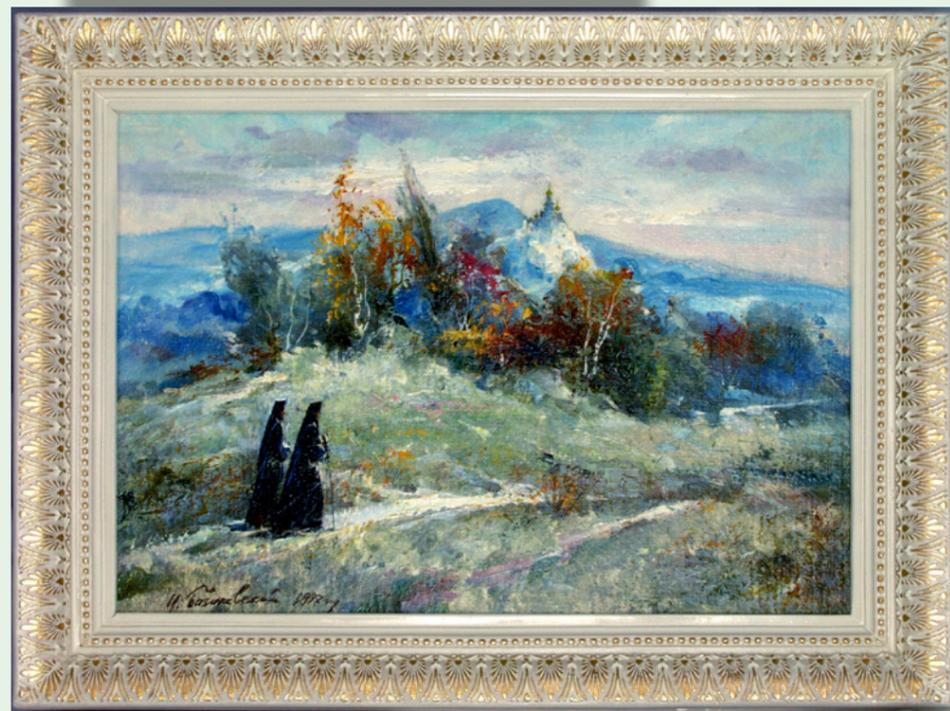

Художественный язык произведений, обычные сюжеты окружающего нас мира, нераздельность их существования с гармонией присутствия человека, должен восприниматься зрителем, как природа, проснувшаяся после глубокого сна, зовущая выйти из помещения навстречу восходу солнца в россыпи жемчужного утра.

Добиться звучности, чистоты и красоты цветовых сочетаний можно только в совершенстве владея техникой живописного письма, независимо от того, что это – большое станковое полотно или миниатюра.

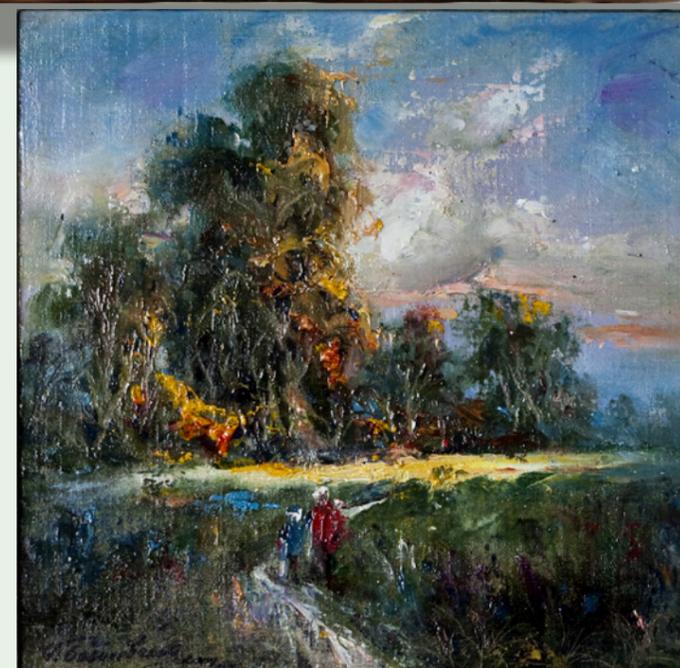
Портрет поэта Н. А. Рыбалко
Худ. И. Базилевский

**Святогорье.
Дорога к Храму**
Худ. И. Базилевский

Царство золотистых карасей
Худ. И. Базилевский

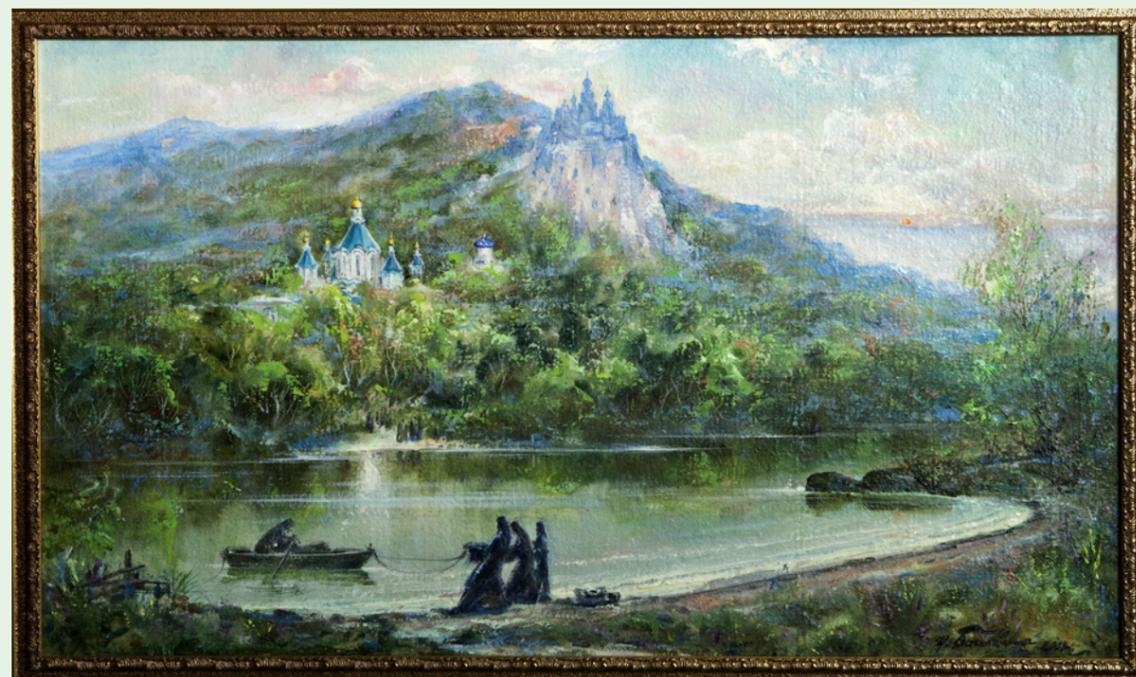

Святогорье. Вечереет
Худ. И. Базилевский

Дождь прошел
Худ. И. Базилевский

Хочется, чтобы ностальгия, внутреннее состояние образа природы, оставшиеся в моих работах, написанных с желанием чувственной полноты, захватывали зрителя и не оставляли его равнодушным к тому, во что мне хотелось вдохнуть жизнь, жизнь особенную.

Свято-Успенская лавра. Святогорск
Худ. И. Базилевский

Импрессионизм, постимпрессионизм будоражат мое воображение, но я никогда не находился под их влиянием, добиваясь сложности колористической гаммы, изысканности ее в своих работах. Мне всегда хотелось быть самим собой в своей живописной манере, и не только в композиционном решении, но и в выборе мотива.

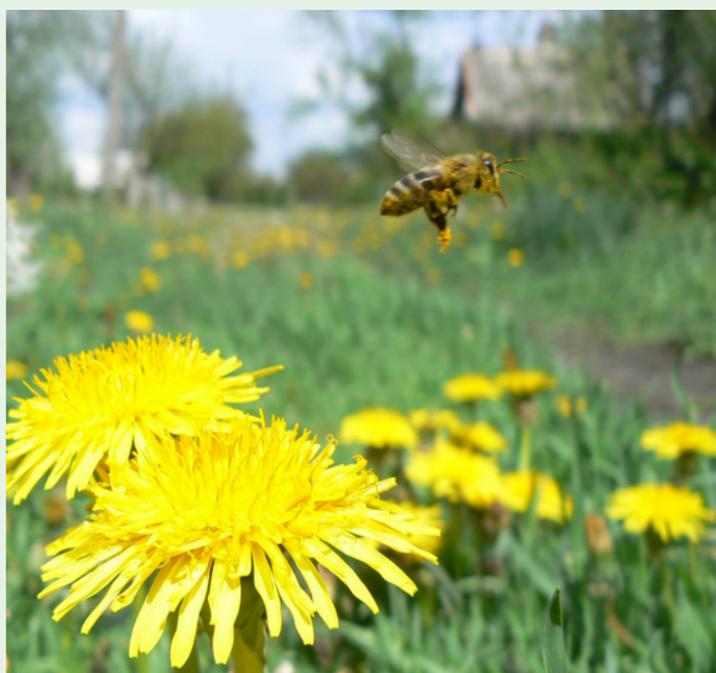

МИХАИЛ БАКУЗОВ

Студент гр. АПП-07-2. Родился в Краматорске 20 ноября 1988 года. Первым его фотоаппаратом был «Зенит», который достался ему от отца. На нем Михаил осваивал азы фотографирования. Фотоаппарат был ручного управления – это способствовало более глубокому пониманию сути фотографирования. С 2007 года – цифровой ультразвук Panasonic FZ-7.

Занимается видеоискусством. Снял 4-х минутный видеоклип. Самостоятельно осваивает различные приемы и методики съемки, монтажа, режиссуры и т.д. В ближайших планах снять короткометражный фильм.

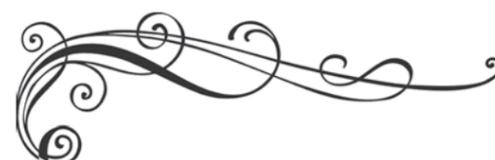
В настоящее время работает в газете «Академия» фотографом.

Взлет

Фото М. Бакузова

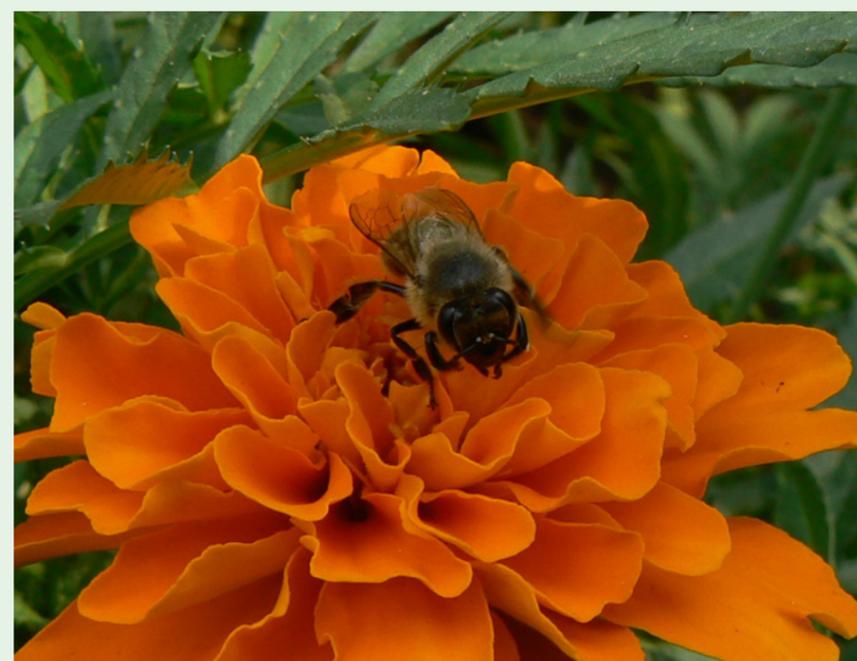
Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 2.8
Выдержка: 1/1000

Гусеница

Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: f4.0
Выдержка: 1/80

Пчелка умывается

Фото М. Бакузова

Фотокамера:
Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 5.6
Выдержка: 1/125

Меловая гора
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 5.6
Выдержка: 1/320

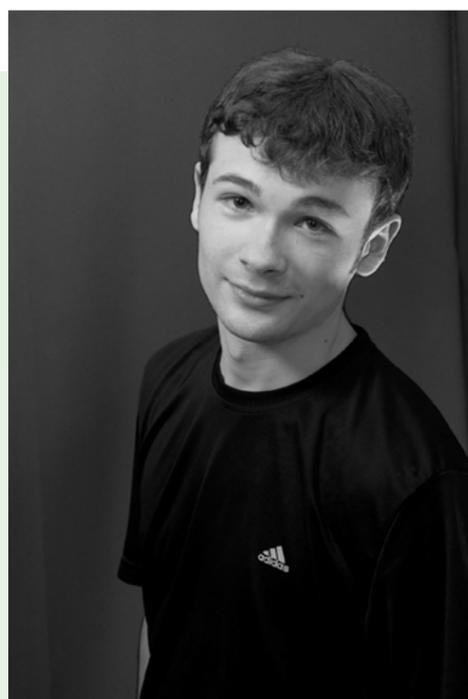
Раунд второй...
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 5.0
Выдержка: 1/80

Утренние аисты
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 6.3
Выдержка: 1/500

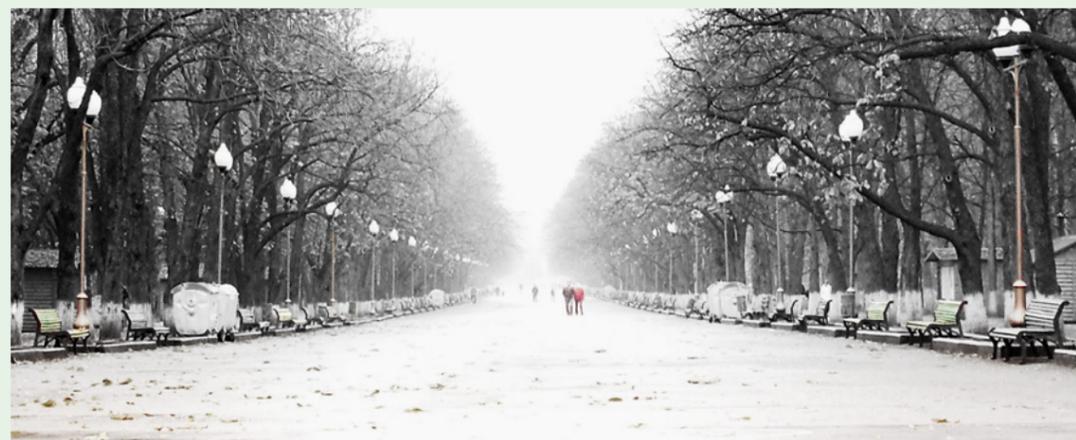

АЛЕКСАНДР ЛАРЮКИН

Студент гр. ООД05-1з, родился 11 февраля 1988 году в Дружковке.

Занимается фотографией недавно. Разносторонний человек, во всем находит интересные кадры, умеет «ловить момент». Его работы непринужденные, дают пищу к размышлению

Увлекается музыкой. Стоял у истоков развития радиовещания в Академии. Три года работал оператором автоматизированного эфира на радио «Академия». Дважды принимал участие в Международном фестивале юношеских СМИ «Жми на RECoRD», и дважды команда радио «Академия» становилась победителем в блицконкурсе фестиваля.

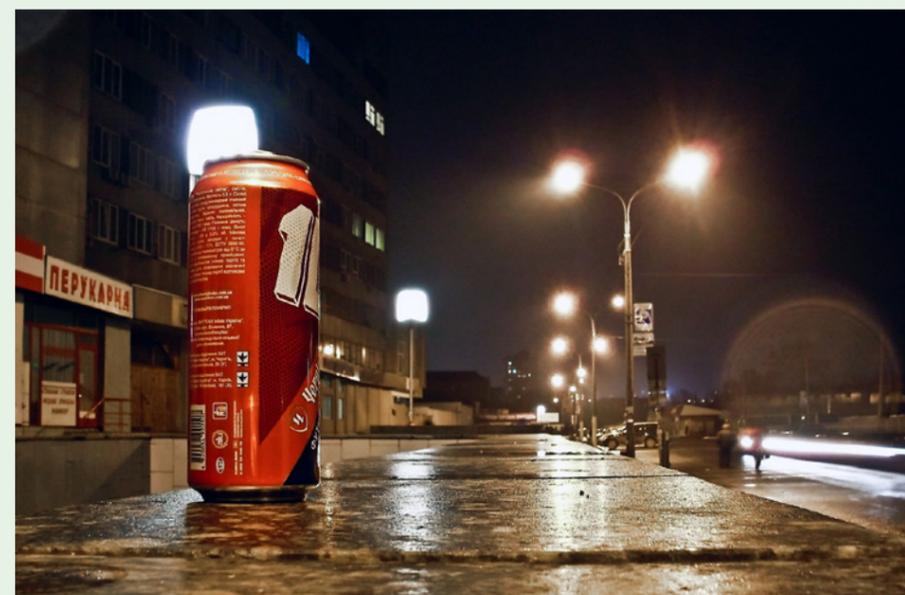
Парк Горького
Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Samsung s760
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 2,8
Выдержка: 1/45

Дети города
Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Samsung s760
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 8,4
Выдержка: 1/30

Вечерний Харьков
Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Samsung s760
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 8,4
Выдержка: 3

Закат с композицией

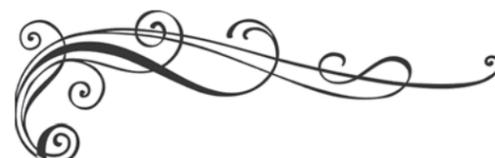
Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Зенит 122, МИР-17, 37 мм
Пленка: Fuji ISO 200
Диафрагма: 16
Выдержка: 6

Женщина в лесу

Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Samsung s760
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 5,2
Выдержка: 1/30

Вне времени

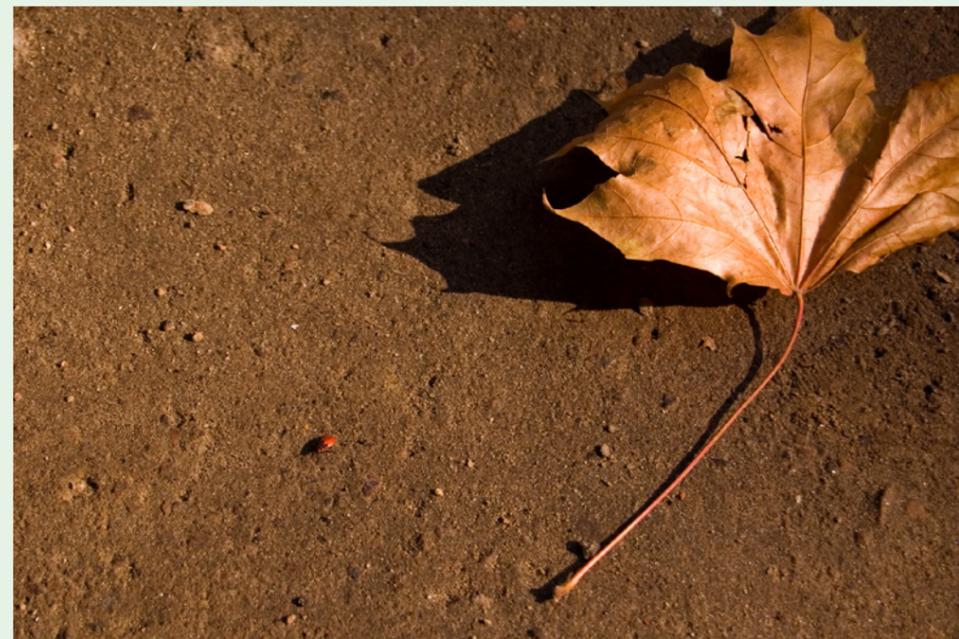
Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Samsung s760
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 14
Выдержка: 1/90

Лунная экспедиция

Фото А. Ларюкина

Фотокамера: Nikon D40
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 6,3
Выдержка: 1/100

МАКСИМ ЛИТВИНОВ

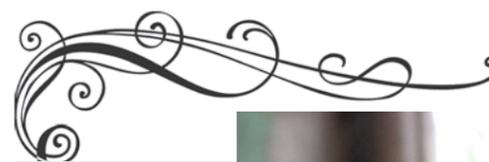
Студент ДГМА, гр. МО-06-2. Родился 29 апреля 1989 года в Мурманске.

Фотографией начал увлекаться давно, но возможность появилась год назад. Сейчас осваиваю видео. Больше всего нравится снимать природу и различные пейзажи. Круг интересов: спорт, фото, видеосъемка, книги, рисование.

Моя прелесть

Фото М. Литвинова

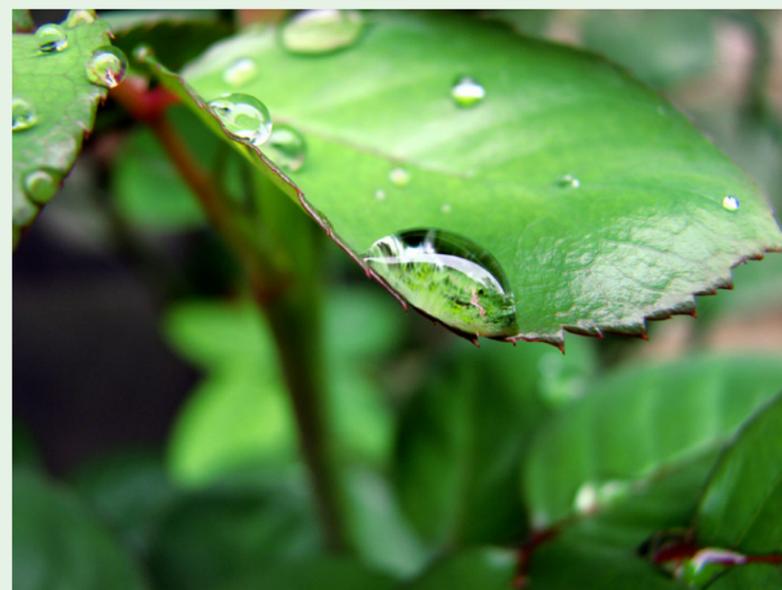
Фотокамера: Canon
PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Дифрагма: 2.7
Выдержка: 1/10

Вижу цель

Фото М. Литвинова

Фотокамера: Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Дифрагма: 1.5
Выдержка: 1/160

Капелька

Фото М. Литвинова

Фотокамера:
Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Дифрагма: 2.7
Выдержка: 1/10

Молния

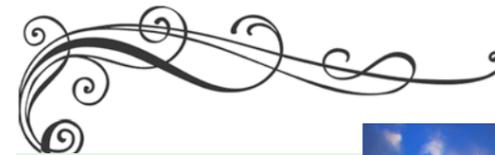
Фото М. Литвинова

Фотокамера:
Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 8
Выдержка: 4

Альпийские луга

Фото М. Литвинова

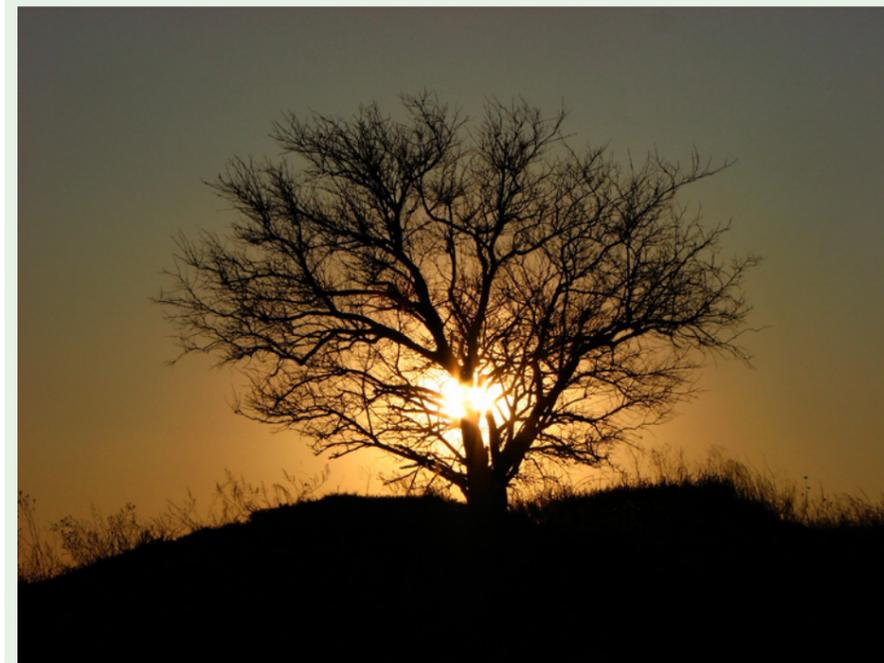
Фотокамера: Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 4
Выдержка: 1/500

Небо и Земля

Фото М. Литвинова

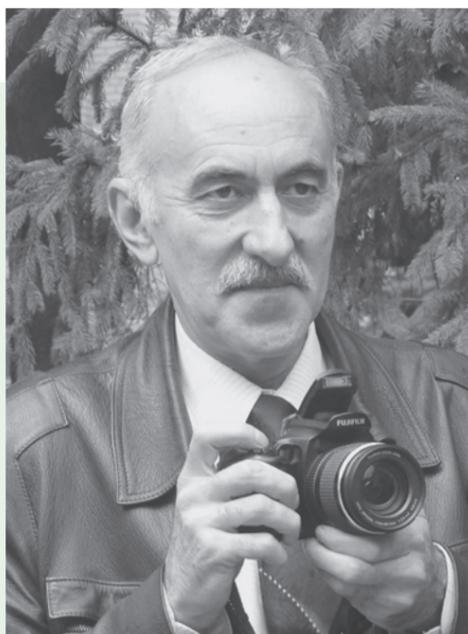
Фотокамера:
Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: f4
Выдержка: 1/200

Сквозь дерево

Фото М. Литвинова

Фотокамера:
Canon PowerShot S3IS
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 8
Выдержка: 1/1250

ВЯЧЕСЛАВ МЕДВЕДЕВ

Старший преподаватель кафедры ТиУП, главный редактор газеты «Академия». Увлёкся фотографией в 1966 году, когда была подарена плёночная камера «Смена-8». Фотографировал всеми плёночными камерами, которые выпускались в Советском Союзе, а также цифровыми камерами. Кроме репортажной и художественной фотографии занимался комбинированной фотографией, которую в настоящее время полностью заменил Photoshop. Печатался в газете «Академия» и других городских газетах.

Українські вечорниці

Фото В. Медведєва
Фотокамера: Nikon
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 2,6
Выдержка: 1/60

Мы помним вас, ветераны

Фото и дизайн В. Медведєва, верстка А. Тарана

Ежегодно Академия чествует своих ветеранов, завоевавших победу на фронтах Великой Отечественной войны, и тружеников тыла, ковавших победу на трудовом фронте. На фото 1 ряд:

Тимошенко Вера Ивановна – воевала с июля 1943 года по сентябрь 1945 года, санитарный инструктор стрелкового полка. Награждена орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

Животова Клавдия Петровна – воевала с 1943 года по 1945 год в хозяйственном отряде. Награждена орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

Пшеничный Михаил Иванович – сержант батальона охраны.

Ермаков Степан Сергеевич – воевал с 1 сентября 1943 по 23 сентября 1943 года. Пулеметчик. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Гончаров Андрей Сергеевич – воевал с 1941 года до конца войны. Рядовой. В 1942 году попал в плен. Освобожден американскими войсками, сразу же был призван в ряды Советской армии и направлен на фронт. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За мужество» и другими медалями.

Соколова Неонила Афанасьевна – участник войны, ветеран труда.

2 ряд:

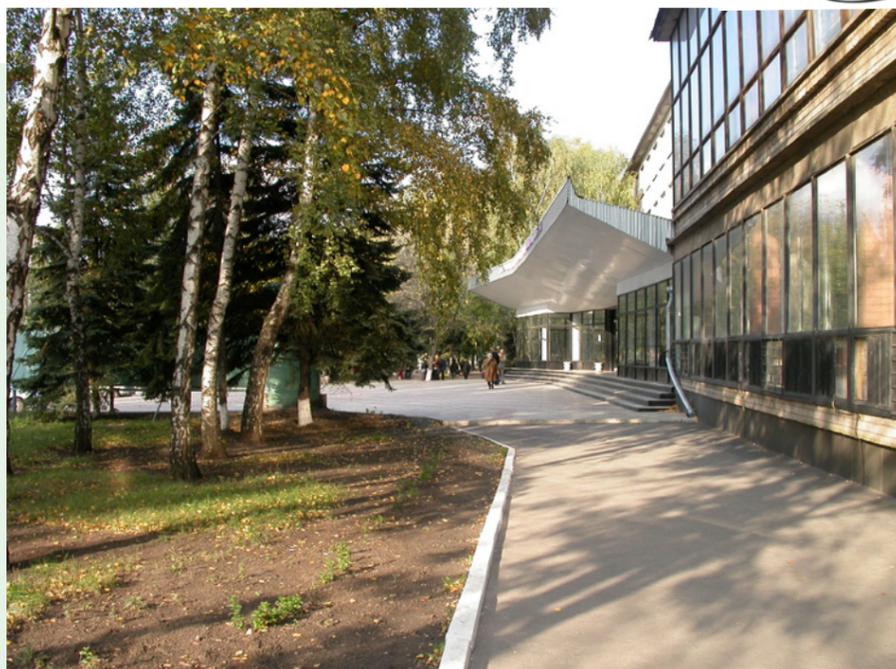
Олефир Василий Протасович – воевал адъютантом авиаэскадрильи. Награжден орденом Красной Звезды, имеет другие медали.

Копытин Борис Сергеевич – воевал с декабря 1939 года по май 1945 года, механик электрооборудования. Участвовал в освобождении г. Кенигсберга. Награжден тремя орденами Красной Звезды.

Крайний Леонид Алексеевич – призван в ряды Советской армии в 1945 году, рядовой. Воевал в Восточной Пруссии.

Веснин Виталий Павлович – участвовал в 1945 году в войне с милитаристской Японией. Сержант. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями.

Кибко Иван Карпович – воевал с 1941 года по 1945 год, летчик. Войну начал в воинском звании сержанта, закончил старшим лейтенантом. Закончил войну на Восточном фронте с милитаристской Японией. Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, многими медалями.

**Осень
в Академии**

Второй корпус ДГМА
(эюд)

Фото В. Медведева
Фотокамера: Nikon
Чувствительность:
ISO100
Диафрагма: 4,7
Выдержка: 1/130

Так рождаются специалисты
Фото В. Медведева

Фотокамера: Nikon
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 2,6
Выдержка: 1/60

**Он на целый миг
быстрее всех**

Фото В. Медведева

Фотокамера: Nikon
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 4,7
Выдержка: 1/150

Искусство литья
Фото и верстка В. Медведева

ГАЛИНА ОРЛОВА

Выпускница КИИ (ДГМА). Работала конструктором в ЗАО «НКМЗ». С 2003 года – член творческого объединения художников Донецкой области. В 2008 году удостоена звания «мастер изобразительного искусства».

Автор трех персональных выставок в Донецке, ряда коллективных выставок, персональной выставки в художественном музее г. Краматорска.

Кроме живописи увлекается поэзией. Стихи пишет с детства, автор трех поэтических сборников.

Все картины: масло, холст

Весенние воды
Худ. Г. Орлова

Ранним утром пойду без тропинки,
Пенье птиц, запах трав соберу.
Лучик солнца возьму и травинку,
И в букет незабудок вплету.

Зимнее Святогорье
Худ. Г. Орлова

Те песни о любви – истоке жизни.
Мир вечен, если здравствует любовь!
К Всевышнему, природе и отчизне.
Банально? – пусть, но повторю я вновь:
Любовь есть сила и да здравствует любовь!

Материнство
Худ. Г. Орлова

Закат
Худ. Г. Орлова

Послушай тишину,
В ней миллионы звуков:
Тонов, полутонов
Из всем известных нот.
Как белый цвет в себя
Вмещает сотню радуг,
Так в этой тишине
Сомкнулся звуков круг.

Двое
Худ. Г. Орлова

Юная девчонка танцевала
На пустынном пляжике Донца
И казалось, что не замечала
Молодого дуба-деревца.

Танцевала под журчанье речки
С хороводом солнечных лучей,
С вдохновеньем вольной райской птички,
Будто бы ожившая Жизель.

И в порыве опустил он ветви,
И застыл в прекрасном нежном «Па»,
А она умчалась вместе с ветром –
В танце дуб остался на века.

Годы мчатся, мчатся незаметно,
Я стою на берегу Донца.
Молвит дуб танцующий приветно:
– Помнишь? – Помню, здравствуй – это я.

Среди цветов
Худ. Г. Орлова

ЛЕСЯ ЧУЙКО

Леся начала рисовать в 10 лет. С отличием закончила художественную школу № 3. После окончания 11-го класса СШ № 26 поступила в ДГМА. Однако, это не помешало ей заниматься творчеством.

В октябре 2007 г. в Творческой гостиной ДГМА прошла первая выставка юной художницы под названием «Источник вдохновения». Многие представленные там работы девушка подарила своему вузу, но не стала от этого беднее.

«Творчество нельзя складывать в чулан под ключ, нельзя собирать всю жизнь картины, – говорит Леся. – Я люблю дарить картины хорошим людям, которые ценят мое творчество. Это дает мне стимул двигаться дальше и дарит очередную порцию вдохновения».

В январе 2009 г. в Историческом музее проходила городская художественная выставка «Творчество студентов», ставшая для Леси второй. Экспозиция нашей студентки заняла большую часть выставочного зала...

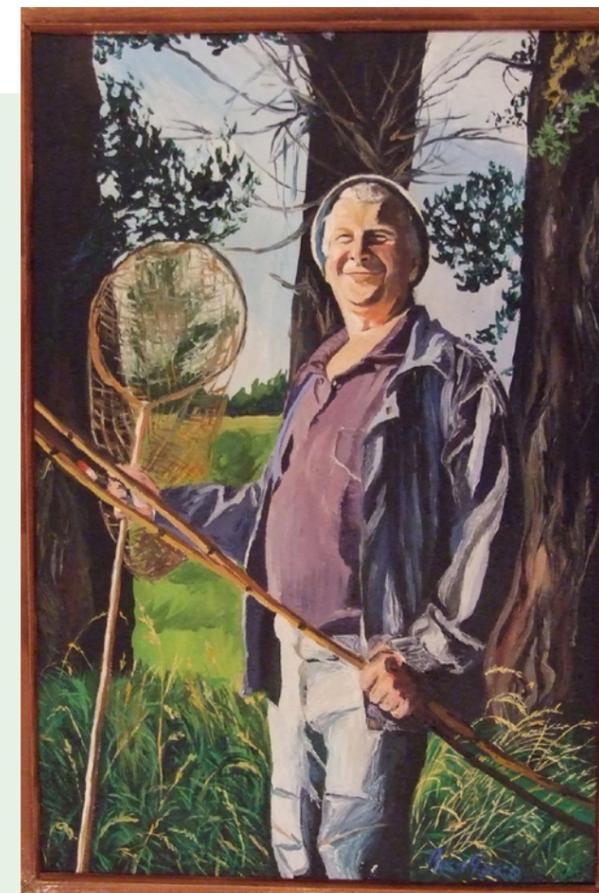
Шторм

Худ. Л.Чуйко
Масло, ДВП

Рыбак

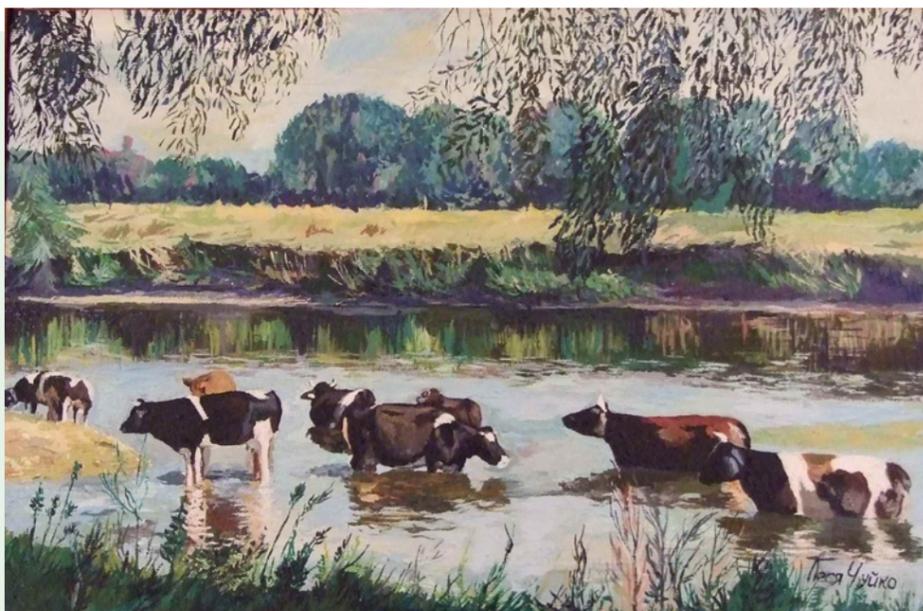
Худ. Л. Чуйко
масло, ДВП

Желтые лилии

Худ. Л. Чуйко
Пастель, бумага

На водопое

Худ. Л.Чуйко
Масло, ДВП

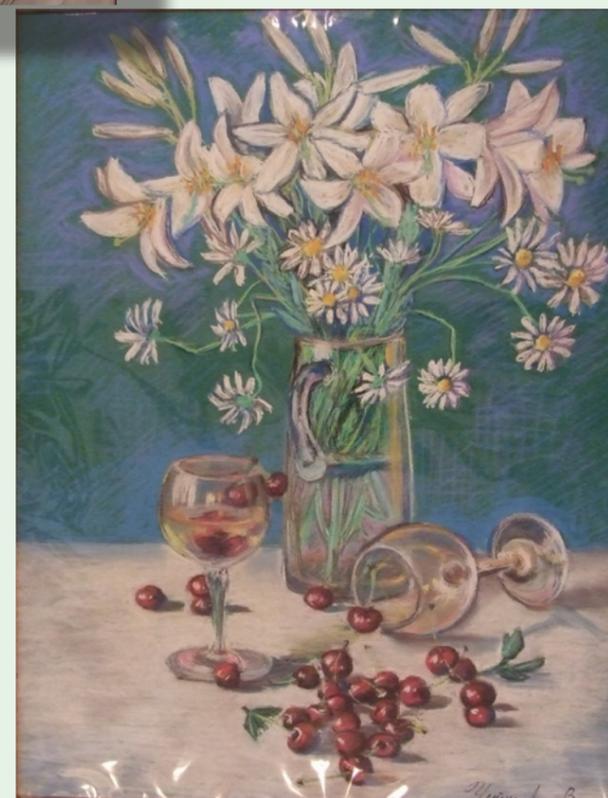
Астры

Худ. Л.Чуйко
Масло, ДВП

Натюрморт карандашом

Худ. Л. Чуйко
Карандаш, бумага

Первые спелые вишни

Худ. Л.Чуйко
Пастель, бумага

ВИКТОР ДУБИНИН

Родился 13 сентября 1939 года. Учился в СШ № 16 им. Т. Г. Шевченко (1947 – 1957 гг.), ГорПТУ №7 (1957 – 1959 гг.), во Всесоюзном Доме народного творчества им. Н. К. Крупской по классу баяна (1956 – 1957 гг.), на филологическом факультете и в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова (1964 – 1975 гг.). Кандидат философских наук, доцент.

Работал токарем-расточником на НКМЗ в ремонтно-механическом цехе № 4, служил в ВВС СССР в должности механика по вооружению самолетов. С 1969 года – преподаватель философии и философских дисциплин. Имеет 139 публикаций. В 2009 г. вышла в свет книга с музыкальными произведениями на стихи краматорского поэта «Музичні твори на поезії А. О. Тарана».

Друзьями

Слова В. Федоринова

Музыка В. Дубинина

Allegro non troppo ♩ = 120

1. Да - вай - те про-сто жить и встре-тив день у - льб - кой ско-ре - е про-те - реть ту - ман-но - е стек-
 2. ло за - бьт и сны и ночь с лу - но - ю зьб - кой рас-крыть лу - чу ла - донь и о - шу -
 3. тить теп - ло За- о - шу-тить теп - ло

Давайте просто жить, и, встретив день улыбкой,
 Скорее протереть туманное стекло,
 Забыть и сны, и ночь с луною зыбкой,
 Раскрыть лучу ладонь и ощутить тепло.

Давайте выйдем в сад, а может в степь, в покосы,
 Оставить след босой во влажной мураве,
 Слезу заметить на губах прохладных розы,
 Припасть к её губам и замереть в траве.

Давайте жизнь любить, а в этой жизни – близких.
 И вырастить детей, всего себя отдать,
 И в сумрак не упасть до побуждений низких,
 Да за червонец друга не продать!

Давайте же дружить, ведь это нам так нужно!
 И дружбу, как цветы, лелеять и дарить,
 А в день рожденья друга, как в день рожденья дружбы,
 Все души просветлив, мы будем петь и пить!

Краб и Медуза

Слова С. Головки

Музыка В. Дубинина

Allegro ♩ = 120

По - се - ти - ла Кра - ба Му - за Кра - бу встре - ти - лась Ме - ду - у - у - за То а - жур - но - е со -
здань - е пре - взо - шло все о - жи - да - а - а - нья все о - жи - дань - я

Посетила Краба Муза,
Крабу встретилась Медуза.
То ажурное создание
Превзошло все ожидания.
Стал наивный донный Краб
Той любви медузой раб.
Снизу вверх смотрел, как странно
Двигается она жеманно,
И с позиции придонной
Восхищался той мадонной.
Там, в прозрачных водах моря,
Позабыл, что крабы спорят
И любой субъект грешной
Могут наказать клешней.
Все глазел, не спал, не ел,

До смешного ослабел,
Даже панцирь из хитина
Тонким стал, как паутина.
Как-то раз по дну он лез,
Видит, панцирь весь исчез –
Не любовь, а канитель,
Суть медузы ведь кисель.
Как возлюбленная муза,
Краб прозрачен, как Медуза.
Сел наш Краб совсем на мель,
Стал безликим, как кисель,
Содержанья наберешься
От того, кем увлечешься.
Если бесхребетна Муза,
Даже Крабу быть Медузой.

Любушка

Слова М. Милявского

Музыка В. Дубинина

Allegro non troppo ♩ = 120

Лю - буш - ка го - лу - буш - ка неж - на - я мо - я Ка - те - ри - на сол - ныш - ко Кра - ше нет те - бя
Гла зок тво их яс - нень - ких не ту мне ми - лей Гу бок тво их а - лень - ких в све - те нет вкус -
ней

Любушка-голубушка – нежная моя,
Катеринка-солнышко – краше нет тебя!
Глазок твоих ясененьких – нету мне милей,
Губок твоих аленьких – в свете нет вкусней!
Быть с тобою рядышком – косы заплетать,
Как девчущку малую – под дождем купать!
Шейка – лебединая, и царевны лик,
Катеринка-лапушка, Бог тебя хранит...

Над морем вереница журавлей

Слова Б. Брусиловского

Музыка В. Дубинина

Moderate ♩ = 120

Где пышно-е при-роды у-вя-да-ни-е лишь ле-то то про-хлад-ней то теп-лей ко-гда же о-сень вот о-на вни-ма-ни-е над мо-рем ве-ре-ни-ца жу-рав-лей Мо-рем ве-ре-ни-ца жу-рав-лей

Где «пышное природы увядание»?
Лишь лето: то прохладней, то теплей.
Когда же осень? Вот она. Внимание!
Над морем вереница журавлей.
Я вижу клин посланцев Украины.
Ах, как волнует памятный узор!
По воле рока в наши Палестины
Летят они ветрам наперекор.
Клин журавлиный – добрая примета.
Мне птиц полёт не кажется чужим.
Два места на планете: то и это.
Открытый и безвизовый режим!
А не пора взглянуть на правду шире?
Свобода птиц. Что может быть мудрей!

Вы посмотрите! В журавлином мире
Нет войн, террора, запертых дверей.
Хотел бы я по небу рядом с Богом,
Без виз и без таможенных услуг,
Летать по птичьим правильным дорогам:
Весной – на север, а зимой – на юг.
Весной бы полетел на Украину,
Спасаясь от тоски и от жары.
Зимой бы примкнул к большому клину
И полетел в библейские миры...
Летят над морем птичьи вереницы.
Пусть это бред, но попросить хочу:
«Меня весною позовите, птицы!
На север вместе с вами полечу!»

Поэзия – моя отрада

Слова А. Кибирева

Музыка В. Дубинина

В ритме романса ♩ = 120

У те-бя ли-цо кня-ги-ни У те-бя гла-за га-зе-ли
Сколь-ко вся-ких в этом ми-ре На кра-су тво-ю гла-зе-ли
Сколь-ко греш-ных изъ-яс-ня-лись язы-ком за-ко-сте-не-лым
кра-со-ты тво-ей ка-са-лись сло-вом гру-бым жес-том сме-лым
сколь-ко сме-лым

У тебя лицо княгини,
У тебя глаза газели!
Сколько всяких в этом мире
На красу твою глазели.

Сколько грешных изъяснялись
Языком закаменелым,
Красоты твоей касались
Словом грубым, жестом смелым.

Только я хранил молчанье,
Только я стоял окован,
Красотой необычайной
Опьянен и очарован.

И теперь мне, как награда,
Быть с тобой, моя отрада!

Пусть говорят

Слова О. Бабина

Музыка В. Дубинина

Allegro non troppo ♩ = 120

1 2 3 4
Го - во - рят что семь - де - сят э - то при - го - вор Не ви - дать вам ра - дос - ти И вы - со - ких гор

5 6 7 8 9
Но не верь - те этим вы друзь - я сло - вам я се - бя в о - би - ду ста - рос - ти не дам Ста - рос - ти не дам

10

Говорят, что 70 – это приговор,
Не видать вам радости и высоких гор.
Но не верьте этим вы, друзья, словам,
Я себя в обиду старости не дам.

Будем еще видаться, песни распевать,
В жизни что накоплено – детям отдавать.
Доброта и радость – жизни всей секрет.
Всем друзьям желаю жить 120 лет!

Ветро в ритме танго

Слова И. Шередко

Музыка В. Дубинина

Moderate ♩ = 120

1 2 3 4 5
И сно - ва тан - го на - вж - день - е И сно - ва ча - ры неж - ных глаз На -

6 7 8 9 10
вер - но в вас и есть спа - сень - е Но нет спа - се - ни - я от Вас И где - то ря - дом по - ми -

11 12 13 14 15 16
ну - у - тно Бро - са - ясь брыз - га - ми о - гня не от - вра - ти - мо Не - от - ступ - но о - ни пре - сле -

17 18 19 20
ду - ют ме - ня О - ни пре - сле - ду - ют ме - ня

И снова танго наважденье,
И снова чары нежных глаз.
Наверно, в вас и есть спасенье,
Но нет спасения от вас!..
И где-то рядом, поминутно,
Бросаясь брызгами огня –
Неотвратимо, неотступно
Они преследуют меня!
Я безнадежно околдован,
Как вызов – шарфа белый флаг.
Твой танец легок и раскован,
И безупречен каждый шаг!

Голубоглазая брюнетка,
Из ритмов вспыхнувший костер...
Мне сумасбродная кокетка
Во сны является с тех пор!
Фиесты, пальмы, запах моря...
И там, а может – наяву,
Рождаясь в аргентинском танго,
Влюбляясь, мучаясь, живу!..
Жду телом в танце исцеленья,
Несносны чары нежных глаз,
Наверно, в вас и есть спасенье,
Но нет спасения от вас!

СЕРГЕЙ КОВАЛЕВСКИЙ

Доктор технических наук, профессор, отличник образования Украины, обладатель знака Петра Могилы, проректор по научно-педагогической работе и учебной работе ДГМА, заведующий кафедрой технологии и управления производством.

После окончания Авиационного института (г. Уфа), успешной защиты диссертации и многолетней работы в гигантском научно-производ-

ственном комплексе Днепропетровска, переехал в Краматорск, на родину отца. В Донбасской государственной машиностроительной академии прошел путь от преподавателя кафедры технологии машиностроения до проректора.

При его непосредственном участии в вузе были созданы Инженерно-экономический факультет, новые кафедры.

В Краматорске при содействии С. В. Ковалевского организована Малая академия наук, воспитанники которой становятся победителями всеукраинских и международных олимпиад, конкурсов, слетов, конференций.

Сергей Ковалевский – один из идеологов и создателей Комплексной программы непрерывного образования на 2005-2010 гг., программ «3-2-1» ДГМА-НКМЗ, «Наука – производству» и многих других.

Серьезное увлечение музыкой пришло еще в детстве. Первый эстрадный ансамбль Сергей Ковалевский организовал в школьные годы. В институте был музыкальным руководителем студенческого театра, стал лауреатом Первого Всесоюзного конкурса художественного творчества молодежи.

Создавал музыкальное оформление пьес для выпускников Щукинского училища. Спектакли в Москве, Костроме, Махачкале были оформлены его музыкой. Отдельные песни становились лауреатами республиканских и международных фестивалей. Положил на музыку произведение Р. Бернса и В. Шекспира «Веселые нищие». Этот мюзикл в 1978 году стал лауреатом международного фестиваля молодежных театров.

Автор музыки Гимна ДГМА, Вальса Академии и многих других музыкальных произведений.

Гимн Академии

Слова А. Кибирева

Музыка С. Ковалевского

1

Вся

6

жизнь че - ло - ве - чест - ва дви-жет-ся зна-ни - ем от

8

пер - вых кост-ров до по-

9

ле - тов кос - ми - чес - ких! На - у - ка на-ве - ки ос-

11

та - нет-ся зна-ме-нем Ве-ли - ких от-кры - тий и дел ис-то-ри-чес-ких! Vi

14

vat, А - ка - де - ми-а! Vi - vat, al-ma

17

Ма - а-тер В тво - их дос-ти - же - ни-ях му - жа - ет ха-рактер Ис

22

точ - ник и - дей ин - тел - лек - та у - ма

26

Vi - vat A - ca - de - mi - a Vi - vat D - G - M - A

31

34

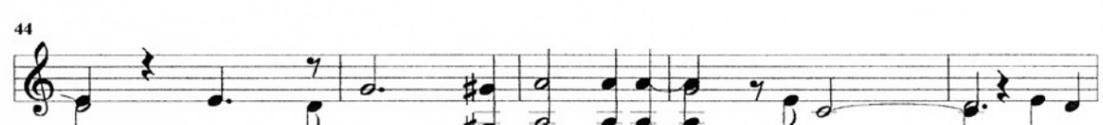
36

39

44

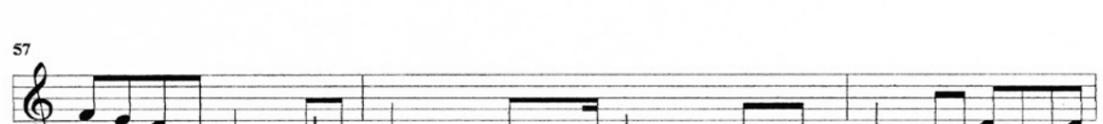
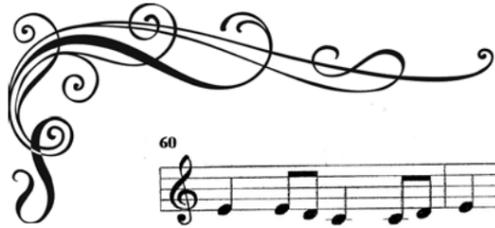
49

54

57

60

65

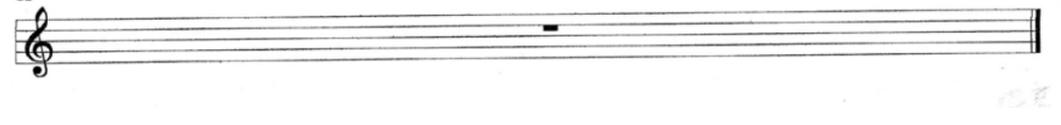
70

75

81

Вся жизнь Человечества движется знанием
от первых костров до полетов космических!
Наука навеки останется знаменем
великих открытий и дел исторических!

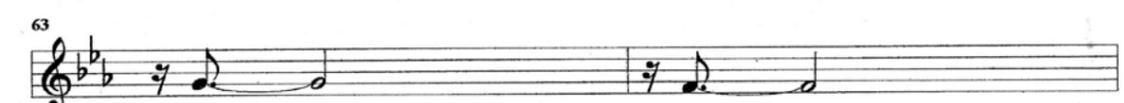
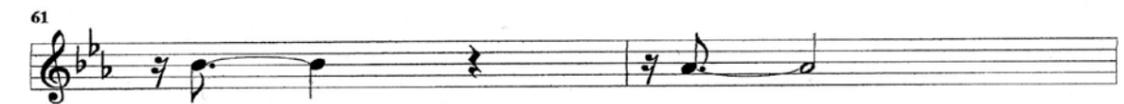
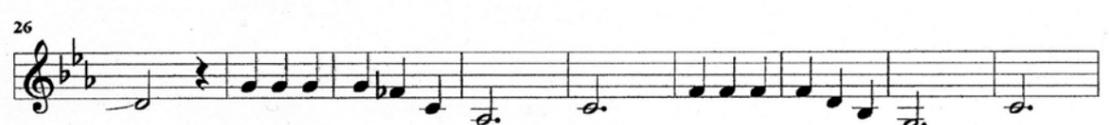
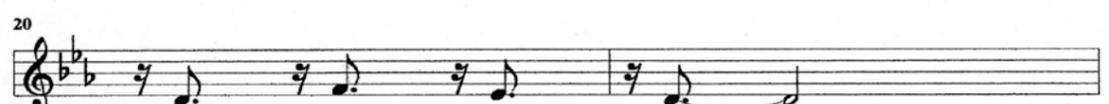
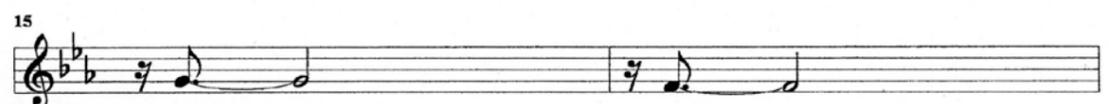
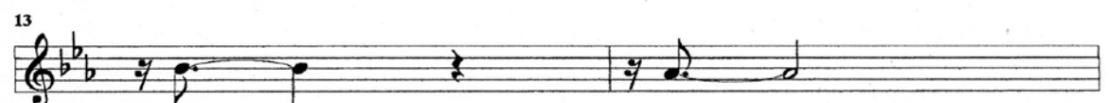
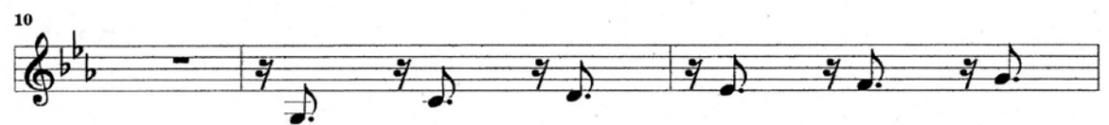
Пр. Vivat, Akademia! Vivat, alma Mater!
В твоих достижениях мужает характер –
Источник идей, интеллекта, ума!
Vivat, Akademia! Vivat, DGMA!

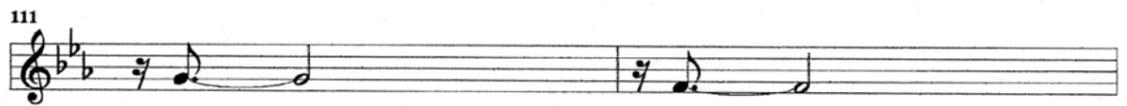
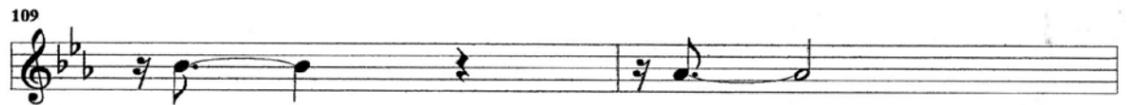
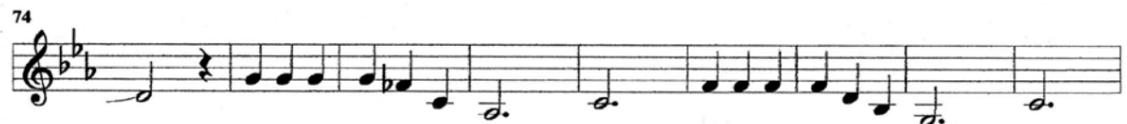
Здесь, в Храме Науки, к познанию бессмертному
трудом вдохновенным проложена трасса.
Служенью народу, труду беззаветному
растит Академия кадры Донбасса.

Вся жизнь Человечества движется знанием,
идет к Ноосфере, поднятой Атлантами!
Живет Украина свободой, дерзанием
И славиться будет своими талантами!

Вальс Академии

Музыка С. Ковалевского

РЕЗОНАНС

После выхода в свет первого номера «Альманаха муз» редакционная коллегия получила массу отзывов. Предложения и пожелания от авторов и читателей Альманаха были внимательно проанализированы, а самые конструктивные из них – учтены в работе над вторым номером.

Предлагаем вниманию читателей один из отзывов, пришедший к нам из Славянского государственного педагогического университета.

Юності пориви

В житті Донбаської державної машинобудівної академії відбулася надзвичайна подія – вийшов у світ перший номер «Альманаху муз». Він об'єднав багато талановитих людей: викладачів, гостей альманаху, студентів і випускників академії.

Здається, що в навчальному закладі, у стінах якого здобуваються переважно технічні спеціальності, не місце для поетичних муз, але перший номер альманаху змушує упевнитись в протилежному. Кожен вірш, кожен прозовий твір альманаху проникнутий глибокими душевними переживаннями, позитивними чи негативними емоціями.

Автор цієї статті сама є студенткою, тому нічого дивного в тому, що передусім мою увагу привернула творчість молоді – студентів Академії та тих авторів, що в недалекому минулому стали її випускниками.

Студенти – це представники молоді, отже, і теми їхніх творів є актуальними для нашого часу та цікавими для емоційно-духовного осмислення. Юність – це пора перемог і поразок, пора кохання і пізнання життя.

У першу чергу хочеться звернути увагу на вірші Асі Афанасьєвої. Дівчина, яка нещодавно була студенткою ДДМА, а зараз вже молода викладачка, аспірант кафедри АВП, захоплюється сучасними танцями та дизайном. У дівчини творча натура. Юна поетеса талановита і вкладає у свої вірші душу, думки про життя та власні мрії.

Вважаю, що її поезії пройняті глибоким сенсом буття. Вірші «Ночь», «Счастье – проснуться от птичьего пения», «Я не люблю застекленных балконов», «В свой мир уйду», «Читая роман «Мастер и Маргарита», безумовно, написані серцем. Вічна тема людського існування дуже тонко і водночас широко розкрита у поетичних творах дівчини.

У своїх поезіях Ася розкриває не лише власний настрій і думки, вона відтворює сучасний світ, який став задушливим і нещирим. Авторка розуміє, що суспільство, в якому вона живе, не є ідеальним. Тому хоче переконати, що жити, сховавшись від усіх за скляними балконами, закривши свої душі, не можна. Наші мрії і бажання не слід забруднювати буденним сірим бетонним пилом:

Я не люблю застекленных балконов.

Они похожи на клетки в неволе.

Сквозь тусклые стекла и пыль на бетоне

Вас солнечный зайчик не побеспокоит...

Людина має завжди залишатися людиною. Бо саме їй дано вміти мріяти, виражати свої емоції, радіти життю, милуватися навколишнім світом і гратися під сонячним промінням:

А я люблю, чтобы настужь души,

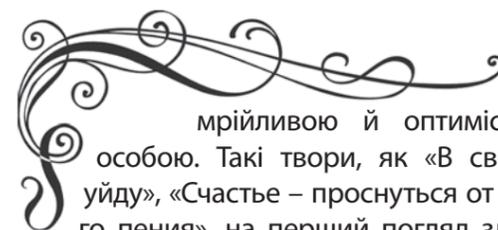
Чтоб был искренен смех

и честны намеренья,

Чтобы не предал тот, с кем ты дружишь,

Чтоб верить ему без границ и сомненья.

Судячи з віршів А. Афанасьєвої, вона є

мрійливою й оптимістичною особою. Такі твори, як «В свой мир уйду», «Счастье – проснуться от птичьего пения», на перший погляд здаються просто витворами юної уяви. Але, якщо вчитатися, то можна зрозуміти, що дівчина хоче вказати людям, наскільки важливо уміти відсторонюватися від сірих буднів і насолоджуватися радіщами життя, поки є на це можливість.

Вірш «Читая роман «Мастер и Маргарита» вражає своїми філософськими мотивами. Як тонко ця дівчина розкрила сенс життя. Між рядків ми ніби читаємо: «Борись! Живи! Живи незважаючи ні на що!» Авторка прекрасно усвідомлює існуючі навколишні труднощі, з приводу чого вона не має жодних ілюзій, тому і варті уваги основоположні принципи, в яких бачиться сенс існування:

Ведь Свет и Тьма не могут разделяться.

И самый светлый человек

отбрасывает тень...

Юність обов'язково супроводжується коханням. Перші почуття, переживання змушують нас навчитися знаходити шлях до іншої людини, наштовхують на переосмислення життя.

Із віршів Юлії Байракової одразу видно, що вона мрійлива натура. Твори цієї авторки гідні того, щоб їх виділити в окрему тематичну групу. Кохання – ось провідний мотив її віршів.

Юля пише вірші ще зі школи. Муза її ніколи не покидає. Поетеса з усіма тонкощами описує це чудове і часом нещасливе почуття, намагаючись перш за все ствердити думку, що любов – це божественний дар:

...Свою судьбу никак не обманешь,

Любовь нагрянет, и ты сразу узнаешь...

Здається, що кожен момент життя, відбитий у віршах, поетеса пропустила крізь власне серце. Пристрасне, високе почуття подається читачеві як поклик душі. Будь-яка дівчина більш емоційно сприймає ко-

хання, ніж представники чоловічої статі. У дівочому сприйнятті кохання – це частина внутрішнього світу. Для дівчини любов – це сльози і турбота, радість й веселі моменти, туга та біль, усмішки та розмови під ясным місяцем. Якщо дівчина закохана, то її серденько починає битися частіше лише від одного погляду коханої людини.

Студентка вміє дуже красиво і з почуттям передати стан закоханості. При цьому вона наголошує на тому, що «любов – это дивное чувство, что слова превращает в стихи».

І справді, коли ти любиш, коли не уявляєш життя без своєї другої половинки, то хочеться співати, серце ніби рветься із грудей, щоб освідчитись у коханні. Дивно, але, здавалося б, такі прості слова «Я тебе кохаю!» з уст рідної людини звучать, ніби романтична мелодія. Юна поетеса навіть назви для віршів підбрала ліричні – «Судьба», «Танец души».

Також до цієї тематичної групи можна включити поетичні твори Олександри Болгової. Вона пише переважно про нещасливе кохання, від чого її поезії набувають особливої емоційності. Що ж хвилює ліричну героїню О. Болгової?

Певно, вона дуже боїться самотності. У вірші «Я хотела тебе сказать...» героїня О. Болгової має надію, що її коханий повернеться, дасть їй останній шанс на відновлення почуттів. Поезія «Твоя игра, твои слова» про те, як кохання може принести біль і сум у серце:

Я не держу тебя, ты знай!

И вот я в комнате одна...

Твоя игра, а боль – моя.

Хоча поділ літератури на «жіночу» та «чоловічу» і носить дещо умовний характер, однак поезії молодих авторів альманаху, дають підставу стверджувати, що хлопців хвилюють значно ширші проблеми – наркоманія, важливість фізичного і духовного розвитку тощо.

Зі змісту віршів Вадима Мишакова можна зробити висновок, що він активно займається

спортом і є дуже цікавою особистістю. Він любить життя і закликає читача прожити його достойно, будучи при цьому сильним, здоровим та вольовим:

*И спорт – твоя жизнь,
Твоих мышц напряженье,
Дыханье свободы и сил.*

Тож бачимо, що для Вадима спорт – значно більше, ніж власне фізичне загартування. Це

бачених кінофільмів, В. Мишаков, як нам видається, підсвідомо вловив одну з найбільших загроз, що несе в собі війна. Допускаючи жорстокість насилля, вбивств, вона травмує душу, привчає без жалю, співчуття спостерігати за стражданнями оточуючих, не реагувати на них. У вірші пронизливо лунає звернення-пересторога

Заняття літературної студії «ГЛОРИЯ» в творчій вітальні ДДМА

той феномен, який дозволяє молодій людині випробувати себе, зануритися в потаємні куточки власної душі, знайти в ній стрижні, що допомагають вижити в нашому складному світі і самореалізуватися:

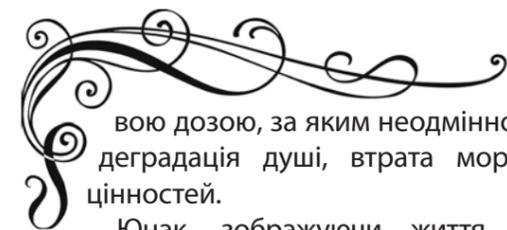
*Оставь страха бездну,
Вперед, не скрываясь, –
Мгновенья победы познай!*

Читаючи ці оптимістичні заклики, хочеться бути кращим, гідним свого місця на Землі, упевнено крокувати власним шляхом.

Дуже хвилюючим є вірш «Война». Юнак зумів надзвичайно яскраво розкрити той жах, що несе війна, виразити її наслідки. Маючи уяву про війну лише на підставі прочитаних художніх та мемуарних творів, по-

«Очнись!.. Очнись!..», відбиваючи блага автора як сильної і вольової натури протистояти злу, зменшувати існуючі негаразди.

Також до актуальних життєво важливих проблем звертається у своїх творах Андрій Моцик. Одразу зазначимо, що його ліричний герой не пасивний споглядач, а молода людина з активною життєвою позицією. Не випадково, коли читаєш вірші Андрія, згадуються слова Й. В. Гёте: «Лиш той життя й свободи вартий, хто йде щодня за них у бій». Так, А. Моцик веде бій за людину, збереження її особистості. Провідним мотивом багатьох його поезій («Я нервую, я панікую», «Я тихо прячусь над гладью воды») є наркоманія, примарне задоволення, викликане черго-

вою дозою, за яким неодмінно стоїть деградація душі, втрата моральних цінностей.

Юнак, зображуючи життя наркомана, розмежує світ на добро – світ без наркотиків і зло – світ, оповитий цигарковим димом та закиданий голками від шприців. При цьому автор уникає банальних закликів утриматися від уживання наркотиків. Йому вдається дуже точно і яскраво виразити стан людини, яка знаходиться «під кайфом»:

*Плющить і тарашить,
Тягне й розриває
Головою в стелю
Знов і знов!*

Звернімо увагу і на те, що А. Моцик уміє бути толерантним, не кидаючи звинувачень на адресу людей, що вживають наркотики. Цієї якості дуже не вистачає нашому суспільству, а звідси, напевне, негативи в навколишній дійсності, бо вони не стільки ліквідуються, скільки приховуються, замовчуються, стаючи від цього ще більш небезпечними. Автор переконаний, що в основі наркоманії не злочинна діяльність, а складна психофізіологічна недуга, від якої людину слід перш за все рятувати, а не карати. Відтак значна відповідальність покладається і на самого «пацієнта», все залежить від нього самого. Можливість вибору – це один із найважливіших показників міри свободи індивіда. Вибір – це завжди прояв того, наскільки людина почуває себе особистістю, адже вибір чиниться згідно з власними моральними цінностями, засадами та переконаннями. Обране і є мірилом спрямованості людини. Потрібно перш за все розібратися у собі і визначити, якою дорогою йти – добра чи зла:

*Яркий свет в конце туннеля
Может, согреет, а может, сожжет.
Может, подарит минуты прозренья.
А может, безумия – наоборот.*

Тож в особі А. Моцика маємо цікавого й оригінального поета з неординарним мисленням і способом його вираження безпосередньо в творчості. Вірші цього студента кожного примушують задуматися: «На що ми витрачаємо дорогоцінні хвилини нашого життя? Чому ми вбиваємо в собі справжні духовні цінності: розум, добро, любов...»

Отже, перше видання «Альманаху муз» засвідчило, що в Донбаській машинобудівній академії готують не лише хороших фахівців – інженерів, але й сприяють розвиткові нахилів та уподобань зовсім іншого профілю.

Писати вірші – це велике мистецтво, яке треба опановувати. Студенти, поетичні твори яких представлені у цьому альманасі, вже засвідчили свій талант. Він даний їм від Бога. Вони вміють відчувати і висловлювати свої емоції. У момент, коли їм легко або сумно, у них з'являється бажання і потреба виразити це поетичним словом. Звісно, не всі вони досягнуть літературних висот. Та це, напевне, і не повинно їх особливо бентежити. Головне, що ці обдаровані юнаки і дівчата пишуть для душі. І це чудово!

Сподіваємося, що і наступні видання «Альманаху муз» подарують читачам нові емоції, переживання, викличуть нові роздуми і міркування, залишать відчуття радості від спілкування з прекрасним.

*Коробка Юлія
студентка філологічного факультету
кафедри української мови і літератури
Слов'янського державного
педагогічного університету*

Содержание

Не иссякнет родник вдохновения	4
Коли душа співає.....	7
<i>Живое слово</i>	
<i>сотрудники и преподаватели ДГМА (КИИ)</i>	
Гаврикова Алина.....	10
Головко Сергей.....	12
Кибирев Анатолий.....	22
Лузан Анатолий.....	26
Милявский Михаил.....	28
Остафийчук Алина.....	30
Федоринов Владимир.....	32
Шередеко Игорь.....	34
<i>Манец души</i>	
<i>студенты и выпускники ДГМА (КИИ)</i>	
Антончик Елена.....	38
Кориневская Алиса.....	42
Коцаренко Владимир.....	44
Кремянская Елена.....	47
Латыш Олег.....	56
Максименко Олег.....	58
Миляева Валерия.....	60
Михайленко Антон.....	62
Тренкина Маргарита.....	66
Шатская Анастасия.....	68

Продолжается жизнь бесконечно

гости Альманаха

Дятликова Тамара.....	72
Кисловская Елена.....	74
Мельник Виктория.....	76
Руденко Мария.....	80
Рыбалко Николай.....	84
Таран Анатолий.....	87
Шталь Андрей.....	90

Остановись, мгновенье!..

живопись, графика, фото

Базилевский Иван.....	94
Бакузов Михаил.....	100
Ларюкин Александр.....	104
Литвинов Максим.....	108
Медведев Вячеслав.....	112
Орлова Галина.....	116
Чуйко Леся.....	120

Серебряные нити строк

музыка

Дубинин Виктор.....	126
Ковалевский Сергей.....	134
<i>Резонанс. Юности пориви.....</i>	142

Літературно-художнє видання

Альманах муз

Поезія, проза, фотографія, живопис, музика

(Російською мовою)

Коректори: О. Дудченко, О. Бєсєдіна
Художники: І. Базилевський, Н. Шнурик
Комп'ютерна верстка: Н. Синельніков
Верстка ілюстрацій: П. Чередніченко

Підп. до друку 26.11.2009. Формат 60x84/8
Папір офсетний. Ум. друк. арк. 17,21. Обл.-вид. арк. 6,73.
Тираж 90 прим. Зам. № 119.

Донбаська державна машинобудівна академія
84313, м. Краматорськ, вул. Шкадінова, 72
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру
серія ДК №1633 від 24.12.2003 р.

